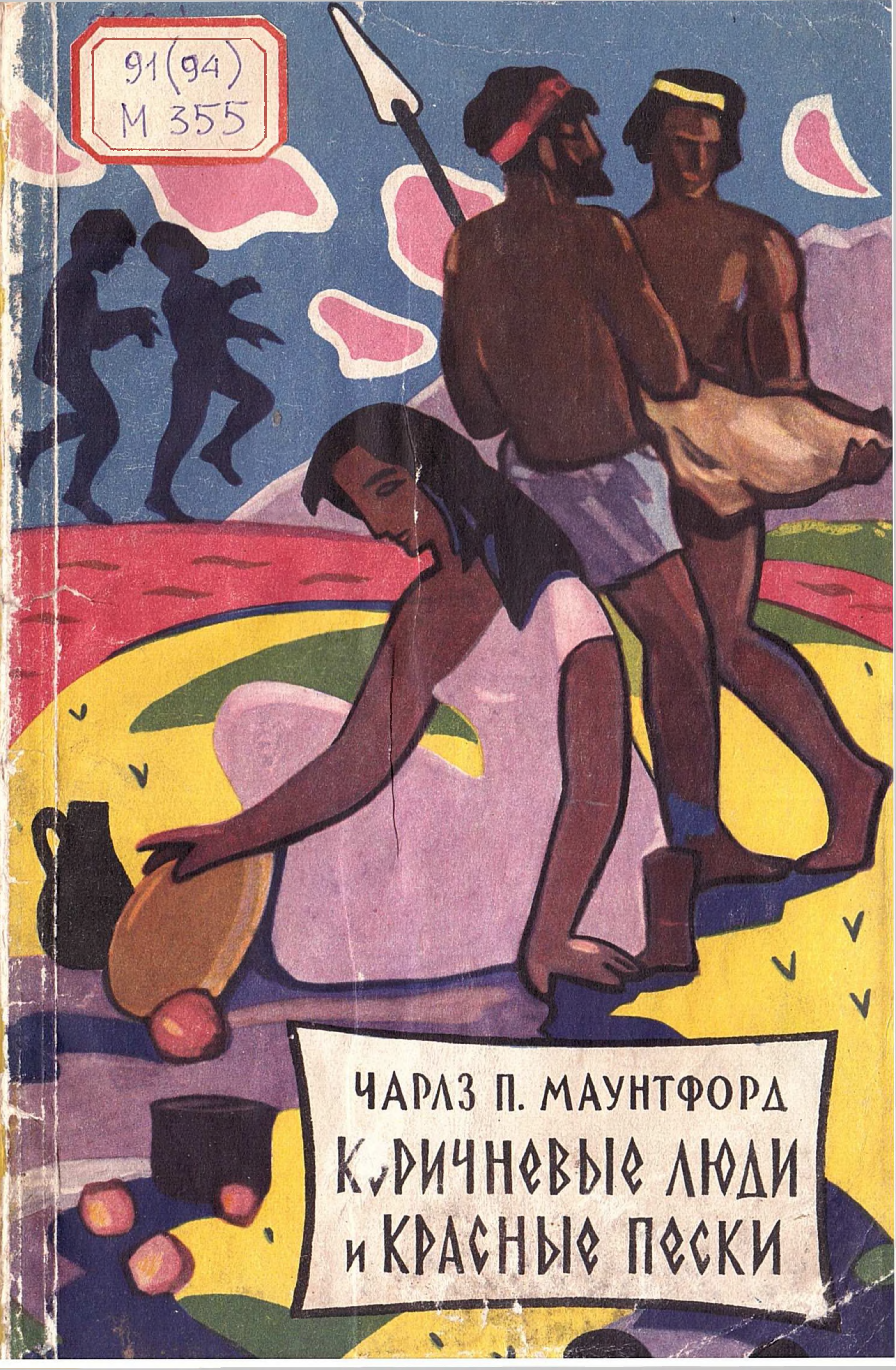

2 р. 65 н.

91(94)
М 355

ЧАРЛЗ П. МАУНТФОРД
КЪРИЧНЕВЫЕ ЛЮДИ
И КРАСНЫЕ ПЕСКИ

ГЕОГРАФИЗ · 1958

ОГОНЬ П ТРЕБОВАНИЕ НА ОДНО ИЗДАНИЕ

Б юля 2014

110 106 1695682

№ чит. билета

С. С

(орчиво)

551521

825

91(94)-
M355

Ч А Р Л З
Т. МАУНТФОРД

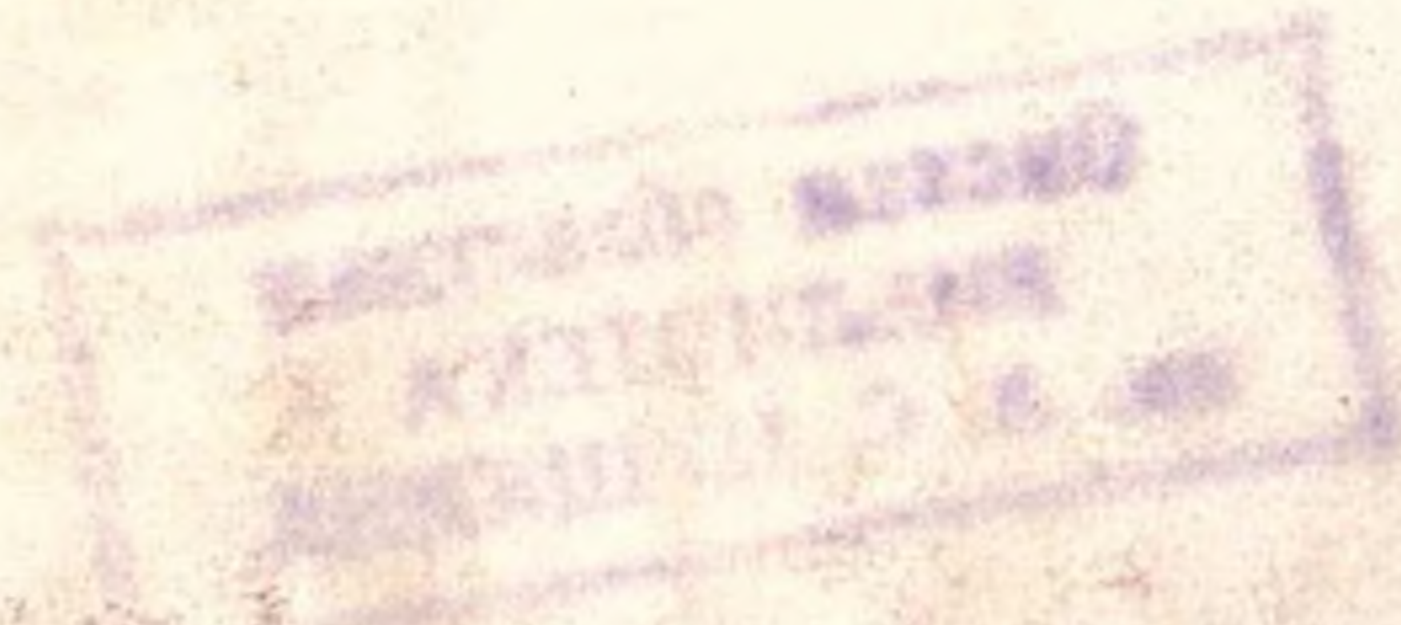
КОРИЧНЕВЫЕ
ЛЮДИ
И КРАСНЫЕ
ПЕСКИ

Путешествие
по дикой Австралии

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА
1958

91
1959
W

CHARLES P. MOUNTFORD

BROWN MEN
AND RED SAND

JOURNEYINGS IN WILD
AUSTRALIA

MELBOURNE
1953

Перевод и примечания
Л. Д. ГОЛОВЧИНЕРА и Е. С. МАКАРОВА

Видный австралийский ученый-этнограф Чарлз Маунтфорд пишет в этой книге о жизни аборигенов — коренного населения Австралии, к которым он относится с большой теплотой и симпатией, отмечая их трудолюбие, исключительную честность, природную одаренность. Широкий круг читателей несомненно с интересом ознакомится с этой полезной и правдивой книгой.

551521

Художник Н. А. АБАКУМОВ

ВВЕДЕНИЕ

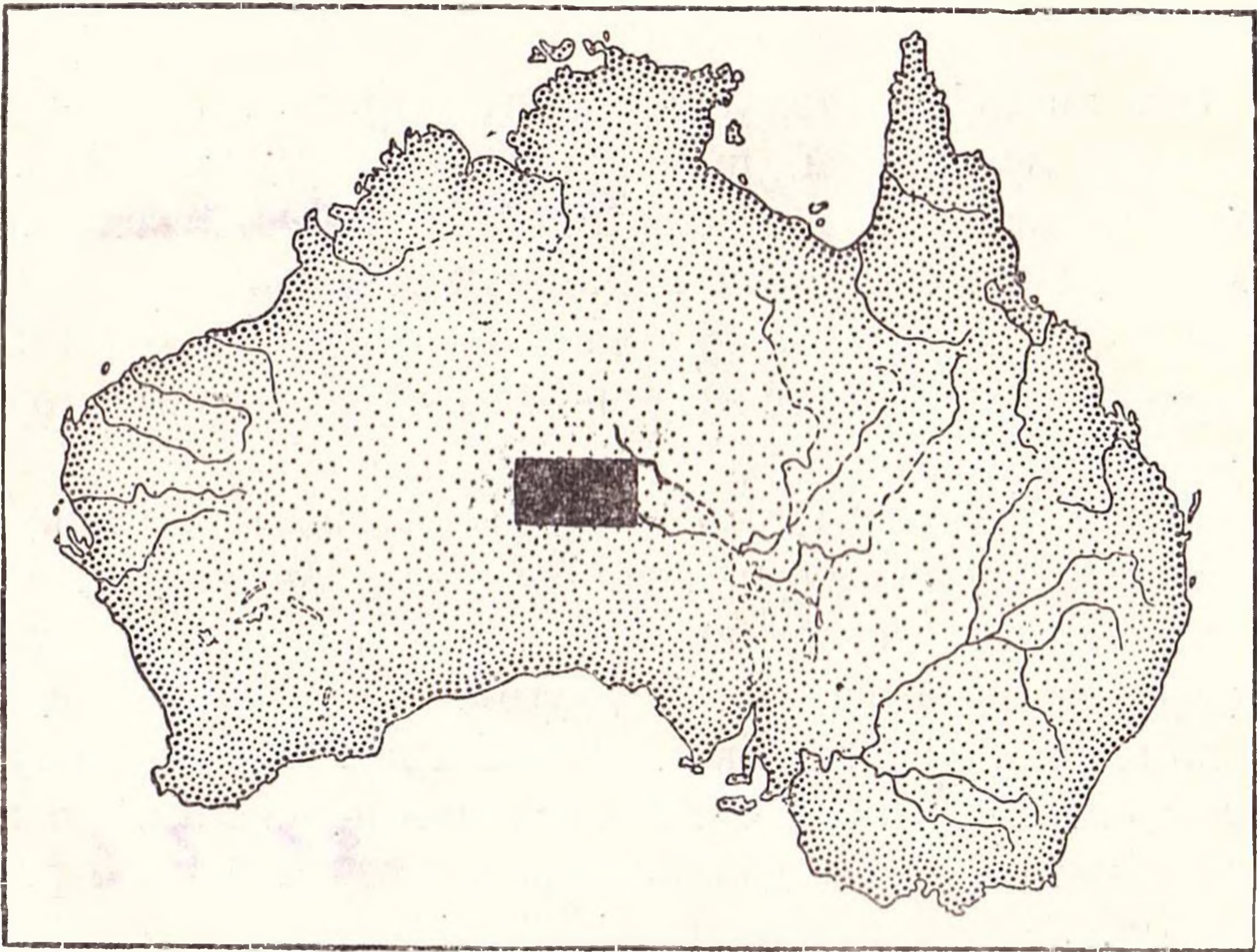
Эта книга¹ не трактат по антропологии. Это просто рассказ о моем путешествии по пустыням Центральной Австралии и о жизни, которую я делил с аборигенами этих мест. С точки зрения ученого моя книга ни в коей мере не дает завершенное представление о жизни аборигенов. Потребуется еще немало исследований, чтобы восполнить белые пятна.

Могут утверждать, что я нарисовал идеалистическую картину общества аборигенов. Возможно, это и так. Но мои впечатления основываются на изучении их культуры, их взаимоотношений друг с другом. Я помню радушие, с которым нас встречали. Невозможно забыть жизнь с людьми, чьи законы столь человечны и разумны, что не нужно никаких войн для поддержания общественного равновесия.

Чарлз П. Маунтфорд

Св. Питерс
Южная Австралия
1 января 1948 г.

¹ Книга печатается с небольшими сокращениями; опущены в частности некоторые легенды (Ред.).

UNIVERSITY OF MELBOURNE
LIBRARY
100, ST. ALBANS PLACE
MELBOURNE, VIC. 3010

ГЛАВА 1

ОТЪЕЗД

Великий момент наступил! Сколько лет я надеялся и мечтал совершить путешествие в западные пустыни Центральной Австралии, пожить среди аборигенов, изучая их искусство, легенды, обычаи. И вот, наконец, после долгой подготовки мы отправились в путь.

Тринадцатое — какое число! Однако в это ясное июньское утро никто из нас даже не вспомнил о старинной примете.

Наша группа была немногочисленна: моя жена (Джонни), мистер Л. Е. Шерд (Лори) и я. Жена присоединилась к нам с некоторыми опасениями. Раньше ее влекли зеленые луга, горные хребты, окутанные туманной дымкой, ущелья, заросшие папоротниковыми деревьями и сверкающие брызгами водопады. Теперь же она направлялась в страну, где дожди были редкостью. Вместо горных вершин, уходящих в облака, и изящных папоротников ей предстояло увидеть красные, выжженные солнцем скалы и угрюмые деревья пустынь. Я знал, что она сумеет проникнуться очарованием суровых бесплодных холмов и равнин, простирающихся без конца и края, хотя для этого, возможно, и потребуется некоторое время. Но для того, кто однажды почувствовал красоту этих мест, новые впечатления не вытеснят прежние...

С Лори дело обстояло иначе. Он был молод, а молодость любит приключения и перемены. Какое ему дело, что новая обстановка будет совсем не похожа на ту, которая окружала его раньше? Видеть, знать, идти вперед — вот что значила для него жизнь.

Мы удалялись на север от Аделаиды. Кругом раскинулись возделанные поля. Подобно шахматным клеткам, участки свежевспаханной шоколадной земли сменяли нежно-зеленую поросль пшеницы, только что пробудившейся к жизни.

Был полдень, когда мы добрались до Порт-Пири — города, выросшего на болоте, которое полностью так и не было покорено. Богатством и копотью этот город в основном обязан развитию крупных свинцово-серебряных рудников.

Железнодорожная линия от Порт-Пири до Порт-Огасты бежит по краю низких болотистых равнин — восточному побережью залива Спенсера. Эти равнины резко отличаются от скалистых стен горной цепи Флиндерса, круто поднимающейся на высоту более тысячи футов¹. Горы Флиндерса всегда привлекательны. Каждый раз, проезжая здесь, я слежу за игрой света на склонах, изборозженных глубокими морщинами, и забываю о пустынных болотах и песчаных холмах по другую сторону пути.

Около трех часов мы бесцельно слонялись по Порт-Огасте, пока тонны почты, багажа и всяких припасов вручную грузились в вагоны поезда узкоколейки. Этот поезд и должен был доставить нас в Центральную Австралию.

Мы выехали под вечер, и, как только паровоз запыхтел, карабкаясь по крутой извилистой колее к перевалу Пиччи-Риччи, за окнами вагона замелькали белоствольные эвкалипты, причудливо изогнутые травяные деревья, а за ними пирамидальные очертания пика Дьявола, залитого золотым сиянием заходящего солнца.

Нам не повезло: мы проезжали северные склоны горной цепи Флиндерса ночью, а ведь это, конечно, красивейшие места всего пути в Центральную Австралию. На протяжении почти двухсот миль поезд то извивается между низкими предгорьями, то ползет по самому краю отвесных западных отрогов. Днем здесь можно любоваться неровными контурами холмов, оттенками скалистых обрывов,

¹ Здесь и далее автор книги пользуется английскими мерами, перевод которых в метрические таков: 1 миля = 1,5 км; 1 ярд = 91,4 см; 1 фут = 30,5 см; 1 дюйм = 2,5 см; 1 фунт = 453,6 г; 1 галлон = 4,5 л (Ред.).

пурпурными далями. Самое эффектное зрелище предстает взору между Мерна-Мерной на западе Уилпены Паунд и Парачильной. Начиная отсюда, холмы становятся все ниже, пока у Марри не переходят в совершенно плоские равнины бассейна озера Эйр. В Марри мы прибыли на второй день путешествия.

Бассейн озера Эйр — самое сухое и бесплодное место Австралии — был когда-то частью огромного внутреннего моря, простиравшегося от залива Карпентария до Марри-Леса, тянувшиеся вдоль его берегов, скрывали вомбатов, размерами не уступавших слонам, гигантским кенгуру и эму. Воды кишели крокодилами и разными морскими животными. Впоследствии геологические изменения заставили море отступить. Местность становилась все бесплодней. В наши дни на земле мало найдется мест, более заброшенных и негостеприимных. Обитатели, населявшие здесь землю и воду, давным-давно вымерли. И все, что мы знаем о них, — результат изучения окаменелых останков и туманных преданий аборигенов.

В этих когда-то обильно орошаемых краях теперь выпадает в год менее пяти дюймов осадков. Центральная Австралия — страна высохших рек, выжженных солнцем равнин, скудной чахлой растительности и призрачных миражей.

В центре бесплодной пустыни лежит озеро Эйр, занимающее площадь в три с половиной тысячи квадратных миль и расположенное на сорок футов ниже уровня моря. Озеро собирает воду с огромной территории, значительно превосходящей весь штат Новый Южный Уэльс. Однако прилегающие пустыни поглощают столько воды, что лишь очень немного ее достигает жаждущей поверхности озера. Но и достигая озера, вода быстро высыхает: степень испарения ее здесь составляет сотню дюймов в год. Бассейн озера Эйр называют «мертвым сердцем Австралии», и когда едешь на поезде по этим неприветливым местам, еще раз убеждаешься, как справедливо такое определение. Но только пролетев над красными бесплодными пустынями и каменистыми равнинами, в полной мере осознаешь их ужасающую безжизненность.

Однако сколь непостижима игра природы, создавшей под раскаленной пустыней неисчерпаемые водные запасы Великого артезианского бассейна! Вдоль юго-западной границы озера Эйр подземные воды, изливаясь на поверх-

ность сквозь расщелины в скалах, образуют цепь замечательных источников. Теплая вода, пробивающаяся из земных глубин, сильно насыщена газом и минеральными солями. Отложения минеральных солей и зыбучие пески образовали вокруг многих источников подобие вулканических конусов. Некоторые из них поднимаются на целую сотню футов.

Хотя поезд весь день движется вдоль цепи источников, из окна вагона можно увидеть лишь один из них, расположенный у станции Кауэрд Спрингс. Из него ежедневно вытекает миллион галлонов воды, бесследно теряющейся в песках, так как земляной кратер источника разрушен.

В нескольких милях от Кауэрд Спрингса расположена группа великолепных источников, и среди них Бланш-Кап и Баблер, в котором время от времени к поверхности поднимаются большие коричневые пузыри, наполненные газом.

У южной границы бассейна озера Эйр лежит интересный городок Марри. По одну сторону железнодорожного пути — дома белых, гостиница, магазины и почта. По другую — афганский город с домами, крытыми оцинкованным железом, и мечетью, достаточно удаленной от глаз неверных, двери которой раскрыты только последователям Пророка. На песчаных улицах афганского города можно видеть лишь степных азиатов в белых тюрбанах, оборванных аборигенов да караваны верблюдов, потому что в Марри —

Запад есть Запад, Восток есть Восток
И вместе им не сойтись...

Да, это так, если не принимать в счет магазинов да нелепо маленького окошечка местной почты...

Страна к северу от Марри пустынна до удивления. На большинстве железнодорожных разъездов единственными знаками, указывающими, что поезд останавливается именно здесь, являются почтовый ящик, пара щитов, на одном из которых висят лохмотья расписания, да длинная доска с названием остановки, прибитая к двум столбикам...

В Курдамурке почитание железнодорожных законов доведено до совершенства. Станция, на которой, кроме обычного ящика и доски с объявлениями, ничего нет, находится в середине бескрайней плоской равнины. Тут даже на расстоянии пяти миль видна пыль, поднятая колесами автомобиля. И, несмотря на то что поезда сюда при-

бывают лишь раз в неделю, по обе стороны железнодорожного полотна висят грозные объявления, предупреждающие всех и каждого: «Берегись поезда!».

Впервые мы увидели аборигенов на второй день. Небольшими группами они стояли поодаль, рассматривая лошадей и поклажу фермеров, наблюдая за действиями белых. Обычно туземцы работают на отдельных овцеводческих «станциях»¹ гуртовщиками, погонщиками, стригальями, потому что в условиях оседлой жизни главное — уход за скотом, а в этом деле аборигены большие знатоки.

В Уильям Крике мы познакомились с мальчиком-аборигеном по имени Дэвид. Добросердечная супруга фермера снарядила его для поездки на станцию. Но так как у нее не нашлось ничего подходящего для двенадцатилетнего мальчика, она воспользовалась одеждой взрослого мужчины. Мальчик даже не подозревал, как все нескладно на нем сидит: в его рубашке с успехом могли поместиться двое таких, как он, а шляпа, если бы не уши, закрыла бы весь мир...

Марри — это уже настоящая глушь. И сонное настроение здешних мест невольно передалось поездной бригаде и пассажирам. На более южных станциях равнодушие железнодорожной администрации вызывало раздражение. Здесь же мы уже перестали его испытывать. Поезд так долго стоял на каждой станции, что мы только диву давались — чем занимались в это время железнодорожники.

Пока поездная бригада и железнодорожные рабочие, обслуживающие эту одинокую линию, обменивались слухами и новостями, пассажиры перезнакомились и задолго до исхода второго дня все уже настолько хорошо знали друг друга, что только ночью можно было разобрать — кто пассажир первого, а кто второго класса.

Наш поезд был смешанным — он вез и пассажиров и грузы. Вообще все, что направлялось в центр страны, шло по этой дороге. Вагоны были нагружены продовольствием, овощами и овцами для железнодорожных рабочих; несколько вагонов шло порожняком, чтобы на обратном пути до отказа заполниться клейменым и негодующим скотом, предназначенным для рынков Аделаиды.

В одном из пустых вагонов оказались четыре курицы — слишком маленькое семейство для такого большого

¹ Станция — принятое в Австралии название скотоводческой фермы.

помещения. Веселье началось, когда один обходчик, не подозревая, что вагон уже занят, открыл дверь. В мгновение пернатое семейство очутилось на свободе. И все, кто был в поезде — толстый машинист, кондуктор, пассажиры и даже один почтенный профессор, — бросились в погоню за этими старыми кудахчущими созданиями. Куры забегали под вагоны, залетали в купе, носились по равнине, а за ними бегала запыхавшаяся толпа. Я преследовал одну из них, пока не перехватило дыхания. В конце концов совершенно измучившись я опустился на землю, а она все еще неистово металась, размахивала крыльями и взметывала песок, стараясь скрыться от преследователя.

Была полночь, когда мы прибыли в Уднадатту — конечный пункт нашего железнодорожного путешествия. Как обычно, поезд пришел с опозданием — на этот раз всего лишь на два часа. Говорят, был случай, когда поезд пришел вовремя, но это уже из области преданий. И почему он тогда пришел вовремя, об этом так никто никогда и не узнал. В самом деле, что такое два часа в этой стране? Здесьние жители, а вероятно, и железнодорожники, на мой взгляд придерживаются одной азиатской пословицы: «Каждый день приближает нас к могиле, так зачем же спешить?»

Городок Уднадатта, который мы осмотрели на следующее утро, оказался поселением, раскинувшимся на совершенно плоской каменистой равнине. Вид у него был крайне непривлекательный. И уж, конечно, мало нашлось бы охотников поселиться здесь. А между тем жена миссионера как-то призналась мне, что мираж в знойном мареве, который ей довелось увидеть с крыльца своего дома, — это одно из лучших ее воспоминаний. Да и кто вообще может сказать, что одно место на земле лучше другого? Для Джонни лучшие места — долины, одетые сочной зеленью, для жены миссионера — дрожащий мираж каменистых равнин.

Мое знакомство с каменистой Австралией состоялось неподалеку от Уднадатты. Правда, во время прежних путешествий мне приходилось видеть небольшие участки каменистой равнины протяжением всего лишь в несколько миль. Но их нельзя даже и сравнить с обширными пространствами, начинающимися за Уднадаттой, где буквально сотни квадратных миль плоских бесплодных равнин покрыты бесчисленными миллионами камней. Некоторые

камни достигают такой величины, что ехать по ним на автомобиле просто невозможно. В других местах — камни поменьше. Они настолько тесно прилегают друг к другу, что напоминают мостовую и даже стальные цепи, надетые на колеса автомашины, не оставляют на них следов.

С течением веков гонимые ветром пески так отполировали камни, что, когда смотришь на них против солнца, мириады отраженных бликов переливаются, подобно сверкающей водной глади...

Интересно происхождение каменистых пустынь. Миллионы лет назад холмы с плоскими вершинами, которые сейчас рассыпаны по равнине, находились на дне моря. Затем геологические изменения подняли дно моря на несколько сот футов. В последующие тысячелетия ветер и вода выровняли дно прежнего моря. Все, что осталось ныне после тысячелетий разрушительной работы воды и ветра, — холмы с плоскими вершинами и каменистый покров уходящих вдаль равнин.

ГЛАВА 2

ОТ УДНАДАТТЫ ДО ЭРНАБЕЛЛЫ

Мы покинули Уднадатту в три часа (а собирались выехать в полдень). Нам предстояло проделать 280 миль до гор Масгрейва. Джонни, Лори и я сидели в головной машине. В эту машину было погружено и все имущество экспедиции. Другой грузовик вез почту и припасы для овцеводческих станций, расположенных вдоль пути.

Водители — Алекс и Чарли Маклеод — сказали нам, что до Грэнит Даунс, расположенного в ста пятидесяти милях отсюда, они надеются добраться к трем часам утра. По правде говоря, мы сперва подумали, что это сказано специально для нас — горожан. Но как выяснилось, они говорили не ради красного словца: поездка к горам Масгрейва и обратно должна уложиться в семьдесят часов, иначе почта не успеет к еженедельному поезду, возвращающемуся на юг. Поскольку здесь грузовики редко превышают скорость 20 миль в час, а иногда, преодолевая труднейшие участки пути, снижают ее даже до трех, времени для сна остается немного. А когда непогода особен-

но затрудняет езду или случаются частые поломки, водителям вообще не приходится отдыхать.

Братья Маклеод были невысокого роста — немногим выше пяти футов. Сухие и поджарые, они напоминали гончих. Алекс и Чарли были превосходными водителями. Там, где позволяла дорога, они гнали вовсю, а где путь становился хуже, сбавляли скорость и сдерживали урчащие грузовики, стараясь не потревожить пассажиров и уберечь машины от поломки.

Первая часть нашего путешествия пролегла по каменистым равнинам и открытым плато. Временами машины пересекали сухие русла ручьев. Окаймляя плато, поднимались живописные группы деревьев «гиди» (*Acacia cambagei*). В ответ на мое замечание о красоте этих деревьев Чарли, немного помолчав, ворчливо проговорил:

— Возможно, на них и приятно смотреть, старина. Но попробуйте их понюхать сырым утром — уверяю, завтракать не захочется. А уж если верблюд полакомится этой штукой, а потом дыхнет на вас... О господи!..

У Чарли не хватило слов. Я чувствовал, как он подыскивает подходящее выражение. Так и не найдя его, Чарли закурил, и дальнейший путь продолжался в молчании...

Когда мы прибыли на станцию Тодморден, жена управляющего, до краев переполненная гостеприимством, усадила нас за стол перед большим камином и, пока мы насыщались, смеялась, болтала, выкладывая последние местные новости...

Мы выехали часа через полтора. Пока грузовик пробирался в темноте, я думал о гостеприимной хозяйке из Тодмордена. Она, вероятно, неделями ожидает каждого свежего человека. Ведь это — настоящее событие в ее однообразной жизни. Большинство здешних женщин крайне одиноки, однако, заселение пустынных просторов Австралии стало возможным прежде всего благодаря их самопожертвованию...

Время шло. Весь мир сосредоточился теперь для нас в этой ухабистой дороге, ярко освещаемой фарами. По сторонам — чернильная, хоть глаз выколи, тьма. Грузовик бросало, кидало, швыряло. Руки и ноги Чарли не знали ни секунды покоя. Он сдерживал машину, пробираясь по камням, пересекая песчаные русла ручьев, лавируя между мрачными одинокими деревьями. Выхваченные из темноты, они в следующее мгновение уже исчезали.

Около десяти часов наш водитель ткнул пальцем куда-то вперед:

— Здесь была раньше станция Ламбина. Но большое наводнение тридцать девятого года смыло ее. Дождь лил много часов подряд. Туземцы предупреждали управляющего, что ему нужно перебраться куда-нибудь повыше, но он не послушал совета. А зря — аборигены, видно, всегда знают, чем это кончается...

Чарли замолчал, переводя скорость. Машина начала спускаться по крутому склону ручья.

— И какая жалость! — продолжал водитель. — Из-за его упрямства жене и детишкам пришлось потом чертовски трудно...

Чарли рассказал нам, часто прерываясь, так как машина медленно пересекала узкие канавы, вырытые наводнением, как сначала вода окружила дом, забралась под дверь. Вся семья залезла на стол, но вода продолжала прибывать, и в конце концов люди очутились на крыше. Однако вода достала их и здесь. И вот вся семья — мать, отец, трое детей, а также трое рабочих — была вынуждена искать убежище на верхних ветвях огромного эвкалипта. Они оставались там восемнадцать часов, насквозь промокшие, а дождь все лил и лил, пока дома и все их вещи не скрылись в бурлящей мутной воде. Наконец, несчастные выбрались на более возвышенное место. Но прошло еще много времени, прежде чем они получили пищу и помощь...

Лучи фар освещали сохранившиеся до сих пор следы наводнения, добравшегося даже до ветвей эвкалиптов.

Через несколько миль после Ламбины начался очень тяжелый участок пути — двадцать миль каменистого плоскогорья. Водители основательно побаивались его. Во время пути они несколько раз вслух выражали свои опасения. Дорога, действительно, была ужасной, вся утыканная камнями и пересеченная небольшими, но глубокими рытвинами. Грузовику то и дело приходилось преодолевать ухабы, а нас, сидевших в тесной кабине, бросало из стороны в сторону. Коробка скоростей стонала, как живое существо, а перед машиной вставали все новые препятствия. Каждый фут пути приходилось брать с боем. Чарли не отрывался от руля, часто меняя скорость и притормаживая несчастную машину.

К этому времени я уже не мог ни о чем думать. В свете фар все время возникали новые и новые препятствия. Единственным утешением был слабоосвещенный спидометр: миля медленно набегала, на шкале появлялась новая цифра, и все начиналось сначала. Еще одной милей ближе к концу кошмарного пути...

Этот участок отнял у нас три часа. И даже Чарли, при всей его выдержанности, принялся вместе со мной отсчитывать мили. Он поминутно посматривал на Джонни и, как только машина выбралась на ровное место, затормозил.

— На сегодня достаточно, — хрипло сказал Чарли. — За ночь все равно не доберемся до Грэнит Даунс. Вылезайте-ка из машины и устраивайтесь на ночлег. В четыре утра мы должны быть в пути...

Никому не пришлось повторять дважды. Спальные мешки были разложены в одно мгновение, вспыхнул большой костер — слишком большой по мнению водителей. Но мы, продрогшие до костей, были довольны. Через несколько минут вода в котелке закипела, и вся компания дружно принялась за кофе и бисквиты.

Остаток ясной морозной ночи, к сожалению слишком маленький, я проспал под открытым небом, усыпанным мерцающими звездами. Приблизительно в четыре часа я разжег огонь и пошел за Маклеодами. К моему удивлению, оба они еще спали.

— В чем дело? — сонно пробормотал Чарли.

— Мы готовы, дело за вами...

— Ради бога оставьте нас в покое! — заворчал Чарли. — Идите спать!

Мне оставалось лишь последовать его совету: постель была теплой, ночь холодной, а я не очень-то выспался.

Узнав Маклеодов получше, мы поняли, что они настоящие австралийцы, которых не следует понимать слишком буквально. Но все-таки шестой час утра застал нас за сборами. Снова двинулись в путь. Несколько часов сна хорошо освежили нас, и жизнь опять показалась прекрасной...

За Грэнит Даунс дорога стала лучше. Начались более ровные места, открытые долины, густо поросшие серебристой травой или травой «малга» (*Anthistinia* sp.). Было такое время года, когда малга уже совсем поблекла и приобрела серебристый оттенок. Это растение — один

из многих примеров того, как природа защищает себя в пустыне. Высыхая, внешние стебли травы склоняются друг к другу и, слегка переплетаясь, образуют подобие шатра, который закрывает еще зеленую часть растения от палящих лучей солнца.

Туманные, голубоватые очертания горной цепи Масгрейва — цель нашего путешествия — показались на горизонте, когда мы прибыли в Мурилену. Там мы сдали почту старику, приехавшему за ней из Эверард Рейнджез, расположенного в сорока милях к западу. Его повозка представляла собой шасси автомобиля с приделанным дышлом для запряжки верблюдов. Примитивно, конечно, зато просто, дешево, удобно.

Ожидая нас, в походной печке шипели баранина и картошка. А на десерт — блюдо спелых помидоров (это в июне!).

— Присаживайтесь! — радушно предложил нам новый знакомый. — Не стесняйтесь!

Мы не заставили себя долго ждать. По-братски разделив пищу, мы все принялись за вкусный обед, а старик начал выгружать свой багаж.

После первых тягот путешествия эта прекрасная, напоминавшая парк местность, покрытая серебристой травой и усеянная островками развесистых железных деревьев (*Acacia estrophiolata*), явилась для нас приятным сюрпризом. Действительно, все здесь так напоминало плодородные земли Ангастона или Райскую Долину в Южной Австралии, что казалось, один поворот дороги, и перед нами появятся зажиточная ферма, дымок, вьющийся над ее трубами, и хозяйка, сзывающая кур...

Повсюду росло множество молодых деревьев малга (*Acacia aneura*). Это опровергало часто повторяемую историю о том, что кролики уничтожают молодую поросль деревьев малга, не давая ей окрепнуть. Однако, по словам Чарли, малги гибнут даже при небольших пожарах. Именно это обстоятельство объясняло, почему среди зарослей малги так много засохших деревьев.

До миссии Эрнабелла мы добрались в половине девятого — продрогшие и усталые. Позади — почти тридцать часов езды по ужаснейшей из дорог и едва ли шесть часов отдыха. Мы были рады, наконец, выбраться из грузовика, с сознанием того, что по крайней мере хоть часть нашего пути уже пройдена.

Встречать нас вышел весь состав миссии: мистер Мак-Дугал, возглавлявший миссию, супруги Уорд и Янг, чье гостеприимство нам предстояло оценить позже, а также мистер Трудингер, учитель, который сразу же согласился помочь нам в исследовательской работе. Когда все разошлись по домам, чтобы уютно потрескивающих каминов прочесть долгожданные письма, мы занялись разгрузкой нашего имущества. Вскоре все было готово к обеду.

Стоя вокруг огня, мы пытались хоть немного согреться и, дожидаясь, пока закипит вода в котелке, обсуждали с Маклеодами планы экспедиции, главным образом вопрос о средствах передвижения.

— Вы взяли верблюдов в Тжундаги? — спросил Алекс. — Плохой выбор. Лучше не рискуйте. Это либо старые клячи, либо сосунки. Вам с места не сдвинуть такой караван.

— Берегитесь также впадин в горах Манна, — добавил он. — Они обманчивы и коварны. Я знавал нескольких хороших парней, которые нашли свой конец в тех местах.

— Если с вами там что-нибудь случится, — сказал он, указывая в темноту на запад, — дайте мне только знать! О деньгах не беспокойтесь — сообщите мне, и я сделаю все, чтобы добраться к вам как можно скорее...

— Будь осторожен, старина! Там часто ошибаться не придется, первая ошибка может оказаться последней...

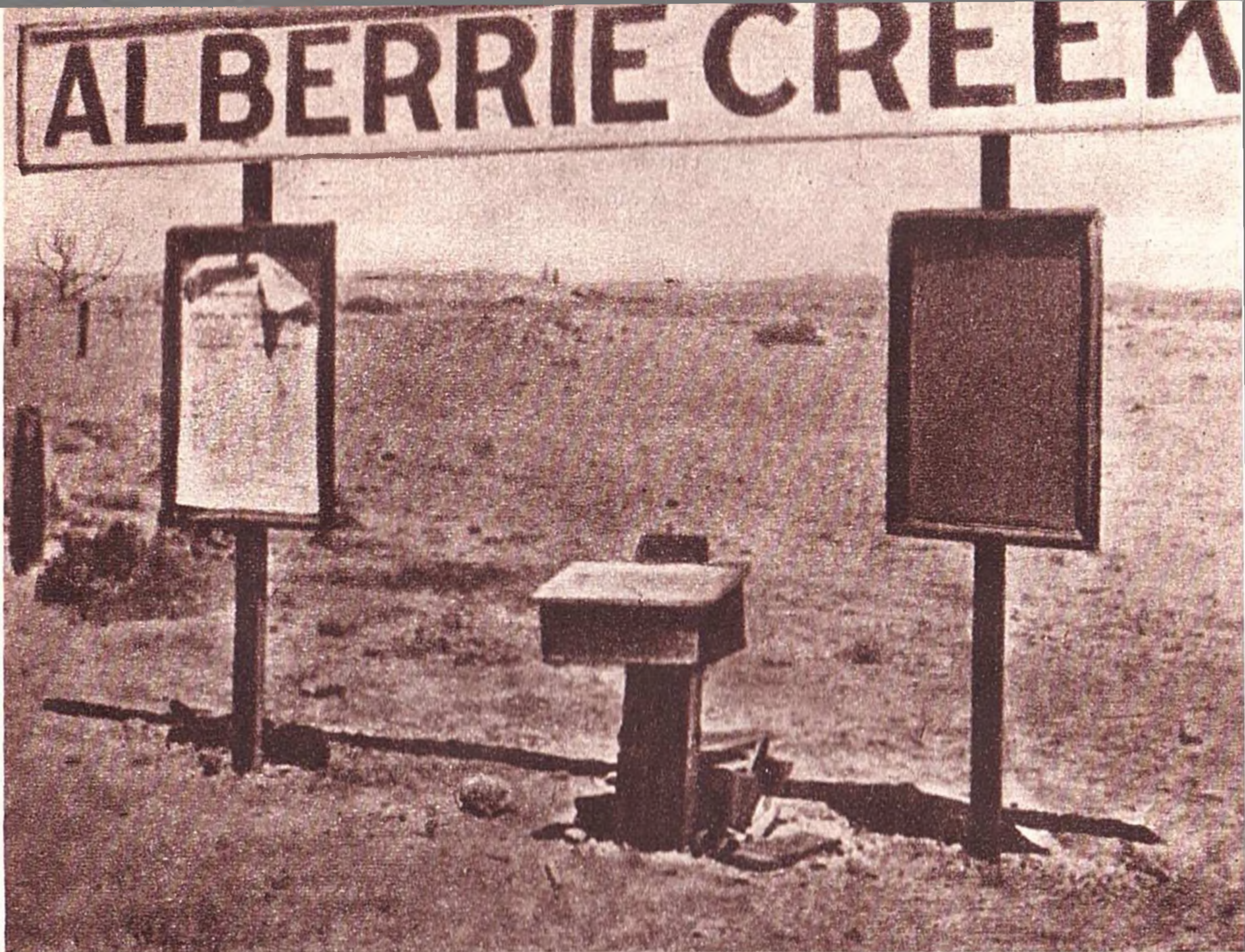
Великодушие Маклеодов нам суждено было оценить лишь позднее. Закончив трапезу, мы попрощались с ними — настоящими австралийцами. Возможно, мы не увидим больше Маклеодов, но всегда будем помнить их благородство. Ведь они предложили бескорыстную помощь нам, горожанам, которых знали всего два дня...

Перед сном я долго размышлял, что ждет нас в этой загадочной стране. А пока надо мной простиралось ясное ночное небо, Млечный Путь и мириады далеких звезд...

ГЛАВА 3

ПЕРВЫЙ ЛАГЕРЬ

Первое, что мы увидели проснувшись поутру, были скалистые, поросшие колючей травой спинифекс холмы Масгрейва. Все плато, на котором расположилась наша

Вверху: „Станция“ на Центральной железной дороге.

Внизу: Типичный вид Центральной железной дороги

УМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. ПУШКИНА

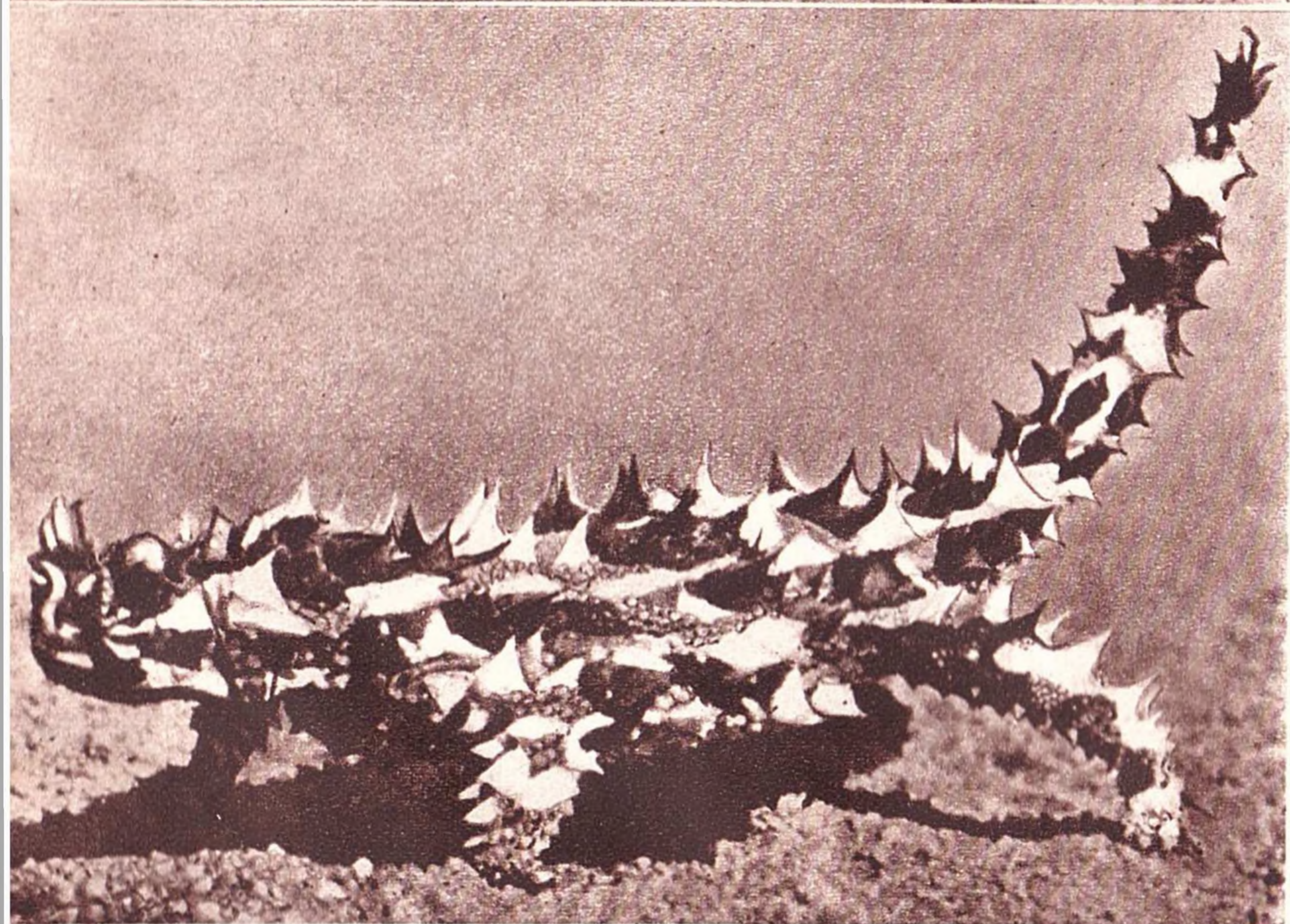
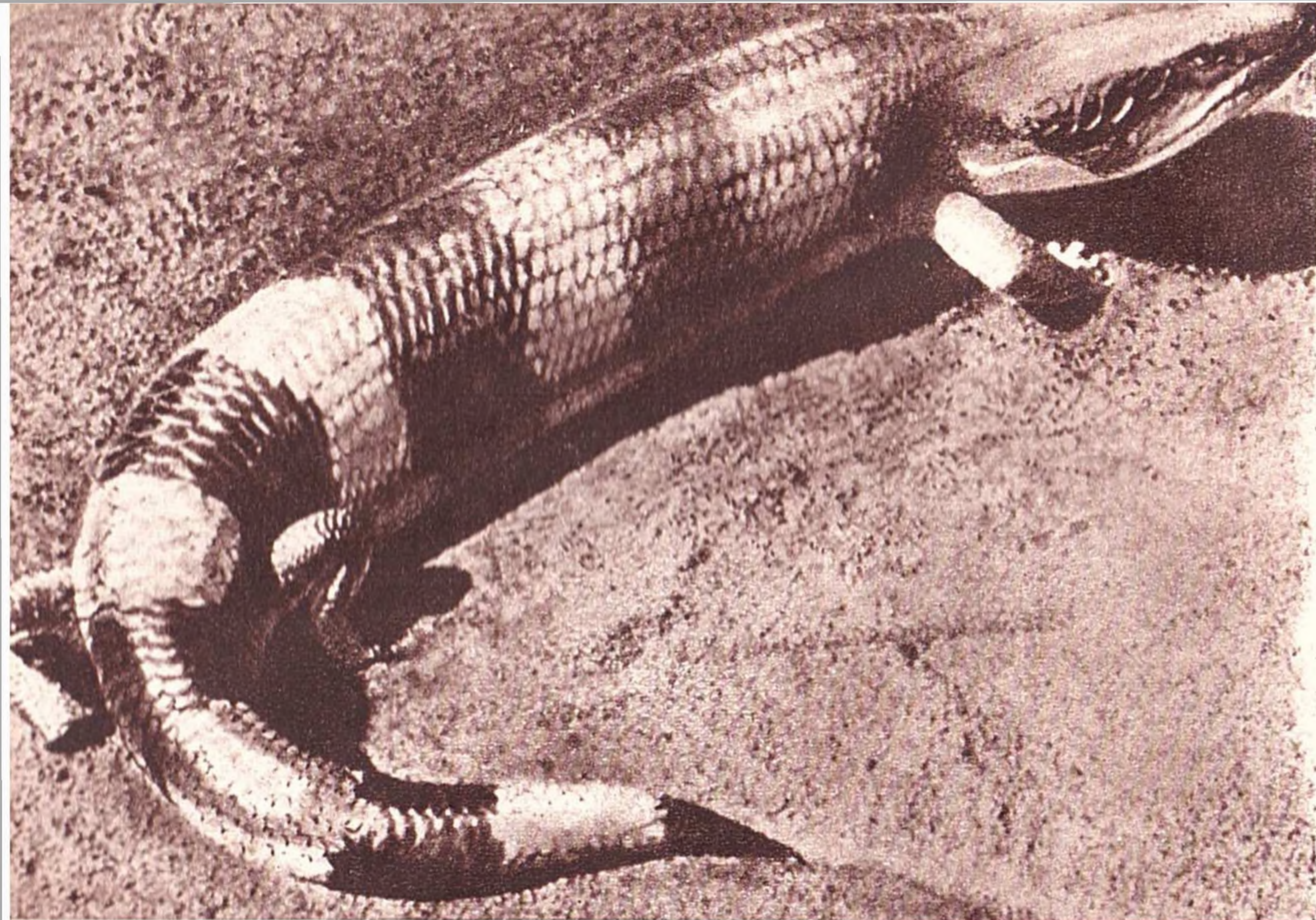
Мальчик-абориген из Уильям Крика

Каменистая пустыня неподалеку
от Уднадатты

Долина, заросшая серебристой травой малга (*Anthistinia* sp.)

Основные действующие лица в обряде Горного духа.
Вверху: полосатый короткохвост (*Tiliqua setincoides*).
Внизу: горный дух (*Moloch horridus*)

группа, было испещрено выходами красного гранита и пересекалось ручьями, окаймленными зелеными эвкалиптами. Повсюду густой ковер серебристой травы.

После суетливых недель подготовки, после шума и напряжения долгого утомительного пути богатый красками и формами пейзаж покорял тишиной и покоем. Мысли росли и ширились...

Наоборот, рядом с нами был полнейший хаос: ящики с припасами, мешки с мукой, научное снаряжение и вообще всякая всячина — накануне пришлось разгружаться в абсолютной темноте. Было очень холодно, и, конечно, все жаждали только одного — поскорее поужинать и забраться в постели.

Больше того, мы сгрузили все наши вещи среди бандайя (*Bassia longicuspis*). А это, пожалуй, самое злое из всех колючих растений. Прошел не один день, а мы все еще находили колючки и в постельном белье, и в мешках, и в ящиках — в самых неожиданных местах. Это был сущий ужас!

Для лагеря мы выбрали песчаное место у слияния двух ручьев — чудесный уголок, окруженный огромными белоствольными эвкалиптами (*Eucalyptus camaldulensis*). С одной стороны — беспорядочная груда валунов высотой в сотню футов, с другой — плоская равнина, уходящая к подножию горной цепи.

Так как жители миссии до самого вечера были заняты разгрузкой грузовика, Лори и мне пришлось самим решать задачу: как перетащить припасы в наш лагерь на расстояние примерно в триста ярдов.

Однако к нам на помощь пришли аборигены. И вскоре цепочка обнаженных помощников уже перетаскивала багаж.

Аборигены почти все переносили на своих головах, даже двухсотфунтовые мешки с мукой: по-видимому, их руки не отличались большой силой — четырехгаллонное ведро было для них тяжелой ношей.

Пока аборигены помогали нам, мы разбили палатки, сложили продовольствие и прибили к деревьям ящики, заменившие буфет. Ближе к вечеру, когда, наконец, прибыл грузовик миссии, наш лагерь был уже готов. Все, за исключением нескольких мешков с мукой, покоилось на своих местах и было надежно укрыто.

К этому времени женщины-аборигенки закончили свой ежедневный сбор пищи и сидели группами вместе с мужчинами, наблюдая за нами. Скоро стало ясно, что их внимание привлечено чем-то к моей жене. Каждый раз, когда она выходила из палатки, женщины хихикали, показывая на свои головы, а мужчины дотрагивались до затылков и потом показывали руками в сторону жены.

— Все дело в ее прическе,— сказал Лори.— Я не думаю, чтобы их привлек цвет волос: у Мак-Дугала волосы гораздо ярче...

Эту проблему разрешил учитель Рон Трудингер.

— Да,— заметил он.— Дело не в цвете. Просто у нее «мужская» прическа...

Оказалось, что такую прическу у аборигенов носят лишь полностью «посвященные» мужчины. Им, и только им, позволено носить подобие шиньона. Женщины же закручивают волосы кольцами надо лбом. Так как взрослые мужчины играют первостепенную роль в обществе аборигенов, их привилегии строго охраняются. И не удивительно, что нарушение мужских прав женщиной, хотя и невольное, вызвало такое живое обсуждение.

— Что вы скажете,— спросил Трудингер жену,— если вам придется распустить волосы? Туземцам хочется посмотреть, какой они длины.

Помедлив, Джонни согласилась. В ту же минуту около шестидесяти аборигенов с криками удивления тесной толпой окружили мою жену: матери с грудными ребятами, которых они держали у поясицы, мужчины с дротиками в руках и, конечно, дети. В то время я еще плохо владел языком аборигенов, но все же сумел разобрать, как женщины возбужденно повторяли: «какие длинные волосы!», «...как солнечный свет!». Один старик был особенно озадачен. Он несколько раз обошел Джонни со смешным выражением недоумения, как будто пытаюсь решить — настоящие у нее волосы или нет. Он даже протянул руку, чтобы дотронуться до них, но сразу же отдернул ее, то ли не осмеливаясь, то ли не желая показаться слишком фамильярным.

Джонни была подавлена таким пристальным вниманием: ничего подобного она не ожидала. И пришлось вмешаться нам с Лори, чтобы удержать ее здесь на несколько минут. В конце концов жена все же не вытер-

пела. Она ускользнула в палатку, и представление было окончено.

На следующий день прибыл Тжундага — наш проводник и переводчик, в жилах которого смешалась кровь белых и аборигенов. Он пригнал караван верблюдов. Алекс Маклеод был совершенно прав, когда говорил, что это — жалкие создания. Только один из них выглядел более или менее сносно. Из остальных верблюдов двое имели такой заморенный вид, что приходилось лишь удивляться, как они до сих пор таскают ноги. Я усомнился, сумеет ли подобный караван выдержать длинное и тяжелое путешествие, которое нам предстояло совершить.

Тжундага принадлежал к племени Аранда, но мог говорить и на языке племени Питджендаджара. Это было то самое племя, жизнь, искусство и обычай которого мы собирались изучать.

Его жена Нибиана, молодая, всегда улыбающаяся аборигенка, была воспитана женой белого фермера и научилась хорошо готовить. Однако она чувствовала себя более счастливой, кочуя с места на место вместе со своим мужем. Она сама назначила себя нашей помощницей по кухне, и благодаря ее заботам в лагере появились и забор, защищавший от ветра, и навес из ветвей, под которым мы обычно обедали.

Так как поблизости жили многие аборигены из племени Питджендаджара, мы решили пробыть в Эрнабелле месяц, чтобы собрать этнологические сведения, необходимые для определения дальнейшего маршрута экспедиции.

Во время предыдущей экспедиции я пришел к выводу, что получить такие сведения легче всего, раздав аборигенам плотную бумагу, цветные карандаши и попросив их порисовать. Своими незамысловатыми рисунками они поведали бы о земле, на которой живет их племя, и с своих легендах. А это помогло бы нам установить маршрут экспедиции, а также подобрать наиболее смысленных из них, которых стоило бы взять с собой.

Сразу же началась серьезная работа. Каждое утро, нагруженные бумагой и карандашами, мы с Тжундагой шли в школу. Пользуясь любезностью Рона Трудингера, я мог ежедневно в течение часа находиться среди детей

аборигенов. За месяц, что мы пробыли в Эрнабелле, мне удалось собрать около трехсот листов с рисунками, выполненными детьми разного возраста — от четырех до четырнадцати лет.

Эти рисунки, конечно, не отличались сложностью и, к моей великой радости, совсем не носили следов европейского влияния, потому что школа была основана здесь всего лишь несколько месяцев назад. Собранная мной коллекция рисунков — единственная в своем роде: школьная жизнь и иллюстрированные журналы быстро раскрывают перед детьми новые средства отображения образов, возникающих в их сознании.

Я получал большое наслаждение, отправляясь по утрам в школу, встречаясь с детьми и видя перед собой так много счастливых лиц. С некоторыми ребятами мне предстояло познакомиться довольно близко. Письмо и чтение им преподавали на родном языке, но считать они учились на наших цифрах — их собственный счет доходил лишь до четырех.

Я не думаю, что обучение чтению и письму доставляло им больше удовольствия, чем в свое время мне. Маловероятно, чтобы юные аборигены видели какую-то пользу в такой учебе; ведь насколько им было известно до сих пор, вся их будущая жизнь будет посвящена охоте, сбору пищи, обрядам. Хотя я сомневался в целесообразности обучения детей аборигенов чтению и письму на языке, не имеющем письменности, я не мог не восхищаться той любовью, которую Рон Трудингер питал к своим маленьким ученикам, и той взаимностью, которой они ему отвечали. Когда бы мы не встречали учителя, он вечно был окружен толпой детишек, следовавших за ним по пятам и цеплявшихся за его одежду.

Однажды Рон Трудингер пригласил нас принять участие в школьном пикнике. В это праздничное утро вокруг нашего лагеря царило шумное веселье: не пойти в школу — всегда торжественный день для детей, коричневые они или белые. Тем более, что на этот раз многие из малышей собирались впервые прокатиться на верблюде.

Мы хотели выехать рано, но из этого ничего не получилось: некоторые из ребят забыли взять с собой завтраки. Это и не удивительно: каждый абориген хорошо знает, где найти сколько угодно пищи, к которой он

привык. Кроме того, немало времени ушло, чтобы поймать лошадь: нескольких ребят послали за ней, но судя по ее брыканью, она отрицательно относилась к самой идее пикника. Того же мнения придерживались и верблюды, если только их стоны и крики можно было принять за выражение чувств. Итак, провозившись с лошадыю, навьючив, наконец, верблюдов, собрав детей, мы выехали, когда уже близился день.

Горожанину не часто доводится увидеть такую процессию: впереди высокомерно выступали верблюды, полные презрения к своей поклаже, за ними — черный пони, несколько возбужденный маленькими беспокойными седоками, и в конце — два аборигена — Кинари и Джабаба, — присматривавшие за животными. Мы с Трудингером шли, окруженные толпой детей.

Верблюды были нагружены до предела. На первом восседала Джонни, один малыш сидел впереди нее, другой — позади, и повсюду, где только было можно, висели куски сырого мяса, банки с консервами, маленькие мешочки с мукой. Верблюд Лори шумно вздыхал под такой же ношей. На третьем копошилось шестеро ребятшек. Те, кто мог, цеплялся за какую-нибудь часть седла, другие, подобно репейнику, — за своих товарищей. Как они все там держались — уму непостижимо. Но они держались, от души наслаждаясь путешествием.

Детишки, которые шли пешком, не огорчались. Они знали, что скоро наступит их очередь проехаться на верблюде. Одни шагали рядом со мной и учителем, держа нас за руки и счастливо щебеча на своем языке. Другие, рассыпавшись по долине, собирали медоносные цветы, клубни или ловили всяких насекомых.

Когда один мальчуган преподнес Лори белых извивающихся древесных личинок, тот оказался в затруднительном положении. Личинки выглядели весьма непривлекательно для человека, еще не посвященного в тонкости кухни аборигенов.

Наступил полдень, когда мы добрались до крутого ущелья Инчжинбиди, где пробивал себе путь горный ручей. Кинари и Джабаба остались внизу с верблюдами, а все остальные полезли наверх. Мы решили подкрепиться, расположившись на каменистых выступах близ родника.

Нейди, паренек лет двенадцати, стал пажем моей жены. Он помогал ей перебираться по неровным шатким камням; в самых крутых местах протягивал ей руку, указывая, куда лучше всего ступить, внимательно следил, чтобы она не поскользнулась. Забавное и вместе с тем трогательное зрелище: гибкий обнаженный мальчик-абориген ухаживал за моей женой с внимательностью, достойной королевы. Этот случай, показавшийся нам в то время столь необычным, был просто одним из многих примеров вежливости, которую впоследствии мы часто наблюдали, находясь среди аборигенов.

Вблизи небольшой впадины на высоком уступе ущелья дети разожгли костер, испекли в золе пресные мучные лепешки и зажарили мясо. Они не слишком заботились о том, как была приготовлена пища: лепешки оказались наполовину сырыми, а мясо едва не превратилось в угли. Но что за беда — их молодые зубы и желудки были вполне достойны их аппетита!

Когда с едой было покончено, дети принялись за игры. В конце концов зачем еще ездят на пикники? Мальчики начали игру с дротиками и диском. Одни наделали себе короткие дротики из текомы, росшей на склонах ущелья. Другие вырезали диск размером в обеденную тарелку из толстой коры эвкалипта, возвышавшегося поблизости. Затем, разделившись на две группы, игроки заняли позиции на дне ущелья в пятнадцати ярдах друг от друга. Мальчики одной группы пускали диск в сторону своих товарищей, а те стремились его поразить дротиками. Затем роли менялись. По-видимому, ни между группами, ни между мальчиками каждой группы не было ни малейшего духа соперничества. Их радовало только одно — меткое попадание в цель.

Для мальчиков эта игра была не только развлечением, но и тренировкой — она вырабатывала у них глазомер и меткость, качества столь важные в их будущей жизни. Сегодня они еще дети, но завтра станут охотниками и добытчиками пищи, а целью будет уже не деревянный диск, а мчащееся животное пустыни.

С фотоаппаратом в руках я расположился на выступе скалы примерно в тридцати футах над мальчиками. Меня поразила живописная картина играющих внизу детей. Они выбрали для игры плоскую площадку на дне ущелья. Лучи уже опускавшегося солнца пробивались

в ущелье и, как мощный прожектор, освещали эту площадку, оставляя все остальное в глубокой тени. В центре, подобно актерам на сцене, стояло около двадцати обнаженных коричневых ребят, их тела блестели на солнце. Некоторые, напоминая бронзовые статуэтки, застыли, полные напряженного и страстного желания поразить катившийся диск. Другие бегали, прыгали, смеялись, возбужденные игрой...

Домой мы возвращались поздно. Солнце уже зашло, а до лагеря все еще было далеко. Дети устали. Как и все дети, они не знали ни минуты покоя в течение всего дня. Когда стемнело, подул холодный ветер. Мы шли пешком, пытаюсь согреться ходьбой. Верблюды и лошадь были отданы в распоряжение ребятишек. Животным опять пришлось нелегко: на каждом из них ехало по несколько седоков. Ребята согревались, тесно прижимаясь друг к другу. И только те, кто сидел по краям, дрожали от холода.

Рядом с Джонни, скрываясь под ее плащом, шагал десятилетний малыш. У нас же с Лори под пальто пряталось по двое ребятишек. Они шли, обнимая нас за талию, мы их — за плечи. Я удивился, как легко с ними идти: ребята совершенно не отставали от меня.

Было совсем темно, когда мы вернулись в лагерь. Пока Джонни, Лори и я с удовольствием уплетали вкусный ужин, искусно приготовленный Нибианой, снаружи доносились возбужденные голоса детей, рассказывавших родителям о событиях дня.

Глубину взаимной привязанности взрослых аборигенов и детей в состоянии понять лишь тот, кто жил среди них. Например, один девятимесячный малыш почти не бывал на руках своей матери, исключая разве часы кормления. Все остальное время с ним возились или играли другие люди — то подходил мужчина, то женщина, то мальчик или девочка. Дети постарше, по видимому, предоставлены самим себе, им никто не мешает.

Маленькие аборигены не покидали нас с утра до вечера. И однако они не причиняли нам ни малейших хлопот, хотя им явно не доставало дисциплины в отношении к своим родителям. Они весело исполняли любые наши поручения. На открытых полках у нас хранились сладости, сахар, разные вкусные вещи. Стоило только протя-

нуть руку, чтобы их достать. Но ни разу ни один ребенок не притронулся к ним.

Мы очень полюбили этих ребятишек. И когда пришло время уезжать, мы расставались с ними, испытывая нечто большее, чем мимолетное чувство сожаления.

ГЛАВА 4

ОБРЯД ГОРНОГО ДУХА

Вскоре после нашего приезда старики разбили стоянку неподалеку от того места, где мы расположились, и по моей просьбе начали рисовать. Если зарисовки, собранные в школе, уже давали яркую картину развития представлений у детей, то старики воистину раскрыли перед нами кладезь мудрости: их рисунки отображали легенды племени, подвиги мифических предков, таинства жизни аборигенов. Интересно и то, что в их набросках нередко встречались необыкновенно архаичные символы, которых отличало не только простое сходство с пещерной живописью Европы.

То, что Тжундага прошел все стадии «инициации», помогло нам в исследованиях. Во время предыдущей экспедиции я убедился, что аборигены, уже признав меня однажды человеком, заслуживающим доверия, всегда непринужденно рассказывают мне о тайнах своего племени. Но не будь Тжундага полностью посвящен, аборигены сделали бы вид, что знают не больше, чем он сам.

Каждый день мы с Тжундагой навещали наших новых знакомых, собирали листы с рисунками, которые почти все без исключения рассказывали о легендах возникновения страны аборигенов.

Эти мифы о сотворении мира открывают перед этнологами огромное поле деятельности. Распространенные на западе легенды о происхождении мира, уходящие своими корнями к ранним семитам нижнего Ефрата, мало сходны с концепцией аборигенов. Их «Книга бытия» не содержит притчей о райской жизни и изгнании человека из рая, а состоит из ряда мифических сказаний, повествующих о создании мира их могущественными пра-родителями.

В «дремлющие времена», как поэтично назвал этот период старый Нантавана, на земле не было никакой жизни — ни живых существ, ни деревьев, ни растений. Не было даже гор, холмов, ручьев. Мир представлял собой огромную равнину, плоскую и пустынную, простиравшуюся во все стороны так далеко, насколько хватало глаз. И вот очень давно — старый Нантавана даже не мог сказать когда это было — пришли люди Тжукурита, гигантские человекоподобные существа, которые, видимо, действовали и мыслили, как люди, но по внешнему виду напоминали различных животных, птиц, растения и насекомых. Эти Тжукурита, или древние люди, все время кочевали по стране. И где бы они ни останавливались, они добывали огонь, строили жилища, копали землю в поисках воды, то есть занимались тем, чем и аборигены наших дней. И повсюду на бесплодной доколе земле возникала жизнь.

Все в мире, за исключением лишь самой земли, является результатом деятельности этих гигантских существ. Водоем у горы Эйрс, из которого позже нам доводилось брать воду, был обиталищем огромных змей. Ущелье у Нируньи, на родине Джабаба, в мифические времена было пробито ящерицей Мильбили, гнавшейся за женщиной Кутунгой, а величественная Катаджута (гора Ольги) служила пристанищем людоедам Пунда-лунга.

Эти великие создатели жизни на земле в то же время были и предками самих аборигенов. Поэтому в наши дни в племенах есть Люди-Змеи, Люди-Эму, Люди-Муравьи и т. п. Все они верят, что являются прямыми потомками древних Тжукурита. Тжундага, мой переводчик был Человек-Перенти (большая ящерица) из Ундиары, Джабаба — Человек-Кенгуру из Пуки, Моания — Человек-Вонамби (мифическая змея) из Пилтади.

Так как каждый член племени утверждает свое происхождение от одного из этих мифических существ и к тому же живет на земле, где все создано ими, совершенно естественно, что любой мужчина, женщина или ребенок тесно связаны и происхождением и легендами со своим окружением — горами, скалами, деревьями, ручьями. Они — его, в них — труд его предков. И как он горд, показывая их белому человеку, способному это оценить!

Только те, кто знает, как кровно привязаны туземцы к своей земле, могут представить себе скорбь и горе аборигенов, когда их выгоняют из их жилищ, из жилищ их предков лишь потому, что эта земля понадобилась белому человеку для овец и крупного рогатого скота.

Аборигены так любят свою родину, так дорожат легендами о своем происхождении, что их рисунки не могут не отображать содержание древних мифов. Раскрытие смысла этих наивных рисунков было трудным делом, но оно явилось богатым источником познаний и средством проникновения в жизнь аборигенов.

Однажды Джабаба показал нам рисунок, объяснявший, каким образом приобрели свою раскраску маленькие птички и ящерицы. Во времена сотворения мира Горный Дух (ярко раскрашенная, страшная на вид, но абсолютно безобидная ящерица) пригласил маленьких птичек и пресмыкающихся на празднество в Минири (так назывался невысокий холм в пустыне к югу от гор Манна, где жил Горный Дух).

Маленькие гости стекались отовсюду — отказаться от такого приглашения по тем временам считалось еще более дурным тоном, чем в наши дни. И вот все собрались — Птичка-Колокол, Травяная Крапивница, Пестрая Трясогузка, Медвянка, Попугай с ярким воротничком и великое множество ящерок. Когда они перезнакомились, Горный Дух, руководивший церемонией, предложил гостям разбиться на пары и раскрасить друг друга для предстоящих обрядов. Травяная Крапивница разрисовала Пеструю Трясогузку, Птичка-Колокол — Голубую Крапивницу, Ящерица-Короткохвост — одного из своих собратьев. Но в особенности о своих украшениях позаботились ящерицы: Полосатый Короткохвост и Горный Дух — ведь каждому из них предстояло важное дело в этот вечер.

Многие из гостей опоздали. Кроме того, на знакомство ушло больше времени, чем предполагалось. Поэтому они не успели управиться до захода солнца. Голубая Крапивница уже была разукрашена Птичкой-Колоколом, и раскраска ей так понравилась, что она решила сделать своего друга не менее красивым. Уже совсем стемнело, и, чтобы облегчить себе работу, Голубая Крапивница зажгла пучок сухой травы. К несчастью, в этот момент подул сильный ветер, и огонь сразу охватил все вокруг. По-

жар уничтожил деревья, обуглил холмы. Все собравшиеся в Минири попали в огненное кольцо, и многим едва удалось спастись...

Губительное пламя опалило блестящее оперение птиц. Пестрая Трясогузка стала почти черной, а у Жаворонка во многих местах появились подпалины. Пламя сделало Травяную Крапивницу красно-рыжей, а на грудке Голубой Крапивницы до сих пор остались следы дыма. Глазам Короткохвоста было очень больно, и слезы текли ручьями. Если вы попросите, любой абориген может рассказать вам о его страданиях.

Полосатый Короткохвост и Горный Дух остались невредимыми и до наших дней сохранили яркую обрядовую раскраску. Больше того, Горный Дух все еще носит праздничную одежду, украшенную шипами. Взглянув на Горного Духа, можно сразу заметить эти колючки. А если ящерицу взять в руки, она моментально закрывает мордочку лапами, словно защищаясь от огня, так неосторожно зажженного когда-то Голубой Крапивницей...

Эта легенда послужила основой для первой церемонии, которую совершают мальчики. По существу это их обряд: мужчины не принимают в нем участия, а женщин даже близко не подпускают. Недавно посвященные юноши, сами немногим старше мальчиков, учат их танцам, пению и рисованию, так как согласно обычаю тела мальчиков в дни обрядов должны быть украшены рисунками.

Я не знаю, наш ли интерес к легендам побудил аборигенов или просто настало время обрядов, но только на следующий день после того как Джабаба сделал свой рисунок, молодой Пилала с весьма таинственным видом прошептал мне:

— Друг, «тжитжи инма» завтра утром, рано...

Это была хорошая новость: до сих пор нам еще ничего не было известно об обрядовой жизни мальчиков. По правде сказать, мы даже не знали, что существуют такие обряды. Я лег спать, предвкушая интересное зрелище, которое нам, по-видимому, предстояло увидеть следующим утром.

Еще до восхода солнца мы слышали пение, раздававшееся неподалеку. За грудой камней оказалась группа мальчиков, готовившихся к обряду под наблюдением двух

молодых туземцев — Ниари и Пилалы. Церемонией руководил Пилала, представляя самого Горного Духа.

Мальчики в возрасте от семи до тринадцати лет разрисовывали друг друга. Как и в легенде, они стояли парами — Травяная Крапивница и Пестрая Трясогузка, Птичка-Колокол и Голубая Крапивница, Большой и Маленький Короткохвосты, и так все остальные. Один из старших мальчиков, олицетворявший Полосатого Короткохвоста, разрисовал вожака — Горного Духа, а тот в свою очередь разрисовал его.

Каждого мальчика сначала мазали жирами, а затем с головы до пят натирали порошком охры. На эту «грунтовку» наносили рисунок, изображавший птицу или ящерицу, в зависимости от того, кого представлял данный мальчик.

Пальцы или кусок коры, отодранный от ближайшего дерева, служили кистями, а красная охра, древесный уголь и белая глина, растертые в порошок на плоском камне и смешанные с водой, — красками.

Когда приготовления были закончены, мальчики выстроились позади пробкового дерева, готовые исполнить танец, изображавший, как в мифические времена гости направлялись к жилищу Горного Духа. Пилала и Ниари пели, а танцующие мальчики торжественно приближались к ним. Их тела сгибались в поклонах, а руки проделывали курьезные кругообразные движения. Они останавливались, возбужденно выкрикивая приветствия, делая то же самое, что делали их далекие предки, подходя к холму Минири. Это продолжалось до тех пор, пока, наконец, мальчики с большой пышностью не закончили представления, остановившись перед Ниари и Пилалой. Затем, сбившись в тесную группу, все участники церемонии шагом направились сначала к женщинам-аборигенкам, а потом к моей жене. В ответ на почести, оказанные ей, Джонни преподнесла исполнителям сухие фрукты и сладости.

Пилала сказал нам, что представление будет продолжено завтра утром. Перед тем, как лечь спать, мы приготовились, чтобы не мешкать утром: ни в коем случае не хотелось пропустить предварительную часть обряда — раскраску тел — и не опоздать, как это случилось сегодня.

На заре меня разбудил низкий стонущий звук. Казалось, он доносился со всех концов стоянки аборигенов. Я быстро оделся, разбудил Лори, схватил записную книжку и фотоаппараты и кинулся туда, где спал Джабаба.

— Зачем твоя будит меня? — проворчал старик.

— Я думал, что мальчики начали церемонию...

— Твоя большой дурак, Тжаму (имя, которое мне дали аборигены), — с недовольством промолвил Джабаба. — Это вовсе не «тжитжи инма». Это кричат черные люди, его плачет, потому что жалеет длинного мужа Катаньи...

Мы вернулись в наш лагерь несколько пристыженные. Не только Джабаба, но и другие аборигены дали нам ясно понять, что наш визит и наше дальнейшее присутствие здесь нежелательны. В спешке мы не сообразили, что стон, который донесся до нас, был выражением всеобщей скорби по случаю смерти Наманы — мужа Катаньи. Пока при свете зари мы готовили завтрак, горестные звуки постепенно затихли, и тишина вновь нависла над лагерем.

Верный своему слову, Джабаба на восходе солнца прислал к нам маленького мальчика. Он сообщил, что «тжитжи инма» вот-вот начнется.

Обряды, которые мы увидели в это утро, отличались от вчерашних. Разрисованные различными символами, мальчики танцевали, причем каждый танец носил индивидуальный характер: он представлял того или иного из мифических предков. В одном из танцев роль Летучей Мыши, пытавшейся скрыться от Ящерицы, которая спешила к жилищу Горного Духа, исполнял Ниари. Он был почти слеп — результат какой-то страшной глазной болезни, принесенной сюда белой цивилизацией. Юноша слишком плохо видел, чтобы стать удачливым охотником — мечта всех молодых аборигенов. Он не мог даже разыскивать пищу на земле. Однако Ниари горел страстным желанием помогать Джонни в домашней работе, а для меня делать рисунки, хотя, бедняга, он едва видел то, что рисовал.

Ниари принадлежал к числу несчастных, которых можно встретить в любом обществе, — застенчивый, робкий, остро сознающий свои недостатки. Но он был изумительным актером. Только здесь, в танце, мог он до

конца излить свою душу. Радость и уверенность в себе приходили к нему с мыслью, что сейчас он равен своим товарищам, если даже не превосходит их. На его танцы нельзя было смотреть без восхищения. Я бы даже сравнил Ниари с лучшими артистами балета, когда-либо приезжавшими в Австралию.

И, правда, зрелище было эффектно. Фон — груда красных гранитных камней, освещенных лучами раннего солнца; сцена — покрытая травой лужайка, а актер — обнаженный коричневый человек, тело которого блестело в утреннем свете. В танцах Ниари раскрывалась история маленькой Летучей Мыши, которая пыталась убежать от Ящерицы. В осторожных движениях Ниари, когда он бесшумно полз от дерева к дереву, низко пригибался к траве или легко перепрыгивал через разбросанные повсюду камни, чувствовалась пыл и непринужденность настоящего артиста. В эти минуты он принадлежал смутному, фантастическому прошлому; он был одним из тех удивительных созданий далеких веков, а не полуслепым, всеми презираемым Ниари...

После этого драматического представления мальчики сначала изобразили двух скитающихся женщин-предков, а затем двух Людей-Кенгуру, гонявшихся за бабочками. Мальчики то принимались танцевать, высоко подпрыгивая в такт музыки, то останавливались, подражая движениям древних предков.

Когда пение зазвучало с новой силой, мальчики (а многим из них было не больше семи лет) кинулись вперед и начали перед певцами забавный танец. Было ясно, что самый младший из них никогда раньше не участвовал в таких обрядах. Его ноги выделяли особенно неуклюжие движения, и чувствовал он себя очень неловко. Пилала заставил его несколько раз повторить движения, прежде чем разрешил продолжать танцы.

Снова, как и вчера, мальчики побежали показаться женщинам, а затем — к Джонни за похвалой и сладостями.

И сразу же, не передохнув ни минуты, бегом в школу: был понедельник... Из школы их культуры — в нашу школу. Какая разница! У них — свежий воздух, радость песни, свобода движений, и все это насыщено такой громадной драматической силой прошлого, какую мы вряд ли можем даже представить себе... В нашей школе — сидение

в классах без солнца и света, зубрежка знаков и цифр, не имеющих никакого отношения к повседневным заботам аборигенов.

Вечером мы наблюдали завершение обрядов. Женщины-аборигенки специально пригласили мою жену, так как на этот раз в церемонии принимали участие все.

Мы успели к самому началу. Юноши, сидевшие вокруг главного костра, пели, а женщины и мужчины танцевали под это пение. Приятно было смотреть на самозабвенные лица юношей, едва различимые в колеблющемся свете огня. Казалось, певцы забыли обо всем, кроме древних песен и танцев...

Женщины мало участвовали в вечерних обрядах, как впрочем и в других церемониях. Они не сидели вокруг огня, а разбившись на группы, расположились поодаль. Женщины исполнили только один танец. Танцуя, они волочили ноги, совершенно не двигая бедрами, и рывками передвигались вперед, свободно размахивая руками. На песке оставались параллельные борозды, взрыхленные ногами танцовщиц. Очень прост был этот танец, но он принадлежал им, и они от души наслаждались...

Мужчины, напротив, во всех церемониях, за исключением разве «тжитжи инма», не только пели, но и играли, с блестящим мастерством раскрывая все богатство человеческих чувств. В их танцах были и чисто подражательные движения будничной жизни и торжественные выразительные движения священных обрядов.

Видимо, и в этот вечер они исполняли какие-то веселые сцены из древней жизни — каждое движение вызывало взрывы смеха среди собравшихся. Я не все понимал в их игре, но ни о чем не спрашивал, целиком отдавшись радости зрелища, такого необычного и прекрасного. Я снова почувствовал прелесть движений и формы, как тогда, когда восхищался танцами Павловой, или как сегодня утром — танцами Ниари. Певцы, охваченные жаром артистического вдохновения, прямо на земле отбивали ритм танца, актеры, великолепные представители человеческой породы, самозабвенно танцевали в мерцающем свете костра. И все они — и певцы и танцоры — не думали ни о чем, кроме своего искусства, кроме преданий старины.

Было уже поздно, когда мы отправились домой. Но танцы все продолжались, звучал ритм, а люди танцевали и танцевали с неослабевающим воодушевлением...

ОБРЯДОВАЯ ЖИЗНЬ

Обряд Горного Духа и легенды, связанные с ним, дают мальчикам первые представления о жизни, богатой песней и драматизмом, ожидающей их в дальнейшем. В течение всего детства мальчики и девочки окружены такой любовью и вниманием, о которых можно лишь мечтать. Целый день маленькими группами дети бродят вокруг стоянки, играют в руслах ручьев, ищут всякие лакомства или, отдыхая у костров, расппевают детские песни.

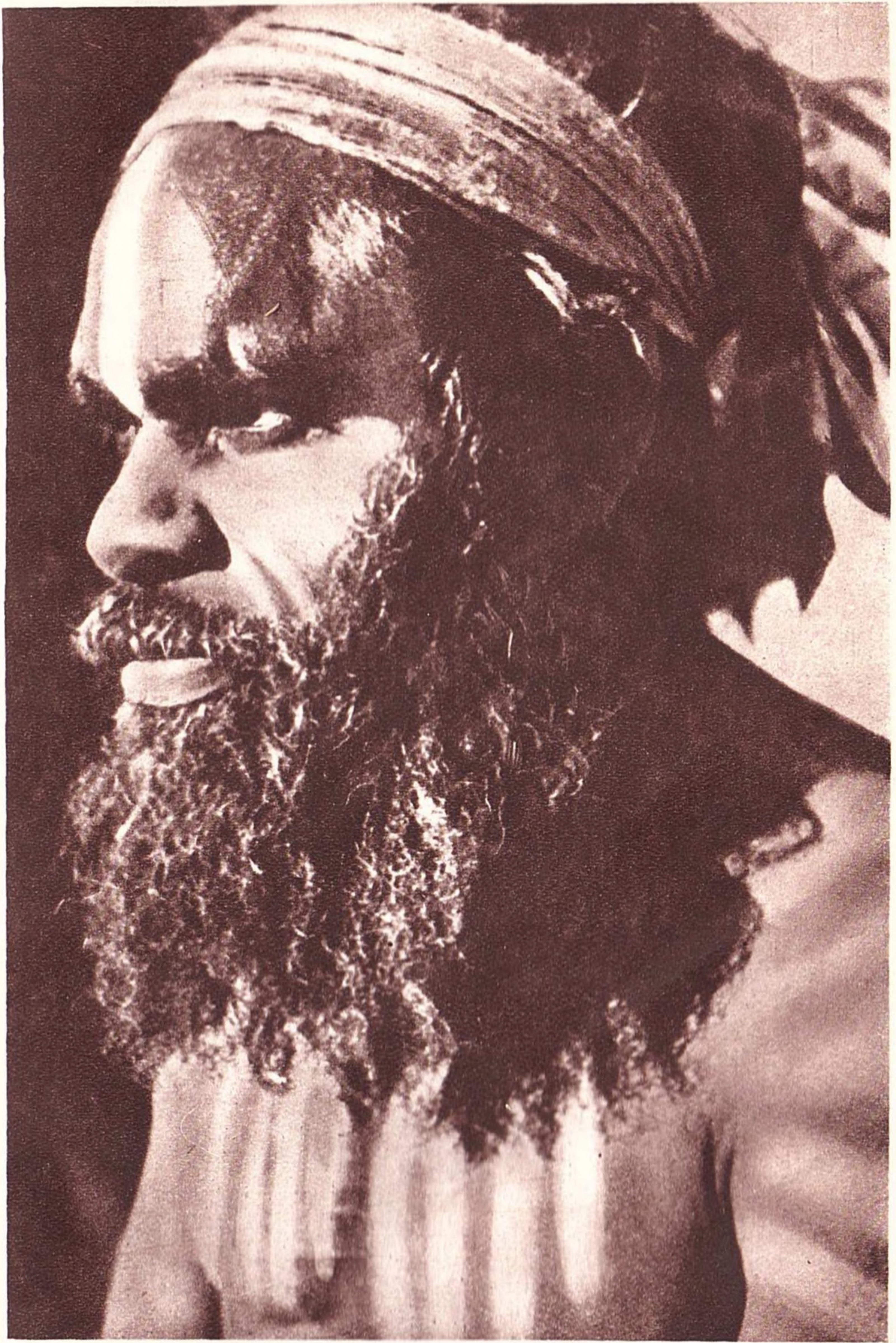
Родители редко бранят детей и совсем не наказывают их. Для детей нет запретных мест. Только когда они приближаются к старикам, обсуждающим обряды, им говорят, что сюда ходить нельзя. Если не считать лишений, которым подвергает аборигенов природа во время их длительных скитаний по пустыне, трудно себе представить более совершенные условия для развития ребенка.

Хотя мальчики постарше смутно догадываются о многих тяжелых испытаниях, уготованных им впереди, они не особенно беспокоятся об этом. Подобно всем детям, они живут сегодняшним днем, не задумываясь о будущем...

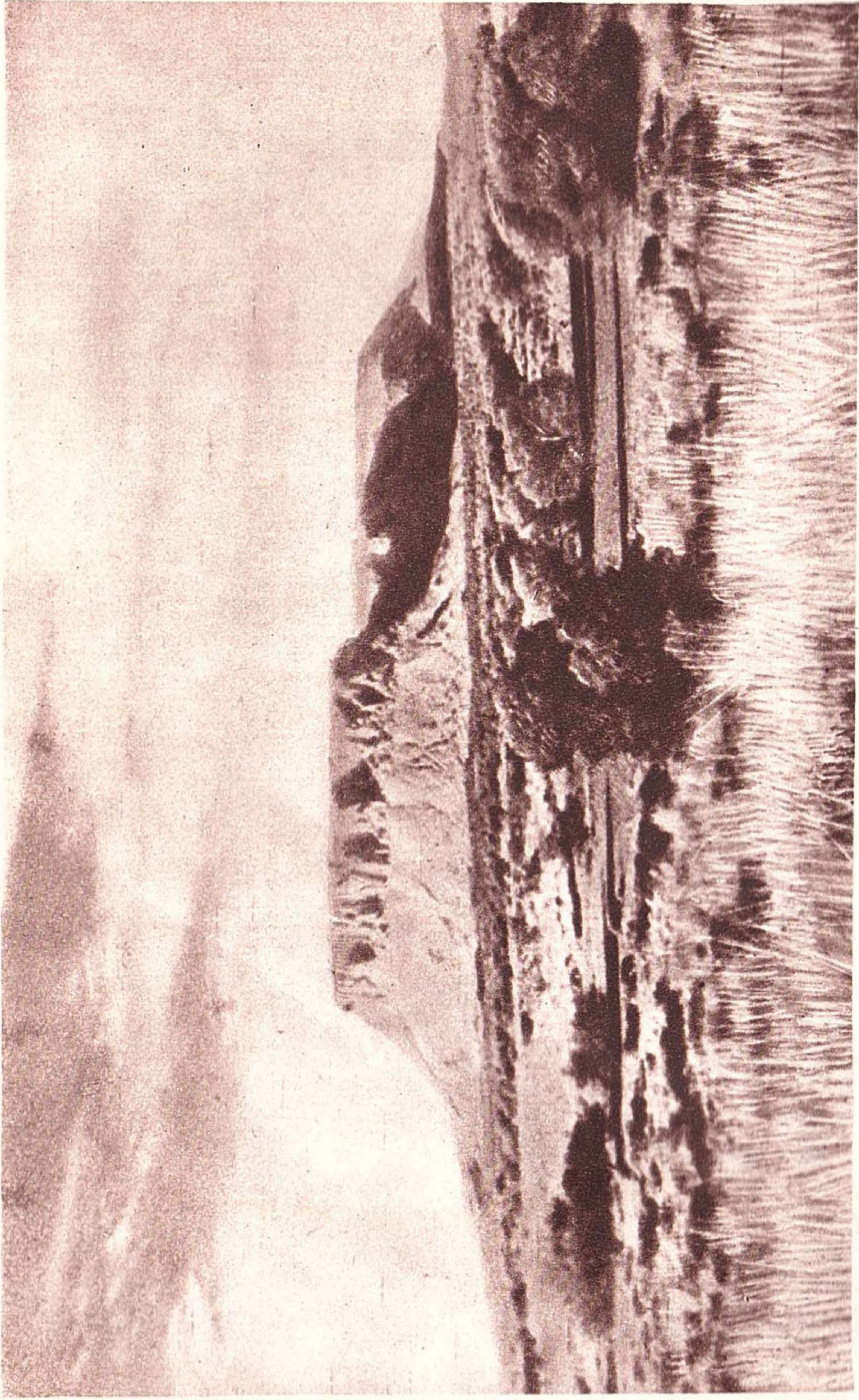
И вот как-нибудь вечером счастливая беззаботная жизнь одного из подростков кончается. Женщины, самые близкие ему, у которых он искал защиты и поддержки в любой ребяческой беде, внезапно набрасываются на него и, угрожая пылающими факелами, изгоняют из лагеря.

Это обрядовое изгнание означает, что молодой абориген лишается внимания и покровительства женщин и теперь вынужден жить, подчиняясь велениям суровых, не признающих никакой ласки стариков — его наставников, пока он не станет настоящим мужчиной, равноправным членом племени. С этого времени и до окончания обрядов обрезания — примерно около года к юноше относятся как к отверженному. Спит он всегда в некотором отдалении от стоянки, никогда не приближается к женщинам и не разговаривает с ними. Он не говорит даже со стариками, пока они сами не позовут его. Отвечая старикам, юноша обязан говорить только шепотом.

Это очень крутой перелом в жизни юноши, и, разумеется, он пребывает в угнетенном состоянии, подавленный

Матинья,— наш проводник

Гора Коннор с характерной плоской вершиной

многочисленными запрещениями, внезапно свалившимися на него.

Но как ни жестока такая перемена, система воспитания аборигенов отличается большой мудростью. Мальчики растут совершенно свободно в почти идеальных условиях до того, пока их физическое и психическое развитие не приходит к своему завершению. Именно тогда и только тогда юноши начинают длительный трудный путь, готовясь стать взрослыми мужчинами.

Примерно с год жизнь изгнанника идет так: днем он находится среди мужчин, а по ночам спит у своего маленького костра за чертой стоянки племени. Идут дни, но юноша знает, что в конце концов настанет время и загадочное превращение сделает его мужчиной.

Таинственные и красочные истории, рассказываемые подростками друг другу, наполняют его страхом перед испытаниями инициации. И несмотря на это, он стремится к ним, понимая, что без них ему не стать взрослым. А ведь это — заветное желание всякого юного аборигена.

И вот, наконец, приходит день, когда старики хватают юношу и под причитания женщин, крики и топот мужчин, уже прошедших инициацию, ведут его к священным местам.

Во время ритуалов инициации мужчины — ближайшие родственники юноши — вскрывают на своих руках вены и мажут кровью тело юноши. Смысл этого обычая заключается в том, что кровь — это куранита (основа жизни), и отдавая часть своей крови иницируемому, они тем самым дают ему необходимые здоровье и жизнеспособность, чтобы он смог стать сильным и зрелым мужчиной.

Обряд инициации в обществе аборигенов знаменует переход от безмятежной юности к дисциплинированной зрелости, от безответственности к долгу, от невежества к знаниям. Эти ритуалы имеют своей целью с помощью примитивной символики и таинственных обрядов научить молодого аборигена законам племени и дать ему представление об ограничениях, вытекающих из них. При этом используется все, что может привести к достижению нужного результата: и испытание болью, и проверка силы духа, и атмосфера загадочности — все, что подчеркивает важность этого акта.

Юноша, лежащий вниз лицом, слышит, но не видит, что происходит вокруг него. Только на мгновение позво-

ляют ему поднять голову и в свете колеблющегося пламени костра взглянуть на это зрелище, вызывающее благоговение.

Восприимчивый юноша настолько захвачен удивительными впечатлениями, что эта картина остается в его памяти на всю жизнь.

Первый обряд инициации, включающий обрезание, является важнейшим шагом молодого аборигена на пути к зрелости. По его завершении он надевает на голову отличительную повязку, которая свидетельствует об общественном росте, и теперь его можно видеть лишь среди стариков — наставников и стражей. Он обязан избегать женщин и не смотреть на них. Его новое имя теперь — Вангарапа — «Скрывающийся мальчик». Вместе со стариками он совершает долгие путешествия, знакомясь с обрядами других племен, хотя ему разрешено наблюдать лишь наименее священные из них. Постоянные скитания и наставления стариков дают ему представление не только о легендах племен, но и о местах, связанных с ними.

Поразительно усердие, с которым юноша входит в новый мир песни и обряда, изучает легенды и законы племени. Вместе с другими иницируемым юношами он постоянно совершенствуется не только в песнях, но и в танцах, которые их сопровождают.

Через них он и постигает этот новый для него мир. Он узнает историю земли, на которой живет его племя и о которой прежде он ничего не знал. Он постигает смысл поступков старших, ранее непонятных его непосвященному уму. К тому времени, когда кончаются его скитания, молодой абориген становится совсем взрослым. Теперь он вполне подготовлен для прохождения второй стадии инициации — подрезания.

Этот обряд символизирует, что юноша стал полноправным членом племени. Теперь он может жениться, если его нареченная достаточно взрослая. Он может принимать участие в совете племени, хотя еще и не обладает всей полнотой власти. Он может активно участвовать в некоторых, хотя еще и не во всех обрядах. Пройдет немало лет, пока новый член племени познает все его тайны.

Даже седой Моания не всегда мог ответить на мои вопросы.

— Я недостаточно стар, — говорил он, — спроси Джабиабу.

Хотя подрезание является самым болезненным из всех испытаний и означает у аборигенов переход иницируемого в полноправные члены общества, с ним почти не связаны какие-либо легенды или церемонии. Это наводит на мысль, что любопытный и необъяснимый обычай подрезания только недавно стал частью их сложной обрядовой жизни и еще не успел породить собственную мифологию. Действительно, большинство, если не все песни и танцы сопровождающие его, заимствованы из многочисленных обрядов обрезания.

Обряды аборигенов (известные большинству как кор-роборес), в частности обряды инициации, драматически воплощают в музыке и в мимике легендарную историю племени. Их роль сводится к объяснению людям, в частности юношам во время инициации, различных явлений. Они управляют силами природы. Их магическое действие обеспечивает аборигенам пищу и воду.

В обрядах инициации, а по сути дела и во всем укладе жизни аборигенов, все члены племени разделены на две группы — таманилджан и нанундурака. Это разделение накладывает отпечаток на все стороны их жизни, брачные и общественные отношения и нормы поведения. Я был признан членом племени, поэтому половина всех членов племени была для меня таманилджан, или, пользуясь метким выражением здешних мест, они были «моими» людьми. Члены другой группы — нанундурака — были для меня чужаками. Браки внутри групп недопустимы, они, пожалуй, равнозначны сожителству с сестрой.

Я наблюдал за обрядами инициации на всех стадиях — такое доверие является огромной честью. Поскольку аборигены считают, что страшные несчастья обрушатся на племя, если тайны священных мест станут известны женщинам, подробные сведения об обрядовой жизни мужчин будут отданы мной лишь в распоряжение научных журналов. Однако драматические представления на сюжеты различных легенд разрешалось смотреть всем. Интересна была инсценировка легенды о Диком Индюке (древнее существо, пытавшееся похитить у человека огонь). Представление на этот раз резко отличалось от исполнения священных обрядов. Не было ни продолжительных приготовлений, ни сложной разрисовки тел, ни кровопусканий. Не использовались вспомогательные сценические средства: темнота, мерцающие отблески костров, гротескные

возбуждающие воображение фигуры мифических персонажей. Не было даже группы деревьев, из-под сени которых могли бы внезапно появиться актеры. Просто — открытая поляна, поросшая травой, да два низких дерева малга. Однако я никогда не забуду этого полудня — таким ярким было впечатление, произведенное на меня участниками представления. Впоследствии я часто себя спрашивал: почему тогда так поразило меня это представление. Я ушел с площадки, где происходила церемония, с необыкновенным ощущением чего-то прекрасного. Как будто я любовался выступлением артиста моей культуры. Этим впечатлением я во многом обязан рисунку старого Тжалерины, исполненному цветными карандашами. Рисунок отображал легенду о том, как во «времена сотворения» мифический Дикий Индюк пытался похитить огонь у человека.

Давным-давно, как обычно начинаются европейские сказки, аборигенам принадлежал вечно горевший дуб. Это был единственный источник огня в мире, и аборигены бережно хранили его: если огонь на их стоянке из-за бури или небрежности затухал, они могли пойти к горевшему дереву и снова разжечь свой костер.

В те времена на свете обитало довольно неприятное существо — Кипара — Дикий Индюк, решивший похитить огонь и утопить его в море. Если бы Кипаре удалось это сделать, мир пережил бы страшное несчастье. Аборигены не могли бы больше согреваться у костров в холодные зимние ночи и освещать в темноте свой путь. Человечество лицом к лицу столкнулось бы с холодной и мрачной действительностью. Но, к счастью, после долгой борьбы двум Людям-Ястребам удалось вырвать горящий факел из рук мстительной старой Кипары.

Легенда о похищении огня, широко распространенная у аборигенов, оканчивается поражением Кипары и спасением огня. Некоторые из прибрежных племен считают, что огонь был спасен Огненнохвостым Зябликом и что красное пятнышко на его хвосте — это след ожога, полученного отважной птичкой в тот момент, когда, вырвав факел у вора, она стремительно мчалась с ним к законным владельцам огня.

Драматически эта легенда разделена на восемь актов, основой каждого из которых является одна единственная песня. Четыре акта были посвящены Дикому Индюку и

факелу, остальные четыре повествовали о разнообразных приключениях во время долгого путешествия. Круг мужчин распевал песни, отбивая такт палками прямо по земле, а остальные танцевали, исполняя различные эпизоды драмы.

Во вступительной песне рассказывалось, как Кипара старался различными ужимками привлечь внимание женщин. Шутовские движения возбужденного Кипары были весьма реалистично воспроизведены Тжалериной. С громким хриплым криком он двигался по направлению к певцам. При этом Тжалерина совершал занятные прыгающие движения — его бедра оставались неподвижными, а тесно прижатые друг к другу ступени ног едва отрывались от земли. Кульминационный момент наступил близ круга поющих мужчин — крики Тжалерины усилились и стали еще более хриплыми, а движения столь резкими, что он, наконец, потеряв равновесие, опрокинулся назад и остался лежать на площадке, задрав ноги вверх и продолжая громко реветь...

Мне объяснили, что потомок Кипары — дикий индюк и сейчас поступает точно также, когда хочет привлечь внимание подруги во время брачного периода. Он призывает ее громкими криками, а когда она приближается, становится таким возбужденным, что часто, подобно древнему Кипаре, опрокидывается навзничь.

В четвертом акте Кипаре — Тжалерине, удалось похитить огонь, и он насторожился, ожидая внезапного нападения врагов. Движения актера создавали полную иллюзию того, что перед вами самый настоящий вор — бдительный, настороженный. В то время, когда Тжалерина крался между деревьями малги, каждый шаг его, совпадая с ритмом музыки, был воплощением грации.

Ниари — полуслепой юноша, так прекрасно танцевавший в обряде Горного Духа, тоже участвовал в представлении. Он изображал Вару, маленького кенгуру, испуганного Кипарой. Маленький кенгуру завтракал дикими фигами. Вдруг он увидел Кипару. Испуганный кенгуру бросился на гребень ближайшей скалы. Оттуда из-под низкого пробкового дерева он стал внимательно следить за пришельцем.

— Не бойся, — обратился к нему Кипара, — я не человек и не причиню тебе вреда. Иди сюда и мы вместе станцуем танец инма...

— Я не могу,— отвечал Вара.— Я не знаю никаких песен и не могу даже себя разрисовать...

— Об этом не беспокойся,— продолжал уговаривать его Кипара.— Песню я придумаю, а это заменит тебе инма валка (обрядовые знаки)... И оторвав кусок коры с дерева, Кипара смочил его кровью и протянул Кенгуру...

И вот Ниари, украшенный знаками, придуманными Кипарой в незапамятные времена, начал изображать маленького трепетавшего от страха кенгуру. Он в точности подражал прыжкам животного, останавливаясь на секунду, чтобы облизнуться, как делают это уоллоби¹ в наши дни.

Обряды аборигенов, являясь, возможно, самой примитивной формой драмы, в одном отношении напоминают великие оперы Вагнера. Подобно тому, как композитор средствами своей непревзойденной музыки и драмы увековечил могучие подвиги богов и полубогов древней нордической расы, так и аборигены наших дней своими древними песнями и ни с чем несравнимыми обрядами заставляют оживать мифических героев минувших времен.

Правда, песни и танцы в этих двух культурах имеют разное назначение. У нас — это развлечение, возможность отвлечься от повседневных забот, а у аборигенов музыка и драма являются внешним выражением их верований и убеждений.

Представление, которое мне довелось увидеть в этот день, не было просто игрой. Оно было выражением связи актеров с их далекими предками. Не было ни аплодисментов, ни восторженной толпы, не было даже зрителей. Каждый из аборигенов либо пел песни, либо участвовал в одной из многочисленных сцен, сотнями путей уходивших к мифическим «дремлющим временам», которые их породили...

ГЛАВА 6

МЕДИЦИНСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Старый Тжалерина, главное действующее лицо в обряде Дикого Индюка, всегда мечтал стать лекарем, но так и не смог осуществить свое желание. Он уверял меня, что раньше был «немножко медицинским человеком» и даже

¹ Уоллоби — вид австралийского кенгуру.

мог по ночам слышать духов, хотя и не видел их. Но несколько лет назад, когда серьезная болезнь чуть было не лишила его жизни, он утратил эту способность.

После выздоровления Тжалерина подарил одному медицинскому человеку несколько дротиков, чтобы тот сделал его моложе. Но из этого ничего не вышло. У другого медицинского человека Тжалерина купил австралит (обсидиан метеоритного происхождения). Как уверял продавец, этот священный камень сделает Тжалерину еще более сведущим в медицине, чем он был раньше, если только он сумеет затолкнуть австралит в свое солнечное сплетение. Бедный старик долго пытался проделать эту операцию, но тщетно. В конце концов он решил, что кожа у него слишком чувствительна, а дополнительная способность, которую он приобретает таким образом, не стоит боли и всех хлопот и решил отдать австралит мне. Он знал, что в обществе аборигенов подарки не остаются без ответа, и рассчитывал хоть что-нибудь да получить с меня и этим несколько поправить свою неудачную сделку.

Сначала старик спросил, не попробую ли я загнать этот камень в свое тело, но после некоторого размышления признал, что это, пожалуй, не так уж необходимо: я и без того «великий лекарь» — заставляю разговаривать ящик (радио). Но, добавил он, австралит мог бы помочь мне проделывать и другие чудеса. Понимая, что, не будучи фокусником, я попаду в трудное положение, я поблагодарил старика, дал ему каких-то лакомств и сказал, что если он мне расскажет о волшебном камне, я, пожалуй, захвачу его на свою родину — показать другим белым «лекарям», еще более великим, чем я сам...

От Тжалерины я узнал, что австралиты являются непременной принадлежностью нунгари (медицинских людей), подобно кристаллам кварца, с помощью которых врачуют лекари южных племен. В руках нунгари эти камни — метеориты — служат различным целям. Они, например, будучи введены в тело, восстанавливают утраченные силы, подобно сторожевому псу охраняют собственность, могут указывать, где находится враг, помогают исцелять соплеменников...

В нашем лагере был молодой слепой медицинский человек Немиения, который славился искусством врачевания и обладал чудодейственной силой исцеления. Меня удивило, что такой молодой человек, к тому же слепой,

обладает тайнами, которые, как мне казалось, являются достоянием людей, умудренных жизнью. Но я ошибался. Любой молодой человек, проявивший незаурядные способности, повышенный интерес к тайнам племени и к психологическим опытам медицинских людей, рассматривается старшими как возможный кандидат в медицинские люди. Юноша, даже не подозревая о намерениях старших, проходит целый ряд необычных испытаний, прежде чем стать медицинским человеком.

Видимо, Немиения не только обладал необходимыми познаниями, но и выдержал все испытания: он уже был посвящен в тайны медицинских людей и обучен практике врачевания своим отцом по племени Вилу, который был известным лекарем.

Когда Немиения достиг достаточной зрелости и ему уже можно было доверить секреты, Вилу под покровом ночи увлек его дух в далекую землю Нунгари, лежащую гораздо южнее страны Питджендаджара, чтобы посвятить там юношу во множество сокровенных тайн.

Но прежде чем Вилу совершил такое путешествие, его дух вынужден был претерпеть удивительнейшее превращение. Оставив однажды у костра свою человеческую оболочку, дух Вилу сначала принял облик орла, а затем вывернулся наизнанку. В результате этой метаморфозы перья орла оказались внутри тела, крылья стали ногами, а ноги — крыльями. Только в таком необычном виде Вилу смог вызвать дух Немиении из его спящего тела и увлечь на вершину высокой скалы в чудесной земле Нунгари. Здесь куран (дух) Вилу показал курану Немиении диковинный мир: кровавой водоем, который духи нунгари всегда прикрывали ветвями, дерево курайонг, украшенное вместо листьев яркими перьями, и другие не менее удивительные вещи, о которых я смог узнать очень немного.

К рассвету духи Вилу и Немиении успели вернуться в свои телесные оболочки, оставленные у костра. Только под покровом темноты они могли оставаться в безопасности вне тела. Дух Немиении свободно возвратился в свое тело — он не менял облика. Но духу старого Вилу, который все еще пребывал в облике вывернутого наизнанку орла, пришлось проделать все обратные превращения — сначала в обыкновенную птицу, затем в подобие человека. Лишь тогда он, наконец, смог очутиться в своем спящем теле.

Наутро после этого приключения Вилу мимоходом спросил Немиению:

— Что снилось тебе ночью?

Если бы Немиения не помнил о том, что ему пришлось испытать, или ему снились бы другие вещи, старый медицинский человек не стал бы задавать дальнейших вопросов, потому что ответы сами по себе показали бы, что этот ученик еще не готов для дальнейшего обучения. Спустя некоторое время духу Вилу пришлось бы снова превратиться в вывернутого наизнанку орла и вместе с духом своего подопечного вновь совершить удивительное путешествие. Если на этот раз Немиения запомнит свои приключения, старый медицинский человек продолжит дальнейшее обучение, но, возможно, путешествие придется повторить и в третий раз.

Аборигены, сидевшие вокруг костра, говорили, что многие из них по всей вероятности совершали такие путешествия, но просто не могут их припомнить. Впрочем Джабаба сказал, что он мог бы припомнить кое-какие мелочи.

Вряд ли аборигены «вспоминают» подобные путешествия, но тем, кому удастся это сделать, явно везет: быть медицинским человеком — великая честь. Все желают им стать, но немногие становятся...

К тому времени, когда Немиения закончил обучение, он был сведущ не только в искусстве врачевания с помощью магии, но также и в средствах заклинания опасных духов темноты. Однако чтобы владеть волшебными чарами, ему, как и Вилу, приходилось перевоплощаться в вывернутого орла и тогда он мог видеть маму (демон, живущий на деревьях и нападающий по ночам на души аборигенов), побеждать души одиноких мертвецов и указывать путь беловолосым иулания — духам-детям, постоянно разыскивающим своих земных матерей...

Маму вызывает ужас тем, что всегда стремится овладеть куранами маленьких детей, которые покидают ночью свои спящие тела и, пренебрегая опасностями, резвятся среди эвкалиптов. Иной раз маму удается поймать одну из этих маленьких душ на обед себе или своим друзьям. Когда это случается, ребенок, лишенный души, утром просыпается больным. Если Немиения или другой лекарь узнают о болезни вовремя, они еще могут спасти жизнь ребенка, отняв маленькую душу у мамы и вернув ее обратно

в тело. Маму обычно не поедает сразу свою жертву, а играет с ней некоторое время, как кошка с мышкой.

Аборигены не понимают, что болезни и смерть происходят в результате естественных причин. Они верят, что эти удары судьбы являются следствием волшебства какого-нибудь древнего предка или злого существа и что лишь медицинский человек может их вылечить своим контрволшебством.

Несколько раз мы слышали рассказы о способностях Немиении исцелять людей, о том, как он властвует над злыми духами, но я ни разу не сталкивался с ним лично, пока не надорвался Моания, перетаскивавший тяжелое бревно. Зная, что у Моании всегда припасена какая-нибудь необыкновенная история, я попросил его рассказать, отчего у него болит спина.

Вот что он поведал мне о своей болезни.

Два года назад Моания и его жена Нумиди жили в горах Манна. Однажды в жаркий день, поймав несколько кроликов, они решили отдохнуть в тени одинокого дуба. Когда аборигены принялись разжигать огонь, чтобы приготовить кроликов, у Моании начались страшные боли в спине. Они были так сильны, что бедняга с трудом добрался до стоянки. Вечером боли стали нестерпимы, и вопли Моании подняли на ноги всех соплеменников. Нумиди и несколько мужчин быстро разожгли костер, покрыли его толстым слоем листьев эвкалипта и уложили стонущего Моанию на это ложе. Такое примитивное использование жара, являющегося лучшим средством против болей в пояснице, скоро облегчило страдания несчастного, и он отправился спать.

На следующий день был приглашен медицинский человек. После множества вопросов он установил, что Вамбина — мифический предок, создавший эту часть страны, поразил Моанию в спину своей кульпиджи (священной палочкой) за то, что тот в один день поймал слишком много кроликов. При помощи различных заклинаний, массажа и высасываний больного места лекарь извлек из тела Моании кульпиджи, и пациент на некоторое время почувствовал себя лучше.

Однако Моания был уверен, что часть кульпиджи еще осталась у него в теле — поясница продолжала беспокоить. Он собирался попросить Немиению на следующий день удалить остатки палочки.

Я собирался пойти посмотреть, что делают с Моанией и решил подождать, пока операция пойдет полным ходом. Моания, опираясь на колени и локти, лежал на песке, а Немиения сильно сжимал и массирует ему кожу вокруг больного места. Снова и снова медицинский человек «извлекал» частицу кульпиджи и, держа ее в сложенных горстью руках, поворачивался спиной к пациенту, позволяя осколку «улететь» прочь. Но поскольку все осколки не могли быть извлечены с помощью одного массажа, Немиения в течение некоторого времени энергично сосал пораженное место, пока, наконец, не вытащил последний и самый большой кусок кульпиджи.

Когда Моания вернулся в наш лагерь, он объявил, что теперь совершенно исцелен. Это было похоже на правду — на протяжении целых четырех месяцев пребывания с нами Моания ни разу не жаловался больше на боли в пояснице.

— Дашь ли ты что-нибудь Немиении за то, что он вылечил твою спину? — спросил я Моанию.

— Пожалуй... нерешительно ответил абориген. — Иначе его даст мне другую большую боль в спине. Но моя ничего не имеет сейчас. Только одна дротик, ничего больше...

Это была правда: несколькими днями раньше я случайно сильно укололся его единственным дротиком...

После случая с исцелением Моании мне не раз доводилось наблюдать искусство медицинского человека. Его методы почти всегда сводились к одному и тому же: он массирует больное место, сильно сжимая тело ладонями, а затем делал вид, что извлекает из него палку или кусок коры. При этом лекарь всегда прикрывал место операции одной рукой. Иногда он показывал восхищенным зрителям волшебную палочку, являвшуюся ничем иным, как куском коры или веточкой, и затем поворачивался к ним спиной, позволяя палочке «улететь»...

Но однажды он использовал совсем другой прием врачевания. У молодой женщины, служившей у миссис Уорд, началась страшная головная боль. Ее хозяйка, всегда ласковая с аборигенами, дала девушке аспирин и другие лекарства, но они не оказали действия. Девушка попросила разрешения пойти к своим родным. Те позвали к больной Немиению. Он выслушал возбужденные объяснения девушки с истинно профессиональной важностью, свойственной и большинству наших врачей. Затем, не проронив ни слова, торжественно, кончиками пальцев

Немиения ощупал всю голову пациентки и объявил, что она треснула как раз посередине. Полагаю, что его диагноз не был бы принят в мире нашей медицинской науки. Но я был восхищен точностью его сравнения: и у меня голова иногда болит так сильно, что если бы врач сказал: «Ваш череп раскололся от макушки до подбородка, и обе его половинки то сходятся, то расходятся», — я поверил бы ему.

После предварительного исследования Немиения взял голову девушки обеими руками и несколько раз сжал ее, как бы убеждаясь, что трещина закрылась.

Пациентке стало немного лучше, и она отправилась спать. Но ночью ей снова было плохо, и рано утром родители, не обратившись к медицинскому человеку, окурили ее дымом, как это было сделано в свое время с Моанией. Через несколько минут такого лечения девушка потеряла сознание. Все в панике кинулись за слепым Немиенией. Но, как и все врачи, он не любил спешить и пришел не торопясь. Окруженный всеобщим вниманием, Немиения остановился у костра, где лежала больная. Некоторое время он стоял неподвижно, затем, упав на колени, неистово начал искать что-то невидимое для окружающих. После нескольких безуспешных попыток Немиения схватил это «что-то» сложенными горстью руками. Жестом приказав родителям положить больную на спину, он сильно нажал руками на ее живот и держал их в таком положении несколько минут. Девушка, наконец, пришла в сознание...

Немиения объявил, что когда девушку держали над огнем, ее куран (душа) очень испугался и покинул тело в поисках убежища. Маленькую душу оказалось очень трудно поймать, потому что она была страшно напугана только что перенесенным лечением. Положение создалось серьезное — если бы медицинскому человеку не удалось найти куран, девушка непременно умерла бы — ведь никто не может долго жить без своей души...

Да, этого медицинского человека невозможно было чем-либо озадачить!

У Немиении, по-видимому, масса дел: он должен охранять стоянку аборигенов от нежелательного внимания мертвецов, избавлять души живых от лап коварного маму, помогать детям-духам находить земных матерей и излечивать всевозможные болезни соплеменников.

Немиения конечно получал плату за врачевание. Но, без сомнения, как и всем докторам — цивилизованным и туземным — ему приходилось сталкиваться с немалыми трудностями, собирая свои вознаграждения...

ГЛАВА 7

МЫ ГОТОВИМСЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ В ПУСТЫННУЮ АВСТРАЛИЮ

В Эрнабелле мы провели почти месяц, готовясь к продолжительному путешествию, которое решили совершить в сопровождении нескольких проводников-aborигенов.

Нам предстояло посетить центральные резервации аборигенов. Эти резервации, включающие пустынные районы Южной, Центральной и Западной Австралии, представляют собой последние оплоты аборигенов в южных частях континента. Они целиком отданы в их распоряжение. Теоретически аборигены могут здесь жить, не подвергаясь гонениям и преследованиям — по законам сюда не допускается никто, кроме ученых и государственных чиновников, имеющих особые полномочия. Однако в действительности дело обстоит далеко не так.

Центральные резервации аборигенов занимают пространство с низким годовым уровнем осадков и состоят из бесплодных песчаных пустынь, среди которых поднимаются горные цепи Масгрейва, Петерманна и Манна, а также уступающие им по высоте группы Томкинсона и Роулинсона.

Склоны хребтов, почти лишенные почвы, покрыты скудной растительностью — вездесущим спинифексом (*Triodia* sp.), весьма немногочисленными видами местных хвойных пород (*Callitris* sp.), чахлыми пробковыми деревьями (*Naakea* sp.) и различными акациями. Равнины, лежащие у подножий хребтов, отличаются удивительной плоскостью. В некоторых местах здесь не встретишь даже русел ручьев: количество осадков, выпадающих на склонах, настолько мало, что влага впитывается в почву, так и не успев достигнуть равнины.

Горы Масгрейва, несомненно, являются высочайшими и самыми красивыми во всей резервации. Включая гору

Эйрс, они простираются почти на полтора ста миль и поднимаются у вершины Вудрофф на высоту свыше четырех тысяч футов. Возможно, это самая высокая точка Южной Австралии. Другие горные цепи уступают горам Масгрейва и по высоте и по длине.

С севера, юга, востока и запада пустыня окружает хребты, подобно безбрежному морю. Но несмотря на то что это самая настоящая пустыня, совершенно лишенная поверхностных вод, она отнюдь не покрыта голыми зыбучими песчаными холмами, как думают многие. Здесь преобладают равнины с засухоустойчивой растительностью. После хорошего дождя они становятся даже нарядными благодаря цветущей пурпурной паракеелии (*Calandrinia balonnensis*) и другим растениям пустыни.

Но тем не менее на равнинах повсюду встречаются холмики и параллельные дюны, «движущиеся» в том направлении, куда дуют ветры. Эти песчаные дюны, являющиеся, насколько мне известно, особенностью Австралии, часто удивительно ровные, и когда смотришь на них с воздуха, кажется, что под тобой гигантская пашня...

Хотя гребни песчаных дюн находятся в беспрестанном движении, склоны их покрыты редкой пустынной растительностью, приспособившейся к засухе, а ложбины между ними обычно зарастают густой малгой (*Acacia aneura*) или задумчивым пустынным дубом (*Casuarina descaenana*).

Земли племени Питженданджара простираются вокруг гор Манна, расположенных на стыке границ Южной, Центральной и Западной Австралии. Это низкая, сложенная гранитами горная цепь, которая, опускаясь, направляется к западу и постепенно переходит в отдельные не связанные между собой холмы, в конце концов теряющиеся в прилегающей пустыне...

По первоначальному плану мы собирались, захватив научное оборудование и трехмесячный запас продуктов, совершить большое путешествие на северо-восток, минуя горы Коннор, Эйрс, Ольги, далее через пустыню к горам Петерманна, а оттуда к горам Уорбортона, где я надеялся продолжить предыдущие исследования. Затем мы намеревались вернуться к исходному пункту через горы Манна и Масгрейва.

Таким образом, предполагавшийся маршрут путешествия был круговым. Но когда обнаружилось, в каком

состоянии находится караван Тжундаги, состоявший, как известно, из одряхлевших одров и сосунков, которые не могли нести груз, мы начали сомневаться в правильности первоначального маршрута. К тому же седла и упряжь верблюдов также оставляли желать много лучшего, хотя Тжундага и Нибиана потратили немало времени на их починку.

Положение осложнилось еще и тем, что коротковолновая радиостанция, одолженная мне миссией в Эрнабелле, отказалась действовать. Сколько мы не кричали в микрофон, сколько не ковырялись в ее внутренностях, она безмолвствовала. Это означало, что после Линдавейла на четвертый день пути мы оказались бы совершенно отрезанными от цивилизации.

И хотя караван Тжундаги после месячного отдыха имел более приличный вид, а верблюды, взятые взаймы у суперинтенданта миссии, несколько улучшили наше положение, было ясно, что с такими ненадежными транспортными средствами и вдобавок без связи с внешним миром подобное путешествие явилось бы слишком рискованным.

Итак, мы решили отказаться от путешествия в горы Петерманна и Уорбуртона и разделили первоначальный маршрут на две части. Вначале намечалось путешествие к горам Коннор, Эйрс, Ольги с возвращением назад в Эрнабеллу, а затем — после пополнения запасов продуктов — поездка на запад вдоль гор Масгрейва и Манна. Мы узнали, что этот район очень интересен с точки зрения исследовательской работы, и новая программа давала нам массу возможностей для изучения жизни аборигенов. Намного облегчалась и участь верблюдов.

Наш караван состоял из дромадеров — неприглядных на вид одногорбых животных, родина которых Аравия. Дромадеры вполне подходили для длительного путешествия по безводным местам, простиравшимся перед нами. Тжундага уже «закалил» их, приучив подолгу оставаться без воды, так что теперь мы свободно могли передвигаться в течение пяти и даже более дней, не пополняя запасов воды. А если на пути встречались зеленые травы, этот срок еще более увеличивался. Пищу для верблюдов также не нужно было везти с собой: они могли питаться листьями малги, напоминающими проволоку, и листвой низкорастущих акаций. Такая пища была для них обыч-

ной, животные умудряются даже жиреть от нее. Я не могу припомнить ни одной ночной стоянки во время предыдущих путешествий, когда бы для них не было сколько угодно корма. В нашем караване верблюды были разделены на четыре группы. В первую входили животные, обладавшие легким шагом. Их мы выделили как ездовых. Два верблюда должны были везти четыре восьмигаллонных бидона, содержащих драгоценные запасы воды, и два больших ящика с ценным научным оборудованием, фотоаппаратами и самыми необходимыми запасами продуктов. Вьючные верблюды — наиболее крепкие животные — должны были везти остальное продовольствие, палатки, брезент и прочую поклажу. Наконец, на необъезженный молодняк мы водрузили тюки с мукой и сахаром — с этим грузом ничего бы не случилось, если бы сосунки и решили порезвиться. Было крайне необходимо, чтобы верблюды, перевозившие ящики и воду, отличались спокойным нравом — от этих животных зависел не только успех наших исследований, но и наша жизнь. Верблюд с норовом в любую минуту может вырваться из каравана и диким галопом помчаться куда-нибудь в сторону, стараясь на бегу сбросить свою ношу. Если бы так повело себя животное, нагруженное бидонами с водой, да еще где-нибудь посреди пустыни, нередко простирающейся на сотни миль, то мы попали бы в ужасное положение. Совершенно не подозревая об этом, верблюды держались с весьма надменным видом. Тжундага заверил нас, что эта пара дромадеров отличается спокойным характером, что «они смирные парни». Последующие события доказали, что наш проводник был прав...

Способ навьючивания верблюдов весьма любопытен: двойное седло, накладываемое поверх горба животного, удерживается двумя ремнями. Один затягивается вокруг шеи, другой — под хвостом. Поэтому груз не сползает назад, когда верблюд подымается по склону холма, и не скользит вперед, если начинается спуск. Так как нет никакой подпруги, удерживающей седло с боков, груз приходится уравнивать, дабы на каждый бок животного приходился одинаковый вес. Эта работа, в особенности когда имеешь дело с разнородной поклажей, требует известной сноровки. Мастерство погонщика определяется часто по тому, сколько раз он останавливает караван, чтобы поправить и подогнать седла.

Верблюдом управляют не так, как лошадыю. Один конец тонкой веревки привязывается к палочке, напоминающей гвоздь, которая продета сквозь специальное отверстие в его поздре, другой — к верблюду, идущему впереди. Если происходит несчастный случай или животное заартачится, то рвется веревка, а не ноздри животного. Когда верблюд используется для верховой езды, к носовой палочке привязывается пара тонких веревок. Они заменяют обычные вожжи. Верховые седла гораздо легче седел, применяемых для навьючивания. Они также кладутся на горб животного, однако, удерживаются с помощью подпруги. Седла состоят из двух частей. Одна часть — впереди горба, другая позади. На переднюю часть кладутся постельные принадлежности, меха с водой и другие вещи. Сам наездник сидит сзади, почти на хвосте верблюда. Его поза весьма живописна, и чувствует он себя довольно удобно.

Тот, кто едет на верблюде, беспрестанно ощущает короткие мягкие толчки. Их нельзя назвать неприятными, и если привыкнуть к такого рода передвижению, оно становится не более утомительным, чем поездка на лошади.

Если всадник хочет расстаться со своим «высоким положением» и сменить его на твердую почву, он произносит магическое слово «хушта». Без лишних церемоний животное падает на колени, при этом происходит толчок, грозящий всаднику полетом в пространство. В тот самый момент, когда это вот-вот должно произойти, животное опускается на бедра передних ног, а задними некоторое время ерзает взад-вперед, пока наконец не успокаивается. Если всадник садится на верблюда, происходит то же самое, но уже в обратном порядке.

Верблюды, даже когда на них грузят не слишком тяжелую поклажу, выполняют свои обязанности весьма неохотно, всегда выражая свой протест. Это безусловно одно из самых шумливых и вечно жалующихся на свою судьбу созданий. Редко случается, чтобы караван обошелся без верблюда, беспрестанно стонущего по поводу какой-то воображаемой беды. Моя верблюдица — старое вечно недовольное существо — начала орать еще до того, как я уселся на нее. Только я начал подтягивать подпругу, как раздался страшный крик, который вызвал бы жалость в сердце любого человека, не знающего, что такое верблюд...

Медленный шаг верблюдов — неуклонные три мили в час — раздражающий тех, кто спешит, в наших условиях

был явным преимуществом: при такой скорости сопровождавшие нас аборигены не отставали, а я, когда это было необходимо, мог идти рядом с ними, обсуждая различные случаи из их жизни или расспрашивая их о легендах, связанных с местами, которые мы проезжали.

Мне хотелось, чтобы вместе с нами путешествовали несколько семей аборигенов. Это дало бы нам возможность наблюдать за их повседневными занятиями и отношением друг к другу, а такие наблюдения сами по себе позволили бы глубже познать определенные стороны общественной жизни аборигенов. Недостатка в желающих сопровождать нас не было. В конце концов мы выбрали две семьи. Одна состояла из Тжалерины, главного исполнителя обряда Дикого Индюка, его жены Тжундину и их маленького сына Наниванью, другая — из Моании, чей «прострел» был искусно излечен медицинским человеком, его жены Нумиди и их прелестной дочки Нанджинины, девочки лет одиннадцати.

За несколько дней до отъезда произошел инцидент, чуть было не изменивший планы экспедиции. Как-то вечером мы пили чай у миссис Уорд. Вдруг на стоянке аборигенов раздались крики и вопли. Миссис Уорд, Лори и я кинулись туда. Вся стоянка аборигенов была объята смятением. Негодующие мужчины стояли, сжимая в руках дротики. Глаза их гневно сверкали в отблесках костров. Резко звучали женские голоса, плакали дети.

Неподалеку от того места, где расположились верблюды Тжундаги, мы увидели кольцо женщин, а в середине неподвижно лежавшую Нумиди — участницу экспедиции. Она была избита одним из самых тихих и вежливых аборигенов, и никто, по-видимому, не знал, за что. Мы попытались влить ей в рот лекарство, однако зубы женщины были крепко стиснуты, и я не сумел разжать их даже с помощью деревянной палочки. Тогда Моания, муж Нумиди, быстро сообразив, что нужно делать, одной рукой сжал ей верхнюю челюсть, другой подбородок, и рывком приоткрыл бедняжке рот. Этого было вполне достаточно, чтобы мы успели влить дозу успокаивающего.

Через некоторое время сказалось действие лекарства, и Нумиди пришла в себя. Гнев женщины вспыхнул с новой силой. Глаза Нумиди были мутны, она едва держалась на ногах, но тем не менее сразу же схватила пылающий факел и размахивая им, попыталась нанести удар неви-

димому врагу. Несколько минут она сопротивлялась женщинам, пытавшимся успокоить ее, но в конце концов притихла и опустилась у костра. Внезапно новая вспышка ярости охватила ее. Будучи не в состоянии подняться — ее окружало слишком много женщин, — Нумиди дала выход своим чувствам в неистовых истеричных воплях, прерываемых низкими стонущими звуками песни смерти. Напуганные мужчины, стоявшие поодаль, сказали мне, что эта песня может привести к смерти обидчика, если только Нумиди знает его имя. Нумиди судорожно била голыми ногами по пылающим углям костра. Охваченная безумием, она была так поглощена заклинаниями, что даже не чувствовала боли ожогов. Повернувшись к нам, она принялась кричать, чтобы мы уходили прочь и перестали вмешиваться в дела черных.

Мы понимали, что ее требование было по-своему справедливо, но мы знали и другое — если мы уйдем, оскорбительные крики Нумиди вновь вызовут драку среди аборигенов. Чтобы утихомирить Нумиди, мы дали ей сильную дозу бромида и потащили в наш лагерь. По дороге женщина продолжала хрипло выкрикивать все, что она думает о своем обидчике — о его происхождении, прежних преступлениях и каре, ждущей его.

Когда мы легли спать, все аборигены вернулись к своим жилищам. Костры погасли, и на стоянке, совсем недавно охваченной таким волнением, воцарилась тишина. К утру возбуждение Нумиди и тех, кто участвовал в ссоре, улеглось. Аборигены, по-видимому, не отличались злопамятством.

На следующий день мне рассказали всю историю. Вчера, когда мы готовили ужин, один из мальчиков, Инокения, попытался заглянуть в мою палатку. Его отец, считая поведение сына невежливым, строго-настрого запретил ему подходить к ней. Такое необычное запрещение разозлило мальчика, и он начал швыряться камнями в стариков, среди которых сидел и его отец. Однако никто не испугался. Наоборот, над мальчиком стали смеяться. Отец, полагая, что инцидент будет исчерпан, если он уведет сына, пошел к своему жилищу и велел мальчику следовать за собой. Но Инокения, все еще находившийся под влиянием обиды, нанесенной ему и еще больше озлобленный насмешками, не только не обратил внимание на слова

отца, но схватил десятифутовый охотничий дротик и с большим умением метнул его в своего родителя.

Все, кто были рядом — мужчины, женщины, дети, — решили, что подобное проявление темперамента — прекрасная шутка, и разразились громким смехом. Беспомощный мальчишка, не зная, на ком сорвать свой гнев, прекратил сопротивление, кинулся на песок и в громких воплях принялся изливать обиду. Вечером, когда все обсуждали подробности этого происшествия, Джабаба спросил отца мальчика, почему он позволяет сыну так себя вести в присутствии белых. Тильбукуна — отец — был обижен вопросом:

— Какое твое дело, Пукита (мужчина, у которого нет детей). — Мой сын не хуже других...

Задетый таким обращением, Джабаба ответил что-то резкое, и уже через секунду мужчины размахивали дротиками и выкрикивали угрозы. Тут вмешались окружающие, и ссора постепенно улеглась. Но вот одна женщина, хорошо известная склочница, принялась распевать песню, позорящую Тильбукуну. Тот стал ей угрожать. В ссору ввязался ее муж — брат Нумиди, — и началась драка. Нумиди кинулась, чтобы помочь брату, но в этот момент ее ударил старый спокойный абориген, пытавшийся остановить женщину. Удар попал то ли по подбородку, то ли по затылку, и следующее, что увидели аборигены, — это Нумиди, лежавшую на земле без чувств, и нас, белых, спешивших к месту происшествия.

Наутро мы пошли навестить пострадавшую. Она отведала немного сладостей, но больше никакого интереса к жизни не проявляла, что противоречило ее обычному поведению. Нумиди была самой общительной и веселой женщиной на стоянке аборигенов.

Вскоре началась обычная суэта, сопровождающая всякий отъезд. Нужно было срочно разобрать лагерь и подготовиться к погрузке. Основную поклажу — научное оборудование, фотоаппараты, медикаменты — требовалось отделить от менее важной и хорошенько уложить. В общем предстояло решить добрую сотню различных хозяйственных вопросов.

Удивительно много времени прошло, прежде чем караван, наконец, тронулся в путь. Как раз в тот момент, когда мы были готовы двинуться в путь, оказалось, что погонщику нужно еще пригнать поклажу, а Нибиане — попро-

щаться с одним из своих друзей. Потом куда-то запропастился один из членов нашей экспедиции. Наконец, уже после полудня мы выехали, сопровождаемые почти всеми аборигенами и стаями собак. После нескольких миль пути мне пришлось отослать аборигенов назад: в противном случае нам не хватило бы пищи и воды для путешествия.

В окончательном составе наша группа состояла из Тжундаги, Нибианы, маленькой девочки Китату, присматривавшей за верблюдами, Тжалерины — старого актера, его жены и сына, Моании и Нумиди, настоявшей на том, чтобы ее тоже взяли, несмотря на недавнее происшествие, их дочери, Лори и меня. К нам присоединился также Джикаба, старик из Эрнабеллы, направлявшийся в Линдавейл.

Жену я решил оставить под опекой цивилизации: нужно обладать либо большим опытом, либо молодостью, чтобы вынести напряжение длительного путешествия, которое нам предстояло совершить.

Итак, двенадцать человеческих существ и двенадцать верблюдов...

Как мы и ожидали, темпы движения были далеко не блестящи. Верблюды Тжундаги и верблюды миссии еще не привыкли друг к другу. Сосунки все время пытались скинуть груз, и несколько выюков без конца съезжали из стороны в сторону.

В эту ночь мы разбили лагерь на плоской равнине, заросшей малгой и окруженной неровными красновато-коричневыми холмами.

Сон долго не приходил. Возможно, я слишком много раздумывал над тем, что меня ожидает, а может быть просто замерз: поутру наши спальные мешки оказались покрытыми толстым слоем инея...

ГЛАВА 8

НА ПУТИ В ЛИНДАВЕЙЛ

Первая остановка нашей экспедиции должна была быть в Линдавейле, расположенном в семидесяти милях от Эрнабеллы, на самом краю цивилизации, если можно так выразиться. У нас была договоренность со Снежным Пирсом — владельцем скотоводческой станции, чтобы он отпустил с нами своего аборигена, уроженца гор Эйрс.

Некоторые утверждают, что аборигены в состоянии совершать путешествия, невозможные для белого человека, якобы потому, что природа лучше приспособила их для этого. Мне кажется, что эти теоретики ошибаются. Ямы под деревьями опровергают их утверждения. Аборигены, видимо, чисто эмпирическим путем установили, что количество времени, которое человек может прожить без воды, определяется степенью содержания влаги в его организме. И, чтобы воспрепятствовать ее потере, они путешествуют только по ночам, прячась в дневные часы в свои убежища. Так аборигены нашли простой, но мудрый способ, помогающий им выходить победителями из схватки с природой. По-видимому, способность аборигенов совершать утомительные путешествия объясняется вовсе не тем, что они приспособлены лучше, чем европейцы, а скорее тем, что они проявляют несколько больше смекалки, сталкиваясь с трудными положениями. Как много белых осталось бы в живых, если бы они воспользовались таким простым средством!

Наш караван двигался гораздо медленней, чем мы предполагали. Долгие сборы после каждой стоянки, возня с молодыми верблюдами, хлопоты с упряжью — все это привело к тому, что до Линдавейла мы тащились пять дней. Нас ожидало разочарование: здесь не было ни самого владельца станции Снежного Пирса, ни вообще признаков того, что кто-либо был в Линдавейле за последние дни.

Однако у водоема Мараджары, приблизительно в миле от станции, мы обнаружили следы лошади, по которым можно было заключить, что ее хозяин был здесь всего лишь несколькими часами раньше. Прежде чем разбить лагерь в этот вечер, я попросил старого Тжалерину пойти по следам и, если они приведут к стоянке белого человека, сказать ему, что мы уже прибыли.

Тжалерину вернулся лишь на рассвете следующего дня. Он рассказал, что самого Снежного Пирса вообще нет, а его помощник Чарли Лестер пасет овец в пяти милях к северу и приглашает нас с Лори к себе.

Когда мы подъехали, Чарли готовил обед: в походной печке жарилась дикая индейка, которую хозяин предложил нашему вниманию с гостеприимством настоящего жителя Центральной Австралии.

Пока мы ели, Чарли рассказывал о своей любимой

дочери Милли, в жилах которой текла кровь аборигенов. Сама Милли в то время находилась в Мельбурне в церковном пансионе.

— Она у меня прелестная девушка,— сказал Чарли, щелкнув пальцами.— Она пишет мне каждую неделю, хочет, чтобы я бросил пить и курить, потому что это вредит здоровью... С выпивкой я покончил, а с курением никак не получается... Я забросил старую трубку и чувствую себя прекрасно, пока я один. Но как только появляется Снежный Пирс со своей кочегаркой, все идет прахом. И все-таки я стараюсь, мне очень хочется угодить Милли...

С любовью и гордостью он показал нам письма дочери. Они имели потрепанный вид, по которому можно было заключить, что их перечитывали несчетное количество раз. Выцветшие глаза Чарли горели, а пальцы дрожали, когда он вытаскивал эти драгоценные письма. Типичный коренной житель этой глуши, неопрятный и грубый, Лестер совершенно не заботился о своей внешности. Он был даже немного смешон и частенько вызывал улыбку соседей. Лестера можно было бы отнести к разряду неудачников, если бы не яркая звезда, которая вела его к благородной цели. То, что он зарабатывал и откладывал, шло на образование и воспитание дочери. Это было все, что он имел. И глядя на истертую фотографию его хорошенькой дочери, я подумал, что идеал Лестера стоит его жертв...

Мы возвратились в лагерь вместе с Чарли, наполнили бидоны водой и совсем уже были готовы тронуться в путь, как вдруг на холме появилась фигура Снежного Пирса.

— Черт побери, старина! — закричал он еще издали.— А я уж боялся, что не увижу тебя! Аборигены заметили ваши костры еще вчера (мы жгли спинифекс, чтобы известить о нашем приезде). Но я никак не мог выбраться пораньше...

— Как! — вскричал он, увидав, что наш караван уже навьючен.— Ну нет! В полдень вам выехать не удастся! Господи, сколько недель я не видел ни одной живой души, кроме Чарли да аборигенов!

— Забирайтесь на своих верблюдов,— почти умоляюще добавил он,— пусть караван идет ко мне. Я не могу допустить, чтобы мы так расстались...

теперь представлявшей только отдельные возвышения. Перед лицом величественной природы я чувствовал себя карликом. Однако теперь, мысленно возвращаясь к этим местам, я прежде всего вспоминаю не скалы, похожие на башни, и не гигантские валуны, а нежную окраску склонов, усеянных миллионами камней — коричневых, желтых, кремово-белых и покрытых серыми растениями пустынь и пучками золотисто-желтой травы.

Один из уголков этой удивительной местности своей красотой напоминал древнюю китайскую гравюру. Огромная медового цвета скала, вся залитая лучами утреннего солнца, нависала над долиной. На скале росло большое пробковое дерево, самое красивое, которое я когда-либо видел. Его корни скрывались в желтом спинифексе и красных камнях, а ветви четко вырисовывались в лазурно-голубом небе. Скала, небо, темный ствол дерева, причудливый узор изогнутых ветвей и серая листва придавали пейзажу такое изящество, которое мог изобразить лишь художник Востока...

Я возвратился в лагерь под впечатлением красоты, созданной искусной рукой природы, и завел разговор с аборигенами, желая услышать историю этих живописных мест. Не скажу, что я удивился, в конце концов в легендах случаются самые необыкновенные вещи. Но казалось абсурдным, что эта чудесная гора, как выяснилось, связана в повериях аборигенов с самыми страшными мифическими созданиями — Нинуа, или Ледяными Людьми.

Своей внешностью эти древние существа отличались от аборигенов разве только тем, что их тела были вечно покрыты инеем, а бороды и брови представляют собой массу колючих звонких сосуллек.

Гора Коннор являлась обиталищем Ледяных Людей еще во времена Тжукурита (во «времена создания»). Но сейчас они живут под двумя солеными озерами, приблизительно в пятнадцати милях к северу. Вход в их теперешние жилища, находящиеся на низком острове, заросшем чахлой малгой, ведет в огромные подземные пещеры. В пещеры с обледенелыми стенами часто врываються северные ветры. Страшное место. Его можно сравнить, пожалуй, лишь с ужасным Нифельхаймом древней нордической расы.

Люди Нинуа проводят в этих пещерах лишь летние месяцы. С наступлением зимы они покидают по ночам

свои жилища и совершают длинные переходы по горным хребтам и песчаным холмам. Пронизывающие ветры, следующие за ними, являются причиной ночных холодов. Лед и иней, падающие с холодных тел Нинуа, замораживают водоемы. Об острые льдинки аборигены больно ранят по утрам свои ноги...

Несмотря на то что только медицинские люди обладают способностью распознавать Нинуа, аборигены, увидев поутру мираж, догадываются, что Ледяные Люди где-то поблизости... В морозное утро слой спокойного холодного воздуха, лежащего близко к земле, образует отражающую поверхность, благодаря которой высоко в воздухе можно увидеть холмы, деревья, перевернутые и оторванные от земли, и т. д. Когда возникает утренний мираж, аборигены собираются вокруг костров и начинают петь песню, имеющую свойство, во-первых, возвращать деревья на свои места, а во-вторых, — прогонять людей Нинуа в их подземные жилища.

Если это удастся сделать, то, как утверждают аборигены, день быстро становится теплым.

Однако отвратительные Ледяные Люди (Ледяных Женщин не существует) приносят и пользу. Когда над страной проносятся горячие летние ветры, убивая животных и птиц и делая невыносимой жизнь аборигенов, женщины и девушки собираются близ впадины Аннери и совершают обряд, призывающий Нинуа покинуть свои жилища. И когда те появляются, температура воздуха падает и сразу начинает дуть прохладный легкий ветерок...

Легенды о Ледяных Людях принадлежат к числу наиболее известных. Но существуют и другие предания, связанные с горой Коннор, например, легенда о маленькой ящерице Татии, создавшей несколько холмов во время поисков бумеранга, интересная и колоритная легенда о Вонамби (огромной мифической змее), которая все еще живет в глубоких подземных пещерах под источником на склоне горы. Аборигены очень боятся Вонамби и никогда не подойдут напиться к источнику, пока не разожгут вблизи него яркий костер из спинифекса. Костер должен отогнать Вонамби в его подземное логово.

Аборигены сказали, что мы миновали уже много священных мест, уроженцем которых был Тижикаба, наш спутник из Эрнабеллы.

Так как мы слишком мало знали о легендах, связанных с горой Коннор, я во что бы то ни стало хотел получить Тжикабу в нашу партию. На обратном пути мы смогли бы побывать здесь и подробно ознакомиться с преданиями этих мест. Однако Тжикаба с удовольствием путешествовал с нами лишь до горы Коннор. Следовать дальше он отказался наотрез, несмотря на то что я предложил щедро снабдить его за это мукой, сахаром и табаком. Свой отказ абориген объяснял тем, что собирается отправиться ловить щенков динго — за каждую шкуру давали мешок муки в пятьдесят фунтов.

— Послушай,— уговаривал я его,— если ты пойдешь со мной, я дам тебе гораздо больше муки, чем ты сумеешь получить, охотясь на щенков динго в песчаных холмах. А кроме того, и работа будет полегче...

— Нет, ты не сможешь дать больше,— возразил абориген,— я поймаю так много щенков, что все твои верблюды не поднимут муку, которую я получу за их шкуры.

Он начал чертить линии на песке, каждая из которых означала одного щенка. Закончив один ряд, он начал следующий. Прибавив ко второму ряду еще несколько линий, Тжикаба взглянул на меня и спросил:

— Хватит ли у тебя муки, чтобы заплатить за такую кучу шкурок?

Я признался, что моих ресурсов действительно не хватит. Но мне было ясно, что его отказ объясняется не тем, что он недоволен платой, а чем-то другим.

— Почему ты не хочешь идти со мной к Улуру (гора Эйрс)? — спросил я напрямик.

— Я боюсь,— объяснил он,— маму на горе Эйрс убивает всех незнакомых. А ты знаешь, что это не моя страна.

— Но, Тжикаба, тебе же известно, что я не позволю маму обидеть тебя. Я «большой правительственный человек», и это напугает его...

Тжикаба ответил, что я возможно и очень большой белый человек, но все-таки не смогу помешать маму напасть на черных по очень простой причине — я их не увижу. Это было довольно логично: ведь только медицинские люди обладают такой способностью.

Тогда я попытался договориться с ним иначе. Согласится ли он ждать меня у впадины Аннери, чтобы показать мне его иима (священные места) на обратном пути,

когда мы будем возвращаться в Эрнабеллу? На это он согласился с готовностью и обещал встретить меня у впадины на восходе солнца, когда луна достигнет зенита. Он обещал также разжечь костры, когда мы будем двигаться от горы Эйрс.

— Три монолита — гора Эйрс, гора Коннор и гора Ольги — самые величественные горы во всей Центральной Австралии, да, пожалуй, и на всем континенте. Они вытянулись почти одной линией с востока на запад, но так отличаются друг от друга своим внешним видом и строением, что их происхождение составляет одну из геологических загадок этой обширной равнины.

Гора Коннор представляет собой огромную массу кварцита и имеет плоскую вершину. Она простирается в длину на две мили. Ширина ее составляет три четверти мили, а высота — примерно восемьсот футов.

Гора, крутая и наклонная, окружена нагромождениями отвесных скал, достигающих в некоторых местах высоты в триста футов.

Хотя из-за такого окружения забраться на гору Коннор очень трудно, мы все же сумели вскарабкаться на нее по выступам юго-западного склона. Вершина горы представляет собой неровную каменистую площадку. На ней мы обнаружили пробковые деревья, эвкалипт и кусты спинифекса. С вершины взору открывались уходящие вдаль просторы. К югу на фоне неба выделялись пурпурные горы Масгрейва. Они резко отличались от однообразных долин, заросших малгой, которые лежали к востоку и скрывались за туманным горизонтом. К северу виднелись соленые озера, скрывавшие в своих недрах людей Нинуа. Их поверхность сверкала на солнце, как полированная сталь. К западу на расстоянии шестидесяти миль от нас прямо из песчаной пустыни выросла загадочный массив горы Эйрс, а в двадцати милях за ним — гора Ольги. Горы Эйрс и Ольги располагаются почти на одной линии. С того места, где я стоял, было совсем невозможно отличить их одну от другой.

Мы возвращались в лагерь другим путем, и нам поэтому пришлось спускаться по крутому склону. Мои привыкшие к тротуарам ноги уже устали и в крутых обрывистых местах все время грозили подвести меня. Хотя я старался не показывать своей усталости, Матинья все же заметил мое состояние и, не говоря ни слова, начал мне

помогать. Он все время держался в нескольких шагах от меня, откидывая камни, таящие опасность, ломая мешавший спускаться кустарник и знаками указывая, куда лучше ступить.

Был такой момент, когда покотившиеся вниз камни лишили меня равновесия, и я свалился прямо в середину колючего куста спинифекса. Я ожидал, что Матинья начнет смеяться над нелепым видом белого, запутавшегося в спинифексе, но он тактично отвернулся, сделав вид, что ничего не заметил, и стоял так, дожидаясь, когда я выпутаюсь из куста и смогу продолжать спуск...

Перед заходом солнца мы с Тжундагой направились к впадине Аннери, чтобы в последний раз напоить верблюдов перед путешествием к горе Эйрс. После расчистки впадина стала слишком глубокой, что было не безопасно для верблюдов. Поэтому, найдя небольшую яму, мы устлали ее брезентом и наполнили водой.

Молодые верблюды пили шумно, беспрестанно плескаясь, — как пьют все молодые животные. Старые тянули воду с достоинством, присущим только верблюдам. А Диними, самая дряхлая верблюдица в караване, едва несшая свое собственное седло, степенно уселась в эту лужу...

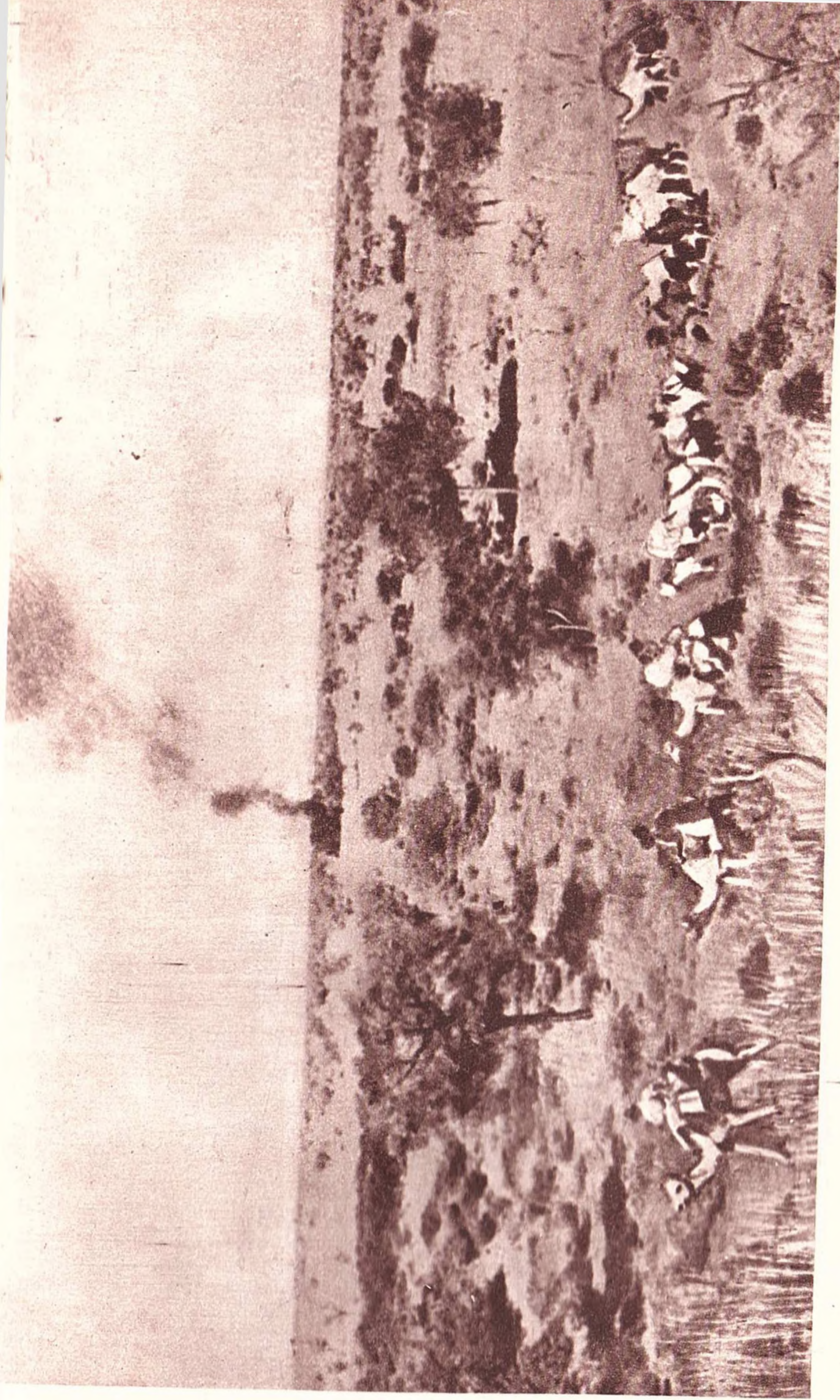
Все возвратились в лагерь, а я остался на склоне песчаной дюны, любуясь серыми тенями, наползавшими на красный склон горы, и нежными тонами сумеречного ореола, встававшего за ней...

ГЛАВА 10

К ГОРЕ ЭЙРС

Несмотря на то что Моании и Матинье было приказано поднять верблюдов при первом свете зари, и все было заранее подготовлено, прошло добрых два часа после восхода солнца, прежде чем мы тронулись в путь. По-видимому, заставить верблюдов выйти раньше совершенно невозможно.

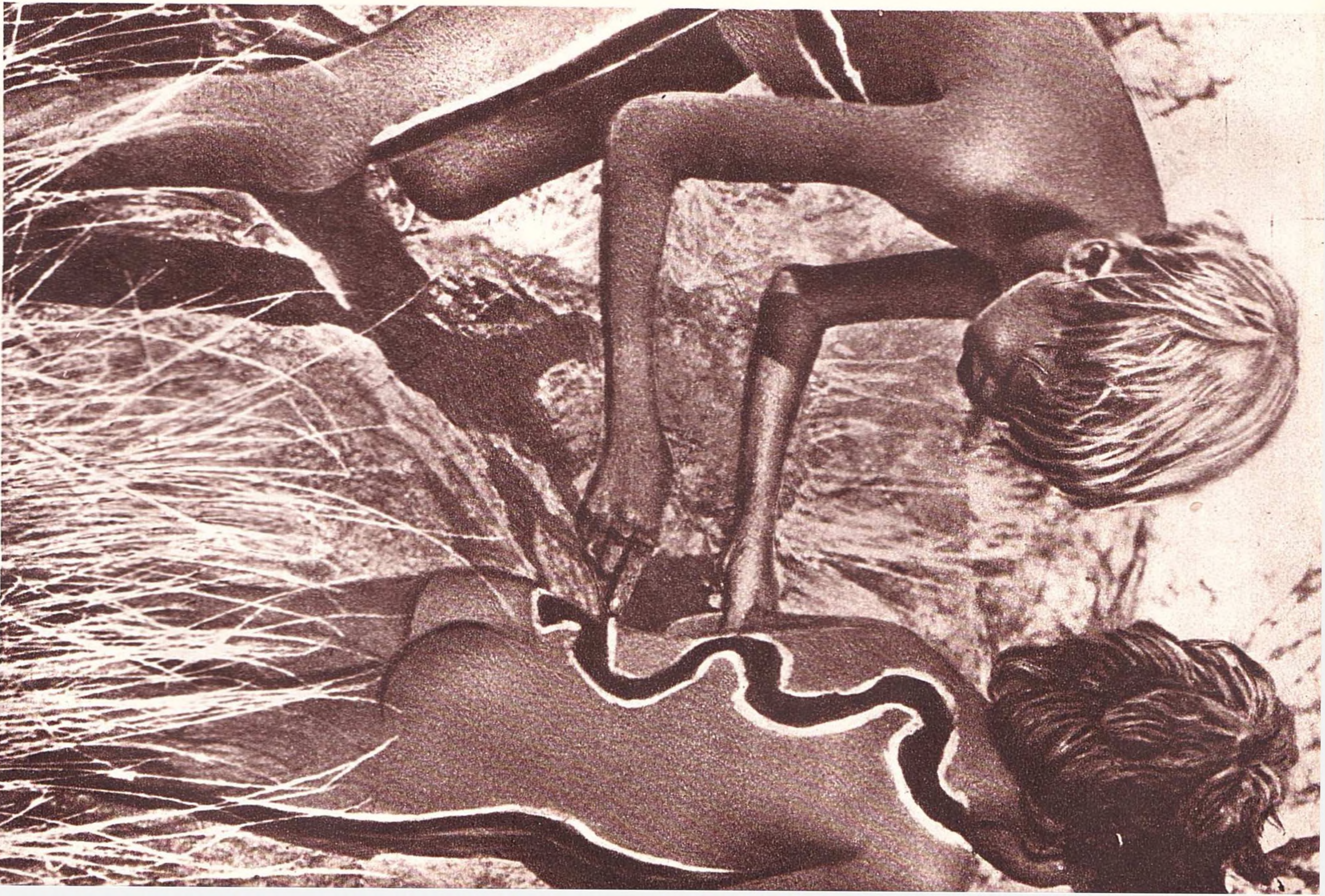
Оба погонщика — и Тжундага и Набиана — были крайне беззаботны. Они не торопясь брели по жизни, поэтому им было все равно, когда трогаться — сегодня или завтра, часом раньше или часом позже...

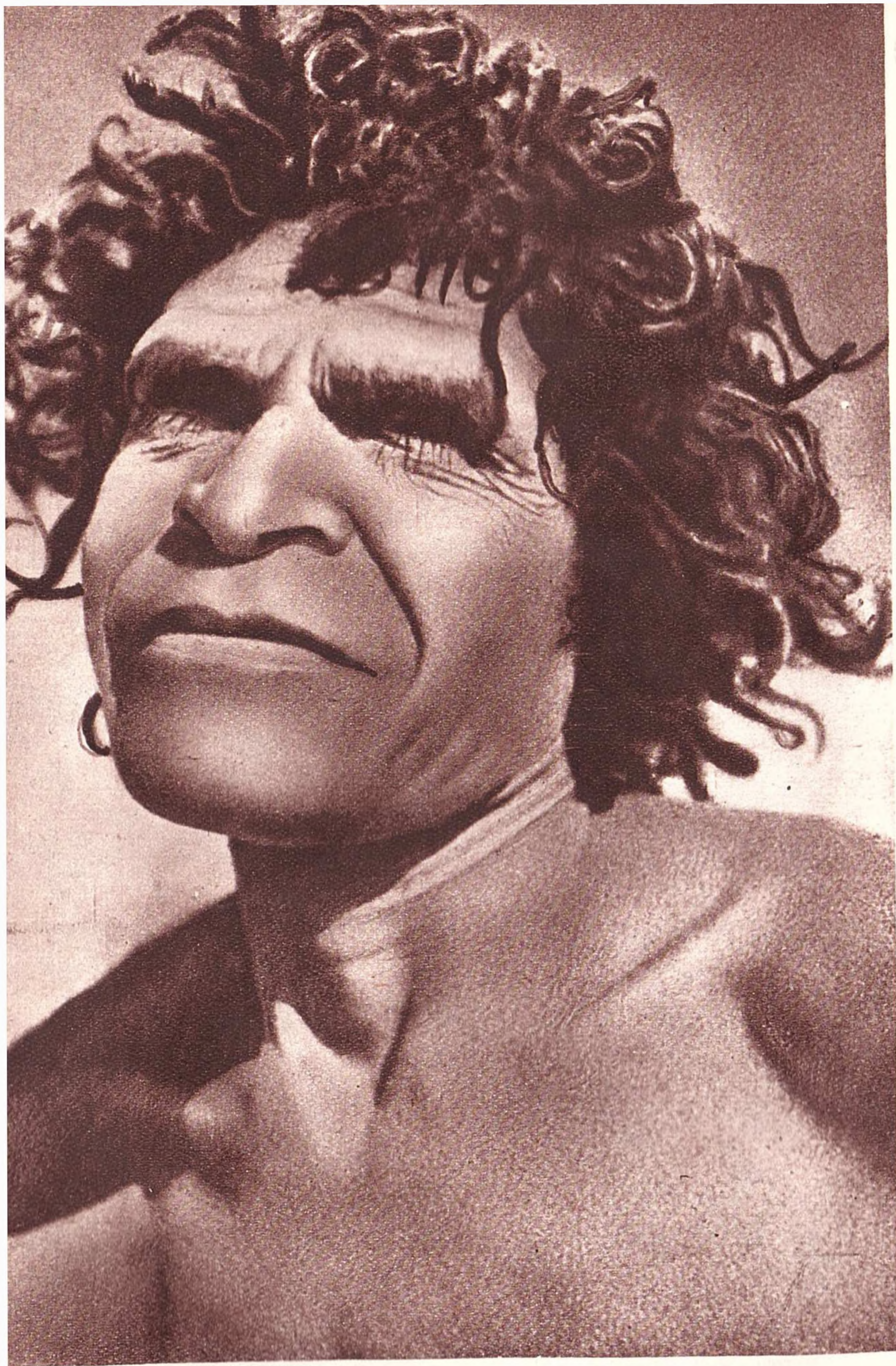
Пастбищная местность на пути от горы Каннор к горе Эйрс

Ямы на песчаных склонах горы, вырытые, по преданию, ящерицей Татией, искавшей свой бумеранг

Мальчики, разрисовывающие друг друга перед началом обряда Горного духа

Нумиди — самая общительная и веселая женщина на стоянке аборигенов

Но мы их не торопили. Мы даже не приближались к каравану, за исключением тех случаев, когда требовалось присмотреть за собственными верблюдами. Проявив малейший признак нетерпения, мы смутили бы всех, но отъезда не ускорили...

Когда мы проезжали по глиняной пролысине неподалеку от впадины Аннери, я не мог не заметить, насколько изменился вид горы Коннор. Вчера вечером она была розоватой, а теперь — темной, непривлекательной, скрытой в густой пурпурной тени. Гора вставала над равниной, напоминая древний, окруженный стеной замок на гребне скалистого холма. Пыль, поднимаемая верблюдами, растворялась в серой утренней дымке, еще более усиливая эту иллюзию...

Это было удивительное зрелище. На переднем плане — двенадцать верблюдов, расплывчатые тени которых скользили по долине. Верблюдов вели аборигены, потом шли женщины с деревянными сосудами, мерно раскачивавшимися на их головах. В руках они несли дымившиеся факелы. А позади всей группы, завершая картину, высилась пурпурная зубчатая гора...

Покинув впадину Аннери, мы снова очутились среди густых зарослей *Duboisia horwoodii*. Это растение доставило нам немало тревожных минут во время стоянки у горы Коннор; оно очень ядовито, и если верблюд возьмет его в рот, он погиб. Однако верблюды Тжундаги, прожившие в течение некоторого времени в стране ядовитых зарослей, по-видимому, догадывались, чем оно им грозит, и обходили его стороной. И все-таки я опасался за верблюдов, пока благополучно не прошло несколько дней. Некоторые из погонщиков утверждают, что от этого яда не существует никакого противоядия. Другие считают, что кристаллы Конди, разведенные в воде, могут спасти животное. К счастью, нам не пришлось убеждаться, какое из этих мнений правильно. Любопытно, что хотя *Duboisia horwoodii* содержит один из наиболее ядовитых алколоидов, аборигены восточной части Австралии жуют листья этого растения, предварительно смешав их с древесной золой, и даже предпочитают такую жвачку местным табакам. Аборигены пустынных районов Центральной Австралии, напротив, предпочитают жевать табак и используют *Duboisia horwoodii* только для охоты на эму.

Путешествие к горе Эйрс от горы Коннор на протяжении 60 миль пролегалo среди пустынных дюн, где не было никаких дорог. Дюны, достигающие трети мили в ширину и от двадцати до пятидесяти футов в высоту, пересекают здесь местность параллельными рядами, тянувшимися иногда на сотни миль. Так как наш путь лежал точно на запад, а песчаные холмы шли приблизительно с северо-востока на юго-запад, нам приходилось пересекать большинство из них. Провести караван верблюдов через такие песчаные холмы и при этом не порвать ноздри животных — задача, требующая и умения и терпения. И вправду, количество миль, которое мы покрывали за день, почти целиком зависело от искусства погонщиков. При излишней спешке рвалась упряжь, что отнимало время на ее замену и на поимку оторвавшегося верблюда. Никогда еще пословица «тише едешь — дальше будешь» не была более уместна, чем во время нашего путешествия через песчаные пустыни Центральной Австралии.

Хотя в целом караван придерживался довольно точного графика, на каждом шагу происходили задержки. Тжундага и Нибиана были аборигенами по духу и крови — их охотничьи инстинкты были чрезвычайно сильны. Стоило им завидеть свежий след кенгуру или дикой индейки, нору гоанны или гнездо медового муравья, как караван останавливался. Нибиана, восседая на верблюде, начинала руководить изучением следов или раскопкой гнезда. Но у нас было очень мало времени, и я, к сожалению, не мог допускать такие остановки, иначе наше путешествие превратилось бы в охоту. Поэтому я пускался на хитрость: как только караван останавливался, я подходил к Нибиане и невинно спрашивал:

— А что случилось?

— Ничего, — отвечала Нибиана, отводя виноватый взгляд и вновь понукая верблюда. — Только моя живот немного проголодалась и хочет пищи черных людей...

Мы с Лори ничем не могли этому помочь. Было понятно ее желание отведать привычных лакомств. Лагерная пища, особенно когда ее приходится готовить в конце утомительного дня, становится слишком однообразной.

Так как между горой Коннор и горой Эйрс дороги отсутствовали, а Тжундага был в этих краях впервые,

я еще на вершине горы Коннор решил засечь направление по компасу. Но поразмыслив, я всецело доверил выбор пути погонщику. Мне хотелось узнать, насколько точным чувством направления обладает Тжундага и каким образом он определит путь к горе Эйрс. У него ведь не было никаких приборов. Условия для такого экзамена были блестящие: как только мы вступили в край песчаных холмов, гора Коннор скрылась из вида, и ее вершину можно было увидеть лишь с гребней самых высоких дюн, а гора Эйрс в течение первых двух дней пути оставалась совершенно невидимой. Тжундага прекрасно запомнил направление. Не прошло еще и нескольких часов, как я убедился, насколько прост и в то же время правилен его способ придерживаться строгого курса. Тжундага по пути поджигал кусты спинифекса. Когда он поднимался на вершину песчаной дюны, откуда можно было увидеть гору Коннор, цепочка дымков указывала ему направление, по которому прошел караван. Способ Тжундаги и его чувство направления были настолько верны, что когда к вечеру следующего дня я забрался на вершину ближайшего песчаного холма, гора Эйрс, этот холм и гора Коннор оказались на одной прямой линии...

На следующее утро, пока навьючивали верблюдов, я поднялся на холм, чтобы еще раз взглянуть на гору Эйрс. Я уже был там несколько лет назад, правда, очень недолго. Вот какая запись осталась в моем дневнике:

«В полдень мы тронулись в обратный путь. Караван возвращал нас к скучной цивилизации и однообразию. Я уезжал с большой неохотой: гора очаровала меня. Она звала бродить у своего подножия, осматривать ее могучие стены, исследовать бесчисленные пещеры, слушать удивительные легенды аборигенов...»

Гора Эйрс принадлежит к чудесам Австралии, если не всего мира. Это огромный гранитный монолит, вздымающийся на высоту тысяча футов так круто, что человек, стоящий у его подножия, может не сгибаясь упереться руками в отвесную глыбу. Госс, открывший в 1873 г. гору Эйрс, писал: «Без сомнения, гора Эйрс является самым изумительным явлением природы, из виденных мной...».

Другие исследователи также не раз рассказывали о впечатлениях, которые произвела на них гора своей кра-

Несчастный абориген, безоружный и уже дважды раненый, попытался укрыться под скалой в расщелине, едва превосходившей размерами его собственное тело. И здесь пуля полицейского добила его. Позже этот блюститель законов утверждал, что его жизнь была в опасности...

Я часто удивлялся, почему абориген, отлично знавший местность и все тропы, прекрасно умевший скрывать следы, оставил отпечатки своих ног в таком месте, где их нельзя было не заметить, и почему при обилии пещер и расщелин на склонах горы Эйрс он взобрался вначале на вершину валуна, где его фигура была хорошо заметна издали. Я так и не смог решить эту загадку, пока не повстречался на горе Коннор со старым Кинкибой, одним из родственников убитого.

Я расспрашивал аборигенов о легендах горы Эйрс. Разговор вызвал целый поток воспоминаний, среди которых была история гибели молодого аборигена.

Старик рассказал, что проводник, которого полицейский снабдил оружием, обнаружил скрывавшихся аборигенов и открыл по ним огонь. В это время беглецы ели дикие персики. Одна из пуль попала в грудь молодому аборигену, но с помощью друзей он все-таки сумел добраться до горы Эйрс.

— Йокунуна был уже совсем плохой, — объяснил старый Кинкиба. — Его знала, если его будет убежать, полицейский ловит его и убивает...

— Йокунуна сказал другим черным людям, — продолжал старик, — «Мой конец близкий, а вы люди прячьтесь в бульбе (пещере), и когда полицейский меня убьет, вы бегите далеко-далеко к Катаджуту (гора Ольги)»...

Случилось так, как предполагал раненый абориген. Обнаружив свое присутствие следами на песке, он затем показался на вершине валуна. Преследователи добились раненого, забравшегося в узкую трещину скалы. На этом полицейский счел свою миссию законченной. Преследователи наспех закопали тело, не догадываясь, какого героя они украли у жизни...

Кинкиба говорил о смерти молодого человека, как о самом обычном случае. По-видимому, он не считал это чем-то из ряда вон выходящим. Старик лишь отметил, что «Йокунуна был хороший смирный парень»...

ГОРА ЭЙРС И ЕЕ ЛЕГЕНДЫ

Следующая неделя была посвящена изучению горы Эйрс. Мы старались узнать от аборигенов все, что касалось пещерных рисунков и легенд, связанных с горой.

Прежде всего мы решили обойти вокруг горы, чтобы получить хотя бы общее представление о ней. Но когда я попытался по памяти составить примерную карту местности, оказалось, что припомнить все многочисленные расщелины и выступы у подножия горы совершенно невозможно. Я позвал Лори, потом Тжундагу, чтобы они помогли мне в этом трудном деле. Каждый из них начал весьма уверенно, но скоро оба замолчали, запутавшись, так же как и я. Неудача еще раз убедила нас в том, что необходимо предпринять тщательное изучение местности. Только тогда можно будет вычертить план и обозначить на нем все легендарные места. Мы с Лори провели за этим занятием длинный утомительный день, вычисляя углы с помощью буссоли — нашего единственного измерительного прибора — и отсчитывая шагами промежуточные расстояния. Таким образом, мы сумели получить достаточно точные данные для составления карты.

Не удивительно, что наша первая попытка составить карту окончилась неудачей. Все приходилось вычерчивать в крупном масштабе, а расстояния мы часто определяли неверно. Мы думали, например, что глубина ущелья, в котором расположен водоем Мутигулуна, составляет около 150 ярдов. После проведенного обследования оказалось, что она превышает 300 ярдов.

В конце концов на нашей карте появились грубо приближенные очертания горы, достигавшей в поперечнике двух миль. Путешественники обычно подходят к горе с севера. Отсюда она открывается им своим северным удлиненным и прямым склоном, наводящим на мысль, что гора узка и по форме напоминает овал. Но это ошибка, причем ошибка вполне понятная — только опытный картограф может, окинув взглядом гору, составить правильное представление о ее очертаниях, не прибегая к подробному осмотру и аэрофотосъемке.

В мире не найти ничего подобного горе Эйрс. Можно сравнивать гору Коннор со средневековым городом,

обнесенным стенами, гору Ольги с разрушенным замком или дворцом времен фараонов. Но гора Эйрс, по-моему, несравнима ни с чем.

Это огромный монолит с такими крутыми и гладкими склонами, что ни трава, ни деревья не могут найти себе здесь опоры. Лишь случайные фиговые деревья с длинными вьющимися корнями еще как-то ухитряются зацепиться за поверхность. Неповторимость вида горы Эйрс объясняется еще тем, что вся она терракото-красного цвета.

Я жил совсем рядом с горой — мы расположились менее чем в тридцати ярдах от ее склона. Это место восхищало меня больше, чем любой другой уголок природы, который мне когда-либо доводилось видеть.

ГЛАВА 12

МЫ ПОДНИМАЕМСЯ НА ГОРУ

Водоем Улуру, расположенный на вершине горы в том самом месте, где некогда Ковровые Змеи устроились на ночлег, играет важную роль в легендах аборигенов.

Восточные, западные и южные аборигены не раз рассказывали мне о гигантском многоцветном Вонамби (мифической змее), который скрывается в этом водоеме.

Много лет я мечтал посетить Улуру, хотя и знал, что подъем к крутой седловине в юго-западной части горы займет немало времени и что он сопряжен с большой опасностью. Но когда я взглянул на голый, совершенно лишенный травы и деревьев склон, уходящий к небесам, моя решительность испарилась. Я даже убедил себя в том, что труд и риск, связанные с восхождением, не стоят тайн, скрывающихся в Улуру.

Однако после того, как вместе с Моанией, Матиньей и Тжундагой я добрался до места, где когда-то проводили лето Сумчатые Кроты, мне стало ясно: треть пути и некоторые из самых трудных подъемов уже позади. Поэтому я решил завершить восхождение. Я сказал об этом аборигенам и послал Тжундагу вниз к Лори, чтобы там не беспокоились из-за моего долгого отсутствия.

Когда мы начали подъем, аборигены, вместо того чтобы возвратиться по нашим следам к тому месту, откуда,

на мой взгляд, было легче всего добраться к вершине, полезли прямо по склону седловины. Но вскоре они поняли свою ошибку: через несколько ярдов подъем стал настолько крутым, что нам пришлось распластаться на скале. Цепляясь руками и ногами за выступы, мы продвигались вверх страшно медленно — ярд подъема, затем короткий отдых, еще несколько ярдов, снова отдых, и так до тех пор, пока опасный участок не был пройден. Спутники очень беспокоились обо мне. Они предупреждали о каждом ненадежном камне, показывали, куда лучше упереться.

Наконец, мы достигли гребня седловины. Здесь мы почувствовали себя спокойнее. После короткой передышки двинулись дальше, и опять каждый шаг мог оказаться роковым.

На вершине горы кто-то из первых путешественников, побывавших здесь, сложил небольшую пирамидку из камней и положил в середину бутылку. В ней хранился листок бумаги с именами тех, кто поднимался на гору Эйрс и, боюсь многих, кому это не удалось...

Госс, обследовавший гору, побывал на ее вершине еще в 1873 г. Однако его имя стоит на листке не первым: первой в списке значится фамилия Маккинсона, который отмечает, что захватил с собой спичечную коробку, оставленную на вершине неким Алланом Бридоном со станции Хенбури, совершавшим восхождение еще за много лет до него. Список содержал имена некоторых участников экспедиции Маккея, всех членов партии Фоя, которые искали, но не ожидали найти именно здесь легендарный риф Лассетера. Я дополнил своим именем этот достойный список...

Забравшись на пирамидку, я посмотрел вниз и попытался разглядеть наш лагерь. Сначала я не мог рассмотреть палаток, когда же отыскал их, они показались мне такими маленькими... Палатки напоминали теперь небольшие кусочки кварца, разбросанные среди спинифекса.

Вершина горы поразила меня. Я ожидал увидеть деревья, траву, кусты. Но на ней не росло ничего, кроме нескольких жалких кустиков, пары пучков спинифекса да скривившегося от ветров пробкового дерева. Она вся изборождена глубокими расщелинами, протянувшимися с юго-востока на северо-запад. Как объяснил Матинья,

эти расщелины — следы Ковровых Змей, пробиравшихся от Пукабуги к Улуру во «времена создания». В действительности, они образовались в результате различной степени выветривания вертикальных горных пластов.

Чтобы добраться до северного края вершины, где находится водоем Улуру, нам нужно было пересечь эти расщелины под прямым углом. Многие из них имели от 10 до 20 футов в глубину и отличались настолько отвесными склонами, что часто было трудно найти подходящее место, чтобы перебраться через них. К моему удивлению, в своих ботинках на каучуковых подошвах я мог сравнительно легко взбираться по склонам, которые были совершенно недоступны для аборигенов — их затверделые ступни ног скользили по гладким камням.

До водоема мы не добрались. Хотя Матинья никогда раньше не поднимался на вершину горы Эйрс, он был совершенно уверен, что сумеет разыскать водоем Улуру, о котором ему много рассказывали старики. Но увидев сотни, если не тысячи круглых впадин, образовавшихся в расщелинах под влиянием воды и ветра, Матинья растерялся. Он долго разыскивал среди них водоем, но так и не найдя его, признал свое бессилие.

Мы спустились с горы в середине дня. После обеда было решено отправиться в одну из любопытных цилиндрических пещер, связанных с легендой об обрядах посвящения у Сумчатых Крыс. Во время предыдущей экспедиции я заметил в этой пещере несколько рисунков. На стене, на высоте примерно в половину человеческого роста, виднелась темно-коричневая полоса засохшей крови. Здесь во время тайных ритуалов аборигены вскрывали себе вены. А поверх полосы стену покрывали примитивные рисунки людей племени Питджендаджара.

Рисунки этого племени, хранилищем которых являются пещеры горы Эйрс, несомненно принадлежат к числу самых примитивных образцов искусства людей, живущих на земле. Но несмотря на свой первобытный характер, искусство аборигенов ни в коей мере не является мертвым, находящимся в плену древних традиций и ничего не заимствующим из внешнего мира. Некоторые фрески не совсем понятны, но наряду с ними можно видеть рисунки на современные темы, например, белых людей, стреляющих в быков, человека, сидящего в седле. Между прочим, художник, желая изобразить

лошадь, которую однажды видел, но не зная, как правильно ее нарисовать, нашел следующий выход: он изобразил кенгуру, упирающегося задними ногами в землю, и человека, сидящего на нем. Рассматривая эту «лошадь», можно легко обнаружить длинные уши, длинный суживающийся к концу хвост и короткие передние ноги сумчатого...

Совершенно очевидно, что немногие рисунки, если вообще такие были в этой пещере или у источника Мутигулуна, насчитывали сколько-нибудь солидный возраст. Дождь и другие силы природы стерли бы их.

Серия фотографий, сделанных с интервалом в пять лет, показывает, что многие из рисунков, которые еще можно было различить в 1930 г., в последующие годы стали неясными, а некоторые уже совершенно выцвели...

Несколькими днями раньше, срисовывая рисунки в другой пещере, мы попросили Моанию и Матинью что-нибудь изобразить на стене. Нам хотелось, чтобы они показали, как это делается. Но аборигены отказались, ссылаясь на то, что потребуется слишком много красной охры. Я не стал настаивать зная, что красная охра, пожалуй, наиболее ценная вещь в обиходе аборигенов. Когда мы были на горе Коннор, Моания отдал одному аборигену дротик в обмен на кусок красной охры размером приблизительно с кулак. А ведь на изготовление такого дротика нужно потратить целых два дня.

Красная охра — наиболее распространенное у аборигенов средство косметики. И мужчины и женщины с удовольствием натирают охрой свои тела, потому что она не только очищает кожу от пыли, но и придает ей привлекательную бронзовую окраску, которая так нравится всем аборигенам.

К счастью, на сей раз у меня с собой было немного красной охры (я выменял ее у Нибианы на красный платок), и мы смогли, наконец, познакомиться с техникой пещерной живописи. Она оказалась необычайно простой. Моания растер на двух плоских камнях охру и белую глину, добавил к ним воды и получил две краски. После этого указательным пальцем он нарисовал красной краской рисунок, изображающий его предка — Фиговое Дерево из Джиринджирины в горах Масгрейва. Когда рисунок был закончен, художник взял в руку небольшой кусок коры и, пользуясь им, как кистью, обвел контуры

белой краской. Предок имел мужскую фигуру, но вместо головы у него был большой круг. От него кверху расходились лучеобразные линии. Как пояснил Моания, это был нуити — головной убор, который носили люди — Фиговые Деревья во «времена создания». Когда я спросил, где лицо, нос, глаза и рот предка, Моания удивленно посмотрел на меня и сказал, что они могут быть только в одном месте, в середине нуити, который, как мне следовало бы знать, полностью окружает лицо. Он объяснил, что не стал рисовать лицо, так как любой абориген знает, где оно находится. И хотя я был белым человеком, он не ожидал от меня такого глупого вопроса.

То, что мы увидели в этот полдень, поразило нас своей необычностью. Обнаженный коричневый человек на наших глазах создал первобытный рисунок, сравнимый лишь с творчеством наших европейских предков в далеком каменном веке. Казалось, что время повернуло вспять.

Существует две точки зрения на роль первобытного искусства. Одна из них утверждает, что потребность в рисовании органически присуща человеку и что истинное искусство — это искусство для искусства. Другая точка зрения придерживается противоположного взгляда, а именно, что первобытный человек по своей натуре практичен и не станет терять время, создавая, например, рисунки животных просто ради забавы. Если он рисует животных, то скорее для того, чтобы охота была успешной.

В некоторых частях Австралии аборигены несомненно приписывают одним рисункам магическую власть над силами природы, другим — над животными. Однако в высшей степени сомнительно, чтобы рисунки горы Эйрс создавались с этой целью. На стене в одной из пещер мы обнаружили целую серию картинок, рассказывающих об охоте на эму: самого эму, следы охотников, следы раненой дротиком птицы и место, где эму, наконец, был пойман, убит и съеден. Эти рисунки сохраняли все элементы, присущие рисункам-заклинаниям. Но когда я спросил Моанию и других аборигенов об их назначении, те ответили мне, что это просто изображение удачной охоты, отнюдь не преследующее цель помочь охотникам. Аборигены объяснили, что, охотясь на эму, они, с целью

одурманить птиц и подойти к ним по возможности поближе, прибегают к помощи волшебства и различных обрядов. Позже в горах Манна мы видели рисунок на скале, запечатлевший, как в жаркий день Моания гнался за эму. Конечно, это был случай, достойный увековечения...

Рисунки в пещерах горы Эйрс — труд многочисленных аборигенов, рисовавших их в самое различное время. Между ними отсутствует единая связь. В пещере Мутигулуна, например, было так много разных рисунков, что иногда мы с трудом отличали один от другого. Нередко в какой-нибудь удаленной пещере или расщелине скалы мы натыкались то на одиночные, то на групповые символические рисунки, поражавшие своим замыслом и хорошим чувством пропорции. И хотя эти рисунки не являются произведениями высшего класса, они тем не менее свидетельствуют о том, что в первобытном обществе немало людей, обладающих художественными способностями и вкусом, присущим настоящему художнику.

Уже сгустились сумерки, когда усталые, но довольные проведенной работой мы вернулись в лагерь и нашли его объятым паникой и страхом. Перед самым заходом солнца кто-то из ребят прибежал на стоянку и рассказал, что, играя поблизости в пещере, он заметил на каменном полу свежие пятна крови. Все аборигены были убеждены, что сюда пришел кадайча. Кадайча, по повериям аборигенов, — невидимый человек. Он знает песни, обладающие магической силой, и послан в мир, чтобы наказывать тех, кто нарушил тот или иной закон племени. Найдя виновника, кадайча разрывает его на части...

За день у меня накопилось так много впечатлений, я узнал так много новых легенд, что просто не придавал большого значения этим слухам. И только после вечернего чая, когда я попросил Тжундагу и Матинью объяснить мне содержание некоторых рисунков, я заметил, каким ужасом объята аборигены. Все, не исключая Тжундагу и Нибиану, были напуганы появлением страшного кадайчи. Даже обычные костры аборигенов были едва заметны. А Нибиана не решалась идти к нам вымыть посуду, пока я не снабдил ее фонарем. Когда же она явилась, в руках у нее было короткое ружье Тжундаги.

Все аборигены несомненно чувствовали за собой какие-нибудь грешки. Особенно боялся Моания. Он думал, что кадайча будет мстить ему за тот рисунок, который он сделал без разрешения в священной пещере Сумчатых Крыс. Он долго убеждал Лори одолжить ему ружье, чтобы отогнать кадайчу, если тот появится поутру, когда нужно будет идти за верблюдами. Моания сказал, что ему нужно лишь само ружье, а не патроны.

— Его сильный кадайча! — говорил перепуганный абориген, блестя темными глазами. — Его увидит нас, и мы все утром будем мертвый...

До наступления темноты все мужчины, женщины и дети пришли в наш лагерь: у нас горел большой жаркий костер и, кроме того, как они уверяли, здесь было гораздо безопасней — ведь мы владели многими умными вещами, и никакой кадайча не осмелился бы прийти сюда...

Когда мы собрались спать, аборигены вернулись к своей стоянке. Должно быть, они провели довольно неприятную ночь — разбушевался пронзительный холодный ветер, а они боялись разжечь огонь, чтобы не привлечь невидимого кадайчу.

Мы с Лори не сомневались, что во всем виновата паника. Абориген легко верит, что на него напали волшебные силы. И в этом случае мы не в состоянии чем-либо ему помочь; все, что мы можем сделать, — это быстро вызвать одного из медицинских людей. Поэтому на следующее утро я почувствовал большое облегчение, узнав, что за ночь кадайча ни на кого не напал, что ничего больше не случилось.

После завтрака мы с Лори собрали всех, кто сохранил достаточное присутствие духа, чтобы хладнокровно разобраться в происшедшем, и предложили им пойти туда, где кадайча оставил следы крови. Взяв с собой ребят, Матинью, который тоже утверждал, что видел кровь, и Тжундагу с ружьем, мы начали карабкаться по крутому склону. Нам хотелось убедиться в существовании следов, о которых было столько рассказов. Но ничего обнаружить не удалось, хотя дети уверяли, что накануне видели эти следы. Тогда я настоял, чтобы Матинья сам показал мне то, что он видел. Но после долгих поисков огорченный неудачей Матинья был вынужден признать, что следы исчезли. Однако он по-преж-

нему твердил, что вчера вечером ясно видел здесь четыре¹ капли крови...

Аборигены принялись уверять друг друга, что все они еще раньше знали об ошибке детей (правда, никто ни словом не упоминал о Матинье) и сами-то, конечно, ничего не боялись. По дороге в лагерь Тжундага несколько раз повторил мне, что «им» (аборигенам) не удалось его запугать. Мы были достаточно тактичны и не спросили, почему накануне он разжег такой же маленький костер, как и все остальные, и не расставался с ружьем...

ГЛАВА 13

ПОЕЗДКА К КАТАДЖУТЕ

Нам предстояло теперь отправиться к горе Ольги, или как называли ее аборигены, Катаджуте (Многоголовой), о которой не раз упоминали наши спутники².

Нас беспокоила впадина Уолпания, расположенная у подножия горы Ольги. Снежный Пирс говорил, что в прошлом она сыграла скверную штуку с одним путешественником. Поэтому я решил спросить о ней Матинью.

— Его имеет капи булка (большая вода), — с воодушевлением ответил абориген.

Я уже знал, что такое «капи булка»: аборигенам вода нужна лишь для питья, поэтому любой водоем, содержащий каких-нибудь двадцать галлонов воды кажется им большим. Но для нашей группы в таком водоеме воды бы не хватило, будь ее там даже в двадцать раз больше, учитывая, что верблюды изнывали от жажды. Поэтому я вновь поинтересовался:

— А что, Уолпания такая же большая, как впадина Аннери у Атилы (гора Коннор)?

— Да, — возбужденно отвечал Матинья. — Его Уолпания большая вода, много больше, чем Аннери...

— А Мутигулуна (у горы Эйрс), — продолжал я, — больше, чем Уолпания?

¹ Аборигены считают только до четырех.

² Во избежание путаницы Катаджута в дальнейшем будет обозначать целую горную группу, а название «гора Ольги», предложенное в 1872 г. Гилесом, будет относиться лишь к высочайшей вершине этой группы.

— Его большая, большая! — утверждал абориген. — Много больше, чем Мутигулуна. Его такая большая, как... — Матинья умолк, подыскивая сравнение. — Его такая большая, такая большая, как море белого человека...

Я решил прекратить расспросы: было ясно, что Матинья исчерпал свое воображение. Ведь Мутигулуна один из самых больших и надежных водоемов во всей Западной пустыне, а моря Матинья никогда не видел...

Получив подобную информацию, вернее — удовлетворившись ее отсутствием, я сказал Тжундаге, что путешествие к Уолпанию необходимо закончить в один день и что нам надо выехать пораньше, чтобы успеть покрыть расстояние, превышающее 20 миль. Однако когда был навьючен последний верблюд и мы двинулись в путь, время приближалось уже к одиннадцати.

Когда караван остановился, я оглянулся назад и был поражен видом западных склонов горы Эйрс: настолько они отличались от восточных! Когда смотришь на гору с востока, видишь ее округлые контуры и вертикальные складки, избороздившие ее от вершины до основания. С запада же взору предстает сравнительно плоская вершина и почти перпендикулярные склоны, усеянные тысячами круглых пещер разных размеров.

Мы решили остановиться на обед в таком месте, откуда лучше всего было видно гору Эйрс. Перед нами вытянулась широкая песчаная равнина, густо заросшая спинифексом. Казалось, что это поле пшеницы, где вот-вот начнется уборка урожая. На равнине росли изящные пустынные дубы с темно-зеленой листвой, а в десяти милях подобно левиафану, замершему над безводными песками, возвышалась громадная красная гора. По ней медленно скользили пурпурные тени от облаков...

К полудню стало ясно, что до наступления темноты нам не удастся добраться до водоема. Видимо, Тжундага и Набиана рассчитывали, что я не стану настаивать на этом. Но когда к вечеру они остановили караван и принялись разводиться огонь, я сразу разрушил их надежды, сказав, что прав я или нет, но собираюсь в этот вечер разбить лагерь у водоема Уолпания, а не посередине пустыни. Набиана разразилась потоком возражений, которые не часто услышишь из уст леди, однако забралась на верблюда, и караван тронулся в путь. Все

же назвать себя бессердечным я не мог — мы вышли слишком поздно, а никто не знал, что ждет нас у водоема Уолпания.

Было уже половина восьмого, когда мы остановились у западных склонов Катаджуты близ двух огромных каменных колонн, между которыми расположена Уолпания. Этот водоем получил свое название от ущелья Уолпания (уолпа означает ветер). Его называют так потому, что, по рассказам аборигенов, здесь даже в самый погожий день дует сильный ветер.

Как только мы с Лори поужинали, Матинья взял факел и пошел куда-то в сторону, очевидно желая посмотреть, сколько в водоеме воды. Мы пошли за ним, освещая дорогу фонарями.

Я не забуду этого шествия к Уолпании. Когда мы вошли в ущелье, его высокие стены сразу надвинулись на нас, и мрак стал таким густым, что мы с трудом продвигались среди валунов, загромаждавших дно ущелья. Пройдя около четырехсот ярдов, мы достигли самой впадины, но мгла стала уже совсем непроглядной. Луч фонаря, осветив лишь маленький кружок под ногами, тонул в темноте. Только задрав голову, можно было еще что-то увидеть — там в мерцающем небе изогнулось огромное созвездие Скорпиона, и казалось, его сверкающие глаза уставились в могильную тьму каменной бездны.

К нашему разочарованию, водоем — «большой, как море», — оказался маленькой лужей, в которой было около 30 галлонов дурно пахнувшей воды. Наутро выяснилось, что ее хватит лишь для двух верблюдов. Я думаю, Матинья, как и все мы, был удивлен мизерным размером водоема. Однако абориген держался стойко. Помахивая дымящимся факелом над водой, он повторял, широко улыбаясь: «капи пулия, капи булка» (вода хорошая, вода большая).

Несколько лет спустя я понял, что если бы стоял удачный сезон, предположения Матиньи могли бы оправдаться: в период обильных дождей значительные впадины и водоемы так наполняются водой, что из ущелья на равнину начинает течь ручей.

Рано утром следующего дня мы с Тжундагой сходили к водоему Уолпания и нашли, что вода там настолько грязная, что ею можно пользоваться лишь в случае

крайней нужды. Поэтому было решено растянуть воду, хранившуюся в наших бидонах, как можно дольше, а уж потом возвращаться к горе Эйрс. Погода стояла прохладная, и, прикинув, мы решили, что воды нам хватит дня на три, причем особых лишений испытывать не придется. Но все же, чтобы чувствовать себя спокойнее, мы переместились к восточным склонам Катаджуты. В случае острой необходимости мы смогли бы добраться отсюда до горы Эйрс приблизительно за шесть часов.

Катаджута весьма живописное место. Здесь возвышается примерно 30 колоннообразных гор с округлыми вершинами, сложенных в основном крупнозернистым конгломератом. Самая высокая из них — гора Ольги — поднимается над равниной на 1500 футов. Некоторые из этих каменных столбов стоят поодаль друг от друга, другие вплотную подступают к своим соседям, но почти все они разделены перпендикулярными ущельями. Ущелья доходят чуть ли не до основания гор и часто внизу настолько сужаются, что между их стенами едва можно протиснуться.

Хотя большинство гор Катаджуты по высоте превосходят гору Эйрс и вид этой горной группы прекрасен, она не показалась мне такой величественной, как гора Эйрс. Но Катаджута напоминала мне о первобытном мире. Мне казалось, что я вернулся в какую-то древнюю эпоху, когда над высокими вершинами парили ширококрылые птеродактилы, а у подножия гор бродили гигантские динозавры. По-видимому, у Эрнеста Гилеса, побывавшего здесь в 1873 г., сложилось такое же впечатление. Он писал: «Вид горы Ольги действительно великолепен. Нашим изумленным глазам открылись круглые минареты и гигантские купола. С тех пор как их создала природа, время — этот древний и таинственный волшебник — почти не приложило к ним рук, хотя в его распоряжении были все силы природы. Гора Ольги осталась такой, какой была при рождении».

Мы записали много интересных легенд, связанных с Катаджутой. Между прочим, собирая легенды, иной раз трудно разобрать, говорят ли аборигены о далеких временах или о событиях наших дней. Это смешение прошлого и настоящего ввело в заблуждение некоторых исследователей, создав у них представление, что

употребление в пищу человеческого мяса является обычным явлением среди аборигенов.

Пожалуй, настойчивей всех эту мысль проводит в своем исследовании «Закат аборигенов» миссис Дэзи Бэйтс. Наслушавшись легенд и различных вымыслов, она много раз упоминает о каннибализме среди аборигенов. Проверка показала, что все ее утверждения основываются на рассказах о жизни аборигенов в давно миновавшие времена.

Так, в этом исследовании не раз упоминается о случаях людоедства среди аборигенов гор Масгрейва и Манна, то есть в тех племенах, жизнь которых я изучал. Как-то я спросил своих спутников, слышали ли они когда-нибудь, что их соплеменники ели человеческое мясо. Все они пришли в ужас и с негодованием отвергли самую мысль о таком страшном обычае. Однако, добавили они, аборигены, живущие вдоль железнодорожной линии к югу, по слухам, были когда-то людоедами и охотились на своих северных соседей.

Вот, что делают слухи! Вне всякого сомнения — все истории, которые рассказывали мои спутники и которые приводит в своей книге миссис Бейтс, совершенно неправдоподобны. Это просто слухи, возникающие из убеждения, что в жестокостях всегда бывают повинны чужеземцы, то есть те, кто живет далеко от нас. Наши же соседи, которых мы хорошо знаем и постоянно встречаем, это прекрасные и добродушные люди.

К сожалению, сообщения о каннибализме, хотя они и не подтвердились научными исследованиями, проведенными после выхода в свет книги Бейтс, получили широкое распространение и создали таким образом совершенно неверное представление о добрых и простых людях.

Из описаний наших предшественников мы ожидали, что Катаджута, простирающаяся приблизительно на 4 мили в длину и на две в ширину, предстанет перед нами беспорядочным нагромождением куполообразных вершин. Но через некоторое время мы с удивлением обнаружили, что Катаджута — это группа очень высоких монолитов, окружающих сравнительно ровную площадку.

В последний день я добрался до самого центра этой площадки, откуда открывался великолепный вид. Это

был подлинный рай для художника, и мне очень захотелось провести здесь целый день, посвятив его только фотографированию. Однако время и истощившиеся запасы воды заставили отказаться от этого намерения, хотя я и сделал несколько снимков, окружавших меня гор, деревьев и зарослей спинифекса.

К концу дня спинифекс выглядит особенно красиво. Солнечный свет превращает его длинные гибкие стебли в мириады светящихся золотистых лучей, чуть покачиваемых легкими дуновениями ветерка...

Однако несмотря на свою красоту, спинифекс причиняет настоящие мучения тем, кто попадает в его заросли: бесчисленные колючки, острые, как иглы, прокалывают даже толстые носки и плотную одежду.

В этом мне пришлось не раз убедиться самому, так как я особенно заботился о состоянии ног. Острые камни Катаджуты превратили мою последнюю пару крепких ботинок в лохмотья, и мне приходилось довольствоваться парусиновыми ботинками на тонкой резиновой подошве. Но они оказались ненадежной защитой от спинифекса. Не спасали эти ботинки и от острых камней...

Только надев обувь, в которой каждый неосторожный шаг причинял боль, я начал обращать внимание, как тщательно аборигены выбирают место, прежде чем опустить ногу. Они делали это бессознательно, прокладывая путь без видимых усилий. Я же только и знал, что смотрел под ноги, чтобы отыскать ровную поверхность.

К утру четвертого дня мы должны были отправиться в обратный путь: в бидонах осталось меньше галлона воды. Мне хотелось заснять изумительную вершину под названием Пупиана, тень от которой падала на наш лагерь. А так как нужно было время, чтобы выбрать удобное место, я попросил Тжундагу вести караван вдоль основания горы, а сам пошел напрямик между холмами, чтобы уже быть готовым к съемке, когда прибудет караван. Установив аппарат, я поискал глазами верблюдов, их не было видно. Но я пока не беспокоился: пройдя напрямик, я должен был намного опередить Тжундагу. Однако прождав напрасно около получаса на ледяном ветру, я разозлился, когда заметил далекие дымовые сигналы: караван уже был на пути к горе Эйрс.

Оказалось, что Тжундага, который ушел охотиться с Лори, забыл передать Нибиане мои наставления. Она

же бодро отправилась в путь, совершенно не подумав об оставшихся позади.

Это нарушило мои планы заснять караван на фоне горы, и мне пришлось решить нелегкую задачу — отыскать другую позицию на крутых склонах, загроможденных грудями камней, стволами мертвых деревьев и заросших спинифексом.

Поблизости, с горящим факелом в руке, пытаюсь согреться, бесцельно бродил старый Тжалерина. Как только я выбрал новое место — облака и освещение в этот момент были идеальны для съемки, — от его факела упало несколько угольков, которые зажгли куст спинифекса на подветренной от меня стороне, и пламя, подхваченное сильным ветром, помчалось со скоростью экспресса. Я едва успел оттащить фотоаппарат со штативом в безопасное место.

Эта капля переполнила чашу терпения. В сердцах я высказал Тжалерине на английском языке все, что я думал о нем в тот момент. Бедняга страшно сокрушался, он даже попробовал погасить огонь, но сделать это при таком ветре было равносильно попытке залить горящую нефть ведром воды...

И снова мне пришлось искать место для съемки. Я уже хотел было сделать долгожданный снимок, как вдруг заметил, что аборигены, расположившиеся на переднем плане, смеются. Сначала я не мог понять, в чем дело, но оглянувшись, увидел весело улыбавшегося Тжалерину, который жестами объяснял тем, кто стоял у склона, о случае с загоревшимся спинифексом и о том, как я себя вел...

В течение некоторого времени Тжалерина не подозревал, что я наблюдаю за ним. Но вот он заметил меня. Руки его мгновенно опустились, улыбка погасла. Это было настолько забавно, что я забыл о своей досаде и к огромному облегчению старика рассмеялся вместе со всеми.

Ну что же. Все хорошо, что хорошо кончается. Снимок, несмотря на все происшествия, был, наконец, сделан. Он оказался настоящим шедевром.

Мы прошли добрых три мили, прежде чем нагнали верблюдов. Начался обратный путь. Он был пройден в хорошее время, и уже к заходу солнца экспедиция разгружалась у горы Эйрс на месте прежней стоянки.

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ В ЭРНАБЕЛЛУ

Во время предыдущей стоянки у горы Эйрс мы с Матиньей поднялись на ее вершину, но не смогли разыскать водоема Улуру. Поскольку Улуру играет такую важную роль в мифологии аборигенов, я был очень огорчен нашей неудачей, но второй раз подниматься не решился: спускаясь по крутому склону, я повредил колено, и оно сильно болело. К счастью, через два дня колено зажило, и я решил еще раз попытаться увидеть Улуру.

Было чертовски холодно, когда мы с Матиньей вышли из лагеря. Облака застилали все небо, у подножия горы бушевал ледяной ветер. Несмотря на горящий факел, который Матинья захватил с собой, нам пришлось несколько раз останавливаться и поджигать кусты спинифекса, чтобы мой спутник мог хотя бы немного согреться: бедняга страшно замерз. Не будь меня, абориген Разжег бы под каким-нибудь валуном костер и грелся бы около него, ожидая, пока стемнеет. Но на этот раз он был в компании с белым, рабом жестокого расписания, которому нужно было вернуться в определенное место, в заранее намеченный день и час...

Начался подъем. Чтобы было теплее, Матинья вооружился еще одним горящим факелом толщиной в руку; внизу, на равнине, ветер был очень неприятен, но когда мы приблизились к одному из самых тяжелых перевалов, пройдя до этого приблизительно треть пути до вершины, ветер стал просто ужасным. Его резкие порывы сильно затрудняли восхождение по крутым склонам. Совершенно измучившись, мы распластались на скале, подобно двум ящерицам, чтобы отдышавшись продолжить восхождение. Лезть выше приходилось чуть ли не на четвереньках, чтобы не потерять равновесия под натиском ветра. Когда мы преодолели приблизительно полпути и забрались на гребень самой крутой седловины, Матинья, уже явно трусивший, показал знаками, что дальше не пойдет. Он все время кричал, что ветер перекинет его через гребень, и, сказать по правде, временами я был готов поверить этому. Прижавшись к скале, мы словно птицы, распростершие крылья, проползли еще несколько ярдов. Глядя на хребет и не видя ничего, кроме

его гладких склонов, я почти убедил себя, что игра не стоит свеч. Но страх как бы подтолкнул меня. Пути назад не было, я должен был идти вперед...

Снова и снова мы отыскивали расщелины в скале, дававшие возможность укрыться от завывающего ветра. В этих расщелинах мы отдыхали — первобытный человек и я, каждый испытывавший больший или меньший страх перед разбушевавшейся стихией. Мы руководствовались разными мотивами: мною двигало странное желание, выражавшее существо моей натуры, — желание открыть неизвестное. Матиньей двигало чувство менее определенное, возможно чувство долга по отношению ко мне, его гостю. Зачем бы еще понадобилось ему смотреть в лицо такой опасности?

Наконец, мы добрались до вершины и как следует отдохнули. Собрав сухие ветви пробкового дерева, Матинья разжег костер — должно быть он очень замерз. К счастью, мы уже достигли глубоких впадин, где ветер не чувствовался так сильно.

Чтобы посмотреть на Улуру, стоило преодолеть все препятствия. Это великолепная овальная впадина на дне одной из глубоких корытообразных ложбин, где берут начало ручьи, стекающие по склону горы. В длину водоем достигает тридцати футов. У него почти перпендикулярные стенки. Положение и форма водоема защищают его водную поверхность от жарких лучей — солнце заглядывает сюда лишь на несколько часов в день и степень испарения воды сводится к минимуму. Возможно, этим и объясняется то, что в водоеме всегда есть вода. Аборигены утверждают, что Улуру не высыхает даже в самые страшные засухи.

Но Улуру интересен не только своим местоположением. Легенды, связанные с ним, играют важную роль в мифологии аборигенов. Одна из них утверждает, что в глубоких подземных пещерах под спокойной водной поверхностью водоема все еще живет Вонамби — гигантский многоцветный змей, до этого обитавший на небе.

Матинья имел все основания верить в существование этого самого Вонамби. В прошлый раз, забравшись вместе с Лори и Тжундагой на гору Эйрс, он захотел пить и, не приняв соответствующих мер предосторожности, напился прямо из Улуру. На следующий день Матинья заболел — его охватил лихорадочный озноб. Все

были уверены, что на него напал Вонамби. Старый Тжалерина сказал, что во всем виноват сам Матинья. Ему следовало знать, что отпугнуть Вонамби в глубину подземных пещер может лишь огонь, разожженный на берегу водоема. В тот день, когда мы добрались до Улуру, Матинья, не желая вновь подвергнуться нападению Вонамби, сразу же разжег у водоема небольшой костер. Затем он уселся и стал смотреть в воду. Он хотел убедиться, что змей отступил в свое подземное жилище. Через некоторое время, удостоверившись, что огонь сделал свое дело, то есть отпугнул Вонамби, Матинья жадно напился. На этот раз все обошлось благополучно.

Прежде чем начать спуск, я взглянул вниз. Наши спутники показались мне крохотными точками — ведь мы были на высоте более тысячи футов. Но хотя спуск прошел спокойно, и ноги не подвели меня, прошло целых два часа, пока мы присоединились к ним.

Вечером в день возвращения от Катаджуты к горе Эйрс мы обратили внимание, что аборигены расположились не там, где раньше, а устроили новые навесы от ветра — несколько поодаль. Мы с Лори, разумеется, вернулись на прежнее место и были уже готовы развести огонь, как вдруг прибежал Тжундага и с озабоченным видом стал разъяснять нам, что здесь оставаться опасно. Когда Лори спросил в чем дело, погонщик рассказал, что в каждом навесе от ветра уже через несколько дней заводится маму (злой дух, летающий по ночам), и если мы не уйдем отсюда, то обязательно заболеем. Теперь нам стало ясно, почему аборигены не возвратились к своим прежним стоянкам и почему через несколько дней они устраивают новые навесы. Хотя причиной таких постоянных перемещений является страх перед маму, можно предположить, что существует и другая причина — стремление к чистоте. Вполне вероятно, что некогда какой-то мудрый старик, заботясь о гигиене своих соплеменников, положил начало легенде о маму.

Ранним утром мы выехали к горе Коннор и далее к Эрнабелле. Ледяной ветер, изводящий нас на Катаджуте, не утихал и в течение всего пути к горе Коннор. Если бы я не стремился сохранить грозившие совсем развалиться ботинки и тем самым сберечь ноги, я пошел бы пешком, чтобы согреться. Но, к сожалению, я не

мог себе это позволить и был вынужден ехать на верблюде и мерзнуть.

Я проделал уже свыше тысячи миль на верблюдах, в основном — по поросшим спинифексом пустыням Центральной Австралии. Путешествие было бы очень однообразным, если бы не те интересные картины, которые можно было наблюдать со спины верблюда. Отсюда все казалось иным. Пески и спинифекс, проплывавшие мимо, выглядели иначе — как бы с высоты птичьего полета...

Спинифекс (*Triodia*) сплошным покровом покрывает песчаную пустыню. Его кусты разрастаются подобно грибному семейству. Одна из ветвей, пригибаясь к земле, пускает корни, давая жизнь новому растению. От него в свою очередь отпочковывается следующий куст. Иногда образуется замкнутое кольцо из кустов спинифекса с большой пролысиной посередине. Некоторым путешественникам удается увидеть такое кольцо. Мне оно за все время встретилось только дважды. Это такая же редкость, как пятилепестковый цветок сирени...

Каждый лист спинифекса вооружен колючкой, острой, как игла. Она прокалывает даже плотную одежду. Аборигены избегают его зарослей, а ведь подошвы их ног могут успешно соперничать с покрышками автомобиля. Даже караван верблюдов не пойдет напрямик, а будет осторожно выбирать дорогу между кустами. Все живое, за исключением крохотных существ, обитающих в колючих зарослях, старается держаться подальше от этого недружелюбного растения пустыни.

Изо дня в день, проезжая на верблюде мимо чащ спинифекса, я учился различать следы маленьких обитателей, живущих здесь. Я узнал, что под каждым кустом, отделенным от другого чистым песчаным пространством, обитают семейства мышей, ящериц, маленьких сумчатых, насекомых. Эти общины ведут обособленную жизнь; они заняты своими делами и редко вмешиваются в дела соседей.

Однажды, когда я лениво посматривал по сторонам, мне пришла странная мысль. Я подумал, как похожи эти обиталища насекомых и мелких животных на дома людей в пригородах — каждый дом со своими жителями отделен от соседнего. Поэтому я стал называть эти заросли «городом Спинифексом».

Иногда холодным утром я отпраивлялся в этот «город», чтобы лучше познакомиться с его обитателями. Это было приятное времяпрепровождение. Я попадал в особый мир, в мир крошечных созданий. Ветер еще не успевал замести следы, оставленные на песке зверушками, и они о многом рассказывали мне. Хоть я и не видел никогда самих жителей «города Спинифекса», я хорошо представлял, чем они занимаются, каковы их привычки и особенности.

Это, во-первых, мыши — наши маленькие домашние мыши. Они редко в открытую перебегают из одного «дома» в другой. Сначала они крадутся под защитой куста, затем стремительным рывком пересекают незащищенное место, спеша укрыться в соседнем «доме». Маленькая сумчатая мышь почти так же осторожна, но иногда она отваживается и на более далекие путешествия.

По мере того как день становится теплее, появляются мелкие ящерицы. Они любят поспать и не выходят из своего жилища, пока не высохнет роса. Эти существа так же пугливы, как и мыши, но бегают гораздо быстрее. Обычно после стремительного броска они замирают в тени кустов, зорко высматривая опасность. Они так малы и настолько легки, что их следы едва заметны на песке. Напротив, сонные ящерицы и гоанны передвигаются медленно. Это и понятно: кто, кроме орла или человека, рискнет напасть на этих гигантов «города Спинифекса»?

Характер птиц также проявлялся в их следах. Рассматривая следы ворона (*Corvus corax*), можно легко представить, с каким напыщенным и чванливым видом разгуливал этот черный разбойник пустыни. Дикая индейка (*Eurostoic australis*), увы, почти совершенно исчезнувшая там, где появились люди и лисы, всегда ходит по прямой линии, как, впрочем, и подобает ходить благородному существу. Одна маленькая птичка, я так и не узнал, как она выглядит, отличалась, по-видимому, необыкновенной деловитостью. Следы ясно указывали: только что она была вот здесь, затем внезапно остановилась и, переменив решение, круто повернула в сторону. Едва ли она достигла своей цели, потому что каждый раз что-то новое привлекало ее внимание, и она отклонялась от первоначального пути...

Кролики были повсюду. Об их жизни рассказывали характерные круглые следы (три и один). Меня всегда ставило в тупик, как эти маленькие животные, привыкшие к зеленым пастбищам, находят пищу и воду в такой негостеприимной стране, где на поверхности совсем нет воды, а дожди так редки.

Следы здесь, следы там, следы повсюду. Они оставлены маленькими существами, не знавшими человека, — великий себялюбец редко проходит здесь по пустынным дорогам. Однако природа трудилась над созданием этих малюток с такой же любовью, как и над созданием того, кто проезжал сейчас меж кустов спинифекса, изучая их следы...

Хотя аборигены все время зажигали спинифекс, чтобы дымовыми сигналами предупредить Тжикабу о нашем приближении к горе Коннор, мы увидели ответные сигналы на горизонте лишь на третий день. Как объяснили аборигены, их подавал Тжикаба. Но, добравшись до впадины Аннери, мы узнали, что костер зажег Нали, абориген с гор Масгрейва, а не Тжикаба.

Это был единственный случай, когда я смог проверить точность дымовых сигналов. О системе сигнализации аборигенов ходит масса всяких невероятных слухов. Мне рассказывали удивительные истории о том, как аборигены передают белым известия об объявлении войны, чьей-либо смерти и т. д. Однако когда я просил рассказчика объяснить мне метод сигнализации аборигенов более подробно, он обычно путался и говорил, что слышал эту историю от кого-то еще. Расспросив самих аборигенов, я понял, что их сигнализация очень примитивна и сложные сообщения с ее помощью передавать совершенно невозможно.

Для дымовых сигналов в Центральной Австралии существуют идеальные условия. На сотни миль раскинулась плоская равнина. Когда горит куст спинифекса, он дает целый столб густого черного дыма, который заметен на очень больших расстояниях. Охотясь или кочуя с места на место, каждая семья аборигенов все время поджигает спинифекс, чтобы остальные семьи знали, где она сейчас находится. Так как скорость переходов редко превышает две-три мили в час, а дым легко различим на расстоянии в двадцать миль, каждая семья может следить за передвижением соседей.

ОБРЯД ПОГРЕБЕНИЯ

Вернувшись в Эрнабеллу, мы обнаружили, что число аборигенов увеличилось здесь примерно вчетверо. Только что закончились так называемые обряды Красной Охры, и участники церемоний пока еще оставались в Эрнабелле.

О любопытных обрядах, которые по очереди совершаются всеми племенами аборигенов австралийского континента, известно очень мало. В 1893 г. доктор Рот видел в Квинсленде обряд Титжинала, похожий на обряды Красной Охры. Семь лет спустя этот обряд исполняли племена бассейна озера Эйрс, а в 1903 г. он достиг северных границ Центральной Австралии. Обряд Красной Охры переходит от племени к племени еще медленнее. Только спустя шесть лет я снова наблюдал его в Ареонге, в 150 милях от гор Масгрейва. Группами мужчин и женщин — исполнителей обрядов Красной Охры — руководят старшины — калиурана. После того как люди одной группы заканчивают обряды, продолжающиеся несколько недель, они возвращаются домой, а на их место приходят другие, уже заранее намеченные калиурана. Вновь прибывшим и их семьям калиурана рассказывают о процедуре посвящения, а также о правилах поведения. Лишь после этого их допускают на место, где совершаются обряды Красной Охры. Обряды начинаются песнями и танцами, которые исполняют женщины. Первым совершается обряд тайного посвящения. Кульминационный пункт этого обряда наступает, когда мужчинам показывают священные предметы — тжурунга (священные камни) с гор Макдонелла, раковины с орнаментами из Кейп-Йорка и жемчужные раковины из северо-западной Австралии. После посвящения мужчины в свободное от сбора пищи время участвуют в обрядах, связанных с Мильбили (предок гоанны). По вечерам они возвращаются к своим обычным делам.

Празднество Красной Охры продолжается от четырех до шести месяцев, пока все мужчины и женщины племени не пройдут посвящения.

Празднество носит скорее общественный, нежели обрядовый характер. Основной закон празднества, под-

черкивающий его общественный характер, гласит: всегда и повсюду должны быть дружба и добрая воля. Нарушение этого закона влечет за собой немедленное изгнание виновника. После окончания празднеств он строго наказывается.

В Эрнабелле мы пополняли припасы, отвечали на письма, а также подбирали аборигенов, которые должны были сопровождать нас в путешествии на Запад. Мы огорчились, узнав, что Тжалерина, занятый делами племени, не сможет поехать с нами: я и Лори уже успели полюбить старика. Но нам повезло — вместо него с нами отправился Джабаба, прирожденный артист, большой умница и всеобщий любимец.

Все аборигены покинули Эрнабеллу вместе с нами, чтобы принять участие в заключительных обрядах погребения в память Наманы, умершего три месяца назад. Нам очень хотелось побольше узнать об обрядах погребения, а так как водоем Овелина, куда направлялись аборигены, лежал на нашем пути, мы решили присоединиться к ним.

Два дня мы двигались на юг. По обе стороны возвышались коричневые горы Масгрейва. Долины между горами, заросшие белесой травой малга, напоминали море. Повсюду росли низкие эвкалипты и чахлые пробковые деревья, а время от времени встречались развесистые железные деревья с ярко-зеленой листвой. Среди густой травы местами выступали островки выжженных солнцем скал. На них росли сосны местной породы (*Callitris* sp.) и фиговые деревья (*Ficus platypoda*).

Источник Овелина, к которому мы направлялись, — это журчащий ручей с кристально чистой водой, вытекающий из расщелины в склоне горы. По каменистому склону он стекает в долину и через несколько миль теряется в песках. Мы с Лори установили палатки около источника. Первый и последний раз за все путешествие мы наслаждались приятным звуком бегущей воды. Аборигены в ожидании начала обрядов разбили свою стоянку в четверти мили от нас.

Большую часть следующего дня мы собирали сведения об обычаях и легендах, связанных с похоронами, а также о кураните — таинственной жизненной силе, которая, как считают аборигены, дает начало всему, что есть на земле. Наш главный «гид» Джабаба объяснил, что до Тжуку-

рита, или до «времен создания», мир представлял собой сухую плоскую равнину, совершенно лишенную жизни. Затем пришли люди Тжукурита — огромные человекоподобные создания, которые являлись носителями кураниты. Они и создали эту страну такой, какой она предстает перед нами сейчас. Все, что было сотворено во времена Тжукурита, — скалы, ручьи, деревья и все живые существа, включая человека, преисполнено этой жизненной силой — куранитой. Без кураниты нет жизни...

Когда умирал один из людей Тжукурита, его тело превращалось в дерево или в гору и становилось сгустком жизненной силы — кураниты. Гора, когда-то бывшая телом Гоанны, содержит теперь его кураниту. Дерево — омертвевшее тело Ковровой Змеи — наполнено куранитой ковровых змей, и так далее. Места, где покоятся тела священных предков, животных и растений, аборигены называют пулкарин. Время от времени аборигены собираются здесь, чтобы с помощью обрядов и заклинаний увеличить число съедобных растений и животных. Так, совершение обрядов в том месте, где умер предок кенгуру, приведет к тому, что появится больше кенгуру. Обряд на месте погребения предка фигового дерева заставит деревья лучше плодоносить и т. д. Аборигены твердо верят, что жизнеспособность растений и животных зависит от количества заключенной в них кураниты. Совсем мало кураниты у гор и трав. Мало ее и у деревьев. У эму кураниты больше, чем у дикой индейки. У кенгуру больше, чем у уоллоби, у мужчин больше, чем у женщин, но больше всего кураниты у медицинского человека.

Куран (душа) недавно умершего человека вызывает у аборигенов ужас. Не зная, что смерть наступает в результате естественных причин, аборигены полагают, что она происходит от волшебства какого-то врага. Поэтому душа умершего человека, гневающаяся на то, что ее разлучили с телом, пользуется любым случаем, чтобы отомстить за себя людям.

В основе всех похоронных обрядов аборигенов лежит страх перед душой умершего. Когда умирает абориген, его ближайшие родственники покидают лагерь. Все свое имущество они оставляют на старом месте, чтобы обмануть душу мертвого человека и создать у нее впечатление, будто они пошли охотиться и скоро вернутся. Родственники умершего стараются, чтобы в могиле ему было теп-

ло и удобно и чтобы его душа не испытывала особого желания бродить по свету. Остальные соплеменники тоже долго оплакивают мертвеца, стремясь задобрить его душу и уменьшить ее гнев. По поверью, куран, тоскующий по общению с человеческими существами, сидит на маленьком холмике в голове могилы рядом с потухшими кострами, поджидая своих земных друзей...

Спустя три месяца после похорон два медицинских человека в сопровождении родственников почившего идут к могиле, «хватают» куран и помещают его в тело живого человека. Этот обряд преследует двойную цель — во-первых, душа получает новую обитель и перестает быть опасной для общества, во-вторых, человек, получивший дополнительный куран, тем самым наделяется большей силой и жизнеспособностью. Но при этом необходимо, чтобы куран был отдан человеку соответствующего возраста: куран ребенка — ребенку, куран юноши — юноше, куран взрослого — взрослому, куран старика — старику.

Как нам удалось установить, у аборигенов нет никакой концепции загробной жизни. Это неудивительно, если принять во внимание веру аборигенов в то, что душа умершего обязательно обретает нового хозяина.

Аборигены собрались в Овелине для исполнения заключительных похоронных обрядов в честь умершего Наманы. Небольшая группа, в составе которой было два медицинских человека, должна была выйти с восходом солнца, пройти около 15 миль до могилы и возвратиться на следующий день. Тжундаге, Джабнабе и Моании было запрещено участвовать в этом походе, но на меня и Лори запрет не распространялся.

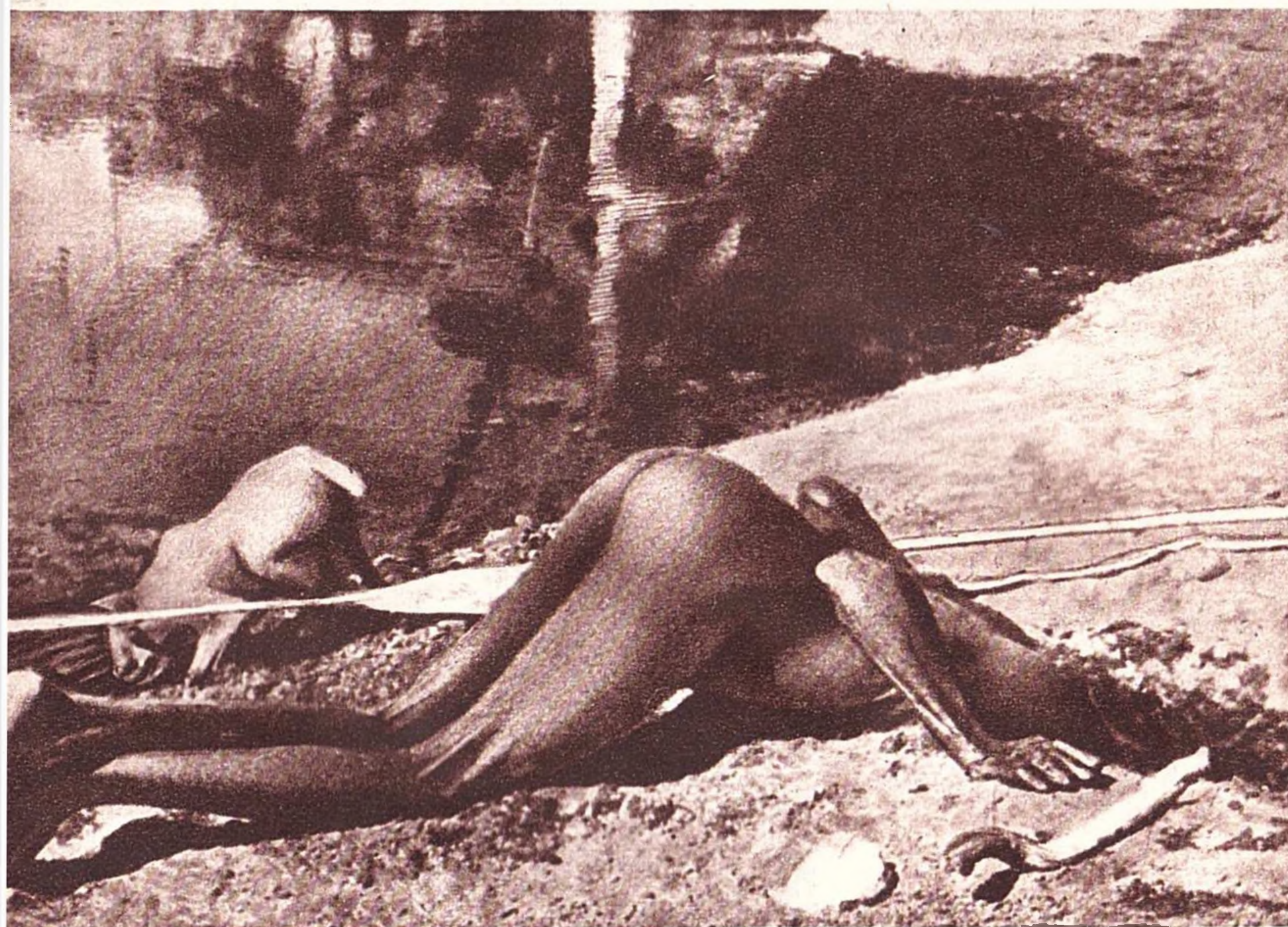
На следующее утро, прибыв на главную стоянку аборигенов, мы увидели человек двадцать мужчин и женщин, направлявшихся к могиле. Оставшиеся на стоянке аборигены — их было человек сто, если не больше — лежали на земле и громко причитали. Вид этих голых людей, тела которых блестели в лучах утреннего солнца, был настолько необычен, что я почувствовал себя живущим в глубокой древности...

Мы следовали за аборигенами по ущелью, пробираясь сквозь густые заросли деревьев «ти» и вдыхая едкий запах их листьев. Скорбные вопли оставшихся позади лю-

Причудливая скала Пупиана, у подно-
жия которой находился наш лагерь

Аборигены пьют не из самого источника, а из ямки,
которую они выкапывают в песке рядом с ним

лось. По его мнению, во всем были виноваты родственники Наманы, которые очень спешили, тогда как им следовало бы зажечь дымовые сигналы и расположиться здесь дня на два. Куран заметил бы дымовые сигналы и, несомненно, зная, кто их зажег, пришел бы к могиле. Но родственники не догадались так поступить. И теперь куран не сможет проникнуть в тело другого человека и будет бродить бесплотным духом, пока его не схватит маму...

Подойдя к могиле, аборигены сложили ветви, которые были у них в руках, между стволами деревьев, лежавших на могиле. Затем каждый взял горсть могильной земли, понюхал и натер ею ноги. У аборигенов существует поверье, что могильная земля придает людям силу и выносливость. После этого вся группа отправилась к нашим верблюдам, предварительно завернув на прежнюю стоянку, чтобы захватить с собой блюда, жернова и другое ценное имущество, оставленное здесь ранее.

Пока мы с Лори обедали, аборигены приготавливали кенгуру, которых они поймали, когда шли сюда. После еды я сразу отправился спать: длительный поход сильно утомил меня. Лежа в спальном мешке, я лениво прислушивался к тому, что происходило вокруг, и думал о том, в каком необычном положении мы находились: безоружные, окруженные первобытными людьми, для которых мы были совсем чужими. Они не понимали английского, а мы едва могли объясняться на их языке. Однако мы чувствовали себя не в меньшей безопасности, чем дома. Во всяком случае здесь было гораздо безопаснее, чем на городских улицах. У нас не было никаких оснований бояться аборигенов. Это миролюбивые люди, которые мстят только своим угнетателям. Можно считать аксиомой, что если аборигены напали на белого, то он сам в этом виноват.

На следующее утро мы двинулись обратно. По дороге я обратил внимание, как устало выглядят женщины, которые несли детей. Мы с Лори решили им помочь: ребята некоторое время ехали с нами на верблюдах.

Малышки, которые до сих пор знали в жизни только ласку, несколько часов провели на чужих руках, не проявляя ни малейших признаков страха. Они были даже довольны...

В полдень мы подъезжали к стоянке у Овелины. Еще со спины верблюда я заметил, что аборигены, лежа на земле, продолжали оплакивать умершего. Наши спутники снова набрали ветвей и с пронзительными криками, как и вчера, медленно пошли вперед и покрыли ими скорбящих соплеменников.

И сразу все превратилось в кромешный ад: унылые причитания лежавших мужчин сменились оглушительными воплями, способными разорвать сердце. Около тридцати женщин принялись громко визжать. Они то бросались на землю, то вскакивали и начинали яростно раздирать себе головы острыми палками...

Это напоминало всеобщее помешательство. Среди безумствовавших резко выделялась группа мужчин, которые двумя рядами неподвижно лежали на земле лицом вниз. Каждый обнимал своего соседа, крепко стискивая кисти рук за его спиной. Началась любопытная и малопонятная часть обряда. Она, по-видимому, выражала веру аборигенов в возможность загробной жизни. Демонстрировалось «воскресение» мертвого человека. Лежавшие мужчины постепенно расслабляли свои напряженные тела. Один за другим они, поворачиваясь лицом вверх, приподнимались, разжимали руки и начинали энергично растирать свои тела и резко дергать себя за уши. Каждый «мертвый» человек медленно возвращался к жизни, садился и присоединялся к общему плачу. Все больше и больше «мертвых» людей оживало. Обряд близился к завершению. Скорбный плач постепенно замирал, все меньше женщин бросалось на землю. Наконец, на земле осталась лишь одна распростертая фигура. Это была мать Наманы. Ее желтое выкрашенное охрой тело было измазано кровью, сочившейся из раненной головы. Она была страшно утомлена, и уже не могла встать на ноги, чтобы еще раз кинуться на землю...

Особенно любопытным было поведение детей. Среди всеобщего безумия девочки, которых, видимо, совсем не беспокоила эта суматоха, играли в свои игры, а мальчики продолжали метать дротики в диск. Как странно звучал их смех в хоре рыданий взрослых. Здесь проявлялись совершенно противоположные чувства: горе участвовавших в обряде погребения и свободное, ничем не сдерживаемое веселье детей...

ПУТЕШЕСТВИЕ В ОПАРИННУ

На следующий день сопровождаемые большинством аборигенов, принимавших участие в похоронном обряде, мы добрались до большого водоема Эрливуньявунья, живописно расположенного между высокими красными скалами. Эрливуньявунья — это впадина в скале, а не источник. С месяц здесь не было дождей, и вода в ней стала зеленой и мутной. Но так как нам предстояло длинное путешествие по безводным местам, мы были благодарны судьбе даже за такую воду. Правда, прежде чем пить, мы с Лори кипятили ее. Это было необходимо не столько для улучшения вкуса, сколько для дезинфекции. Аборигены, по-видимому, не подвержены риску заболеть от такой воды. Все же я заметил, что повсюду, где водоем окружен песчаной кромкой, как это было в Эрливуньявунье, аборигены пьют не из самого водоема, а из ямки, которую выкапывают рядом в песке. Это разумно — вода, просачиваясь сквозь песок, фильтруется и становится сравнительно чистой...

Пока наполнялись бидоны, мы наблюдали за приближающейся группой охотников. Они шествовали цепочкой. Во главе шли два предводителя, тащившие на головах по горному кенгуру (*Macropus robustus*). Остальные несли внутренности животных, собранные в аккуратные связки, дротики и другое оружие. Поймать горного кенгуру нелегко. Рыжевато-красный цвет животного настолько сливается с раскраской скал, что его трудно заметить. Острый слух кенгуру, различающий малейшие шорохи, затрудняет приближение охотника, а быстрота, с которой животное прыгает с одного выступа скалы на другой, делает почти невозможным его преследование как для человека, так и для собаки. Но южная половина Масгрейва с ее холмами, разделенными ложбинами и заросшими травой, представляет собой отличное место для охоты на горного кенгуру. Животные, избегая равнин, где окраска делает их слишком заметными, всегда избирают кратчайшие расстояния между холмами. Постепенно в таких местах возникают хорошо заметные тропы.

Используя эти тропы, аборигены создали систему охоты, ставшую совершенной благодаря их опыту, передающемуся от поколения к поколению. Система довольно простая. Вооруженные дротиками охотники скрываются за деревьями или в зарослях кустарников вдоль тропы. Другие аборигены, выполняющие роль загонщиков, поджигают на одной стороне холма спанифекс и гонят дичь к укрывшимся охотникам. Спасаясь от огня, горные кенгуру бегут, пока не достигают противоположной стороны холма. Единственный выход спастись от огня и преследователей — пересечь открытое пространство, отделяющее один холм от другого. Животные мчатся по тропе. Им кажется, что впереди спасение, а позади — смерть. Охотники же в зарослях, дождавшись, когда животные приблизятся к ним на достаточно близкое расстояние, бросают дротики. Спасаться удастся лишь немногим счастливым кенгуру. Даже если дротик не поразит кенгуру насмерть, рана настолько ослабит животное, что поймать его будет уже нетрудно. На кенгуру равнин (*Macropus rufus*) аборигены охотятся таким же образом. Несколько отличается только порядок загона животных, так как эти кенгуру в такой же степени избегают холмов, как горные — равнин. Однако они тоже перебегают с одного пастбища на другое по одним и тем же тропам. Как и при охоте на горных кенгуру, несколько аборигенов располагаются вдоль тропы, а другие поднимают пасущихся животных и гонят их в нужном направлении. Охотники почти не прячутся, так как кенгуру все свое внимание обращают на тропу, по которой бегут, и слышат лишь крики преследующих их загонщиков.

Но самую замечательную охоту мы увидели в тот день, когда Тильбукуна убил кенгуру в одиночку. Он еще издали заметил животное, пасшееся на равнине, где росло несколько пробковых деревьев и деревьев малга. Знаками показав, чтобы мы не двигались, Тильбукуна сделал круг, пока не оказался с подветренной стороны. Затем, укрываясь за деревьями и кустами, он пополз к ничего не подозревавшему кенгуру. Вскоре он оказался от животного на расстоянии каких-нибудь сотни ярдов. Как только кенгуру наклонил голову к траве, Тильбукуна поднял дротик, встал и осторожно двинулся вперед, стараясь не делать лишних движений. Когда кенгуру поднял голову, охотник замер и оставался в таком положении до тех пор, пока животное вновь не принялось за траву. Медленно и терпели-

во продолжал Тильбукуна подкрадываться. Как только животное поднимало голову, он останавливался и замирал. Несколько шагов и остановка. Еще несколько шагов и снова остановка. И вот уже двадцать шагов отделяет охотника от кенгуру.

Животное опустило голову, чтобы в последний раз щипнуть траву. Тильбукуна напрягся, резко откинулся назад и изо всей силы метнул дротик. Кенгуру рванулся в сторону, но это его не спасло — дротик уже впился ему в бок. Погоня была короткой...

Тильбукуна немедленно выпотрошил животное. Зашив острой веточкой и тонкими кишками небольшой разрез на животе, охотник согнул тушу пополам и привязал задние ноги и хвост к передним. Получилась весьма удобная ноша, которую Тильбукуна водрузил на голову — лучший способ переносить такие тяжести — ведь взрослый кенгуру весит до 80 фунтов. Кенгуру трудно убить вблизи стоянки. Поэтому охотникам часто приходится далеко уходить в поисках добычи и проделывать с ней тяжелый обратный путь. Если охотятся несколько человек, тушу убитого животного жарят на месте, разделявают и каждый несет на стоянку свою долю. Но часто охотнику приходится всю тушу нести одному.

Я много раз видел, как носят убитых кенгуру. Но как далеко иной раз тащат их охотники, я узнал после одного случая в пустыне Западной Австралии. Однажды мы попросили аборигена добыть нам к обеду кенгуру. Охотник выполнил нашу просьбу. Он пришел вовремя, скинул тяжелую тушу на землю и удалился, не говоря ни слова. А через несколько дней нам довелось проезжать место, где он свеживал добычу. Это было не менее чем в пяти милях от нашего лагеря.

Способ готовить кенгуру очень прост. В Эрливу-ньявуны аборигены выкапывали в земле неглубокие ямы, складывали туда сучья и поджигали их. Пока ярко горел костер аборигены приготавливали тушу для жаренья. Сначала, чтобы опалить шерсть, они вертели ее над огнем, затем отрезали задние лапы и хвост. Когда костер прогорал, аборигены выгребали угли, укладывали тушу хребтом на дно углубления и засыпали ее горячим песком и золой. На самое дно клали задние лапы и хвост, чтобы они лучше прожаривались. В таком положении туша оставалась приблизительно час; срок, конечно, не слишком боль-

шой, если она весит 50 фунтов. Между тем, я однажды наблюдал как восьмидесятифунтового кенгуру извлекли из такой «жаровни» всего лишь через двадцать минут. И признаться, жаркое было отменным...

Этот способ приготовления пищи весьма примитивен. Но он имеет целый ряд преимуществ. Мясо животного в шкуре полностью защищено от проникновения мух, пыли и золы, а также от человеческих прикосновений. Кроме того, от опаливания шерсти шкура делается такой твердой, что превращается в самую настоящую «кастрюлю» каменного века. Поэтому в мясе сохраняются все соки...

В тот день, когда мы были в Эрливуньявунье, я заметил, что люди, приносившие туши животных, не принимали никакого участия ни в приготовлении, ни в распределении пищи. Мне это казалось естественным — ведь добыча не принадлежала только им: в охоте принимали участие все мужчины. Но лишь позднее, когда Тильбукуна в одиночку убил кенгуру, я впервые уяснил себе принцип распределения добычи у аборигенов.

Вернувшись с охоты, Тильбукуна бросил кенгуру к ногам старого Джабабабы и уселся у костра, явно не проявляя никакого интереса к своей добыче. Джабабаба приготовил мясо, дал далеко не лучшие куски Тильбукуне, оставив себе деликатесы — почки, печень и жир. Остальное мясо он разделил между другими аборигенами.

Такая система распределения пищи, по-видимому, является универсальной. Какая бы ни была добыча — большая или маленькая, делится ли она между мужчинами или женщинами — охотник не принимает участия в приготовлении пищи и не имеет голоса в отношении ее распределения. Однако в конечном итоге каждый получает равную долю пищи, так как тот, кто охотился сегодня, завтра будет поваром или просто получит свою долю...

По-видимому, этот обычай порожден не просто потребностью распределения пищи, но имеет более важное назначение. В племени главенствуют старики и только они имеют право принимать решения и претворять их в жизнь. Если бы умелым охотникам, которые в основном молодые люди, разрешалось делить собственную добычу, они могли бы использовать это право для приобретения привилегий и власти и подорвать авторитет стариков, нарушив тем самым социальное равновесие племени.

Таким образом, по законам аборигенов удачливый охотник независимо от его возраста не получает никаких преимуществ при распределении добычи. Единственное вознаграждение охотника — это радость победы и похвала соплеменников. Его умение является скорее достоянием племени, чем его собственным.

Вне всякого сомнения, существуют более сложные законы, управляющие этим обычаем. Сразу в них трудно разобраться. Обычай распределения пищи отличается строгостью, поэтому при разделе пищи никогда не бывает споров, не возникает неудовольствия. Мужчины всегда получают равную долю с женщиной, хотя многие авторы, писавшие о жизни аборигенов, утверждали, что муж приберегает лучший кусок для себя, а жене отдает лишь остатки.

Существует, правда, известное разделение в отношении добывания пищи, в какой-то степени определяемое различием полов. Мужчины охотятся на крупных животных — кенгуру, эму, уоллоби, больших ящериц. Охота мужчин сопряжена с длинными утомительными переходами. Женщины, обремененные заботами о детях и хозяйстве, совершают переходы лишь от водоема к водоему. Собирая более доступную пищу — семена трав, фрукты, маленьких ящериц, древесных червей, женщины надежно обеспечивают семью. Очень часто мужчины возвращаются с охоты с пустыми руками — дикие животные очень осторожны и их трудно настигнуть, а женщины между тем всегда приносят какую-нибудь пищу. Иногда ее не слишком много, она не всегда вкусна, но ее по крайней мере достаточно, чтобы поддержать семью до той поры, когда удача станет более благосклонной к мужчинам.

Пища аборигенов отличается разнообразием и с точки зрения питательности удовлетворяет всем необходимым требованиям. Мясной рацион наряду с крупными животными — кенгуру, эму — включает также древесных личинок, термитов и т. д. Хлеб аборигены готовят из семян различных трав, малги и акаций. В любое время года меню аборигенов разнообразят дикие фрукты — сливы, фиги, персики и местные томаты, а также большое количество зеленых мясистых листьев растений и деревьев. Хотя пустыня не всегда дает изобилие продуктов, аборигены не страдают от болезней, вызванных недостатком питания, пока не приобщаются к нашей цивилизации, пока

не привыкают к белой муке, чаю, сахару и кое-чему другому...

Мы намеревались отправиться из Эрливуньявуньи прямо к Пилтади — впадине в восточной части гор Манна. Этот переход должен был занять пять дней — пять дней пути по безводным местам. Поэтому пришлось отказаться от первоначальных намерений. Нас сопровождало много аборигенов, участвовавших в обрядах погребения, и воды, которую мы захватили с собой, не хватило бы для всех даже на два дня. Поэтому мы решили следовать вдоль цепи небольших источников. Такой маршрут привел бы нас к водоему Опаринне в западной части гор Масгрейва, а уж оттуда мы бы двинулись к Пилтади.

Путь к Опаринне пролегал по гористой местности. Мы двигались медленно, с трудом. Поэтому дорога заняла целых три дня. Первая ночевка — у источника Ипудулкана, расположенного в узком ущелье, — была самой неприятной за время моих путешествий в Центральной Австралии. Повсюду аборигены, костры, собаки. Некоторые костры горели в двух шагах от наших палаток. Дым, разъедавший глаза, орды голодных собак и неумолчный говор людей (по-видимому, они не ложились спать всю ночь) заставили меня обрадоваться первым признакам зари. К счастью, многие аборигены остались в Ипудулкане и у впадины Уиллуу, которую мы миновали в середине дня. Когда вечером второго дня мы расположились на ночлег, с нами было уже менее двадцати аборигенов, в большинстве наших старых знакомых...

На пути к Опаринне имелось несколько интересных мест, о которых упоминалось в легендах аборигенов. В одной из легенд рассказывалось о раненом горном кенгуру, спасавшемся от врагов, в другой — о женщинах Кункарункара, которые сошли с небес на землю, чтобы собирать пищу и подверглись нападению человека Нирунья. Недалеко от Опаринны нам встретилось еще одно примечательное место, где аборигены собираются для исполнения обрядов, способствующих увеличению пищи.

Во время путешествия из Эрнабеллы Нумиди где-то раздобыла кусок красной охры и за часть его выменяла у Нибианы — жены погонщика верблюдов — грязное изорванное платье. Это платье доставляло мне массу хлопот, когда я занимался фотографией. Как только про-

исходило что-нибудь важное, Нумиди, облаченная в свои невероятные лохмотья, была тут как тут. Я ничего не говорил ей по этому поводу, в конце концов это было ее собственное платье, однако решил так или иначе перекупить его.

Однажды утром я заполнял дневник, а Нумиди стояла неподалеку, наблюдая за мной, и время от времени делала замечания. Я спросил ее, не отдаст ли она мне свое платье. Она, разумеется, отказалась. Достав из чемодана большую пригоршню сладостей и положив поверх пакет сушеных абрикосов, я сказал:

— Вома (сладости) за рагу (одежду)?

— Виа, виа! (нет, нет), — ответила Нумиди.

Я увеличил количество сладостей и добавил еще коробку сушеного чернослива.

— Рага за вома булка (много сладостей), — снова предложил я.

— Виа, виа! — вновь ответила Нумиди, но, как мне показалось, уже не так твердо. Я продолжал набавлять цену. В конце концов Нумиди не удержалась, сняла платье, отдала его мне и ушла, держа в руках деревянное блюдо, переполненное сладостями.

Другие женщины приветствовали этот обмен: возможно раньше Нумиди поглядывала на них свысока. Но даже, если в ее поведении и не было высокомерия, все равно, обладая платьем, в то время, как у других женщин не было никакой одежды, она возбуждала всеобщую зависть. Итак, благодаря своему «богатству» я сумел восстановить социальное равновесие и одновременно устранить постоянную помеху моим фотографическим занятиям.

Сладостям скоро пришел конец, а Нумиди была слишком хитрой особой, чтобы легко примириться с потерей платья, не попытавшись каким-либо образом вернуть его. Она пустила в ход все свои женские чары, предложила мне одно из своих блюд, потом копательную палочку и, наконец, драгоценный запас красной охры. Она даже привлекла себе на помощь Нибиану. Ей казалось, что Нибиана, владея английским, сумеет уговорить меня. Но я оставался непреклонным и отказался возвратить леди ее одежду до возвращения в Эрнабеллу.

Нумиди хотела получить платье вовсе не для того, чтобы прикрыть наготу. Она не знала, что одежда су-

ществует для этой цели. Аборигены совершенно не стесняются наготы, пока не вступают в общение с цивилизацией. Но в то же время, хотя условия существования не дают им больших возможностей украшать себя, аборигены, такие же люди, как и мы, стремятся использовать любое средство, чтобы добиться внимания окружающих. Отсюда желание Нумиди обладать этим платьем...

ГЛАВА 17

ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ

Мы предполагали, что следующий пункт на нашем пути — горы Манна явятся зенитом всей нашей исследовательской деятельности: этот район славится своими легендами. Так как несколько аборигенов, уроженцев этих мест согласились нас сопровождать, мы чувствовали себя во всеоружии для выполнения этой необычайно интересной работы.

Но, как говорят, «человек предполагает, а бог располагает». На следующее утро после прибытия в Опаринну мы встретили двух девушек-аборигенок, которые возвращались от границы Западной Австралии с несколькими верблюдами, принадлежавшими бродячему охотнику. Они сообщили нам плохие новости: все водоемы в горах Манна, за исключением одного, высохли, а Пилтади завален трупами собак и кенгуру. Чтобы раздобыть хоть немного воды для верблюдов, им пришлось долго его расчищать.

Мы могли захватить с собой воды только до Пилтади. А ведь нам предстояло проделать еще восемьдесят миль вдоль гор Манна. Поэтому нужно было либо возвращаться назад от Опаринны, либо менять маршрут.

После долгих обсуждений мы с Лори приняли решение продолжать путешествие, но сократить число верблюдов в караване до пяти и оставить в Опаринне всех наших спутников, кроме двоих. Мы должны были двигаться к Пилтади кратчайшим путем и расходовать в день не более трех пинт воды на человека. Мы договорились, что если Пилтади окажется высохшим, мы сразу повернем назад, так как нам нечем будет напоить верблюдов. Если же в водоеме окажется вода, мы используем Пилтади как

базу, продолжив путешествие настолько, насколько это будет возможно.

Весь день был посвящен отбору самого необходимого багажа: караван из пяти верблюдов (два для верховой езды, один под выюки, один с ящиками и один для перевозки воды) не мог везти всю поклажу. В окончательном виде наша группа состояла из Тжундаги — погонщика, Моани, Джабиабы, Лори и меня. Разумеется, аборигены наперебой просили нас изменить наш план: им всем хотелось ехать вместе с нами до гор Манна — своей родины. Но просьба аборигенов была невыполнима — чем больше народа, тем больше ненужного и неоправданного риска.

Видя, что их уговоры не действуют на меня, аборигены во главе с Тильбукуной направились прямо к моей палатке и торжественно объявили, что я могу спокойно захватить с собой всех их, так как они решили вызвать дождь и этим разом разрешить всю проблему. Это была очень приятная новость. Хотя мы с Лори весьма сомневались в способности аборигенов повелевать силами природы, тем не менее я был рад представившейся возможности узнать о процедуре обряда вызывания дождя.

В основе всех обрядов, связанных с вызыванием дождя, лежат различные священные действия с диском из жемчужной раковины. Это одна из тех многочисленных реликвий, которые проделывают изумительный путь, начинающийся на северо-западном побережье Австралии и заканчивающийся на берегах Великого Австралийского залива, — свыше двух тысяч миль! В начале пути раковины еще сохраняют свои обычные размеры. Часто они испещрены любопытными зигзагообразными узорами. Однако, переходя от племени к племени, которые используют раковины в обрядах вызывания дождя, они настолько стираются, что к тому времени, когда достигают южных берегов Австралии, становятся лишь чуть больше флорина. На некоторых раковинах из северо-западной Австралии, несмотря на долгий путь, который они проделали, еще сохраняются узоры. По этим узорам нетрудно установить их происхождение. Должно быть, проходит немало времени, прежде чем жемчужные раковины достигают южной окраины континента.

Аборигены не знают точно, откуда попадают к ним раковины. Они считают, что родина этих реликвий — леген-

дарное Тапиджи, где в воде живут страшные ящерицы (очевидно крокодилы). Что же, эти люди, пожалуй, недалеки от истины. Аборигены полагают, что медицинские люди Тапиджи добывают рингили (раковины), ныряя за ними в воду и пронзая их тонким дротиком. В дырку от дротика продевается нить для подвешивания раковины к деревьям. Тильбукуна, возглавлявший обряды вызывания дождя, как-то рассказал нам, что он пытался добраться до Тапиджи, чтобы раздобыть там несколько рингили, но ему это не удалось.

Обряд вызывания дождя основывается на поверии, что рингили насыщены куранитой дождя, и эта куранита, если она находится в воздухе, образует облака. Заклинания же и обряды заставляют облака расти все больше и больше, пока, наконец, на землю не польется дождь. Тильбукуна пошутил, что во время обрядов ему придется быть весьма осторожным, иначе можно вызвать такой сильный дождь, что вода смочит даже верблюдов. Но Джабаба поспешил заверить меня, что он в любое время берет остановить дождь, посыпав рингили золой и закопав ее около костра...

Во время обряда, происходившего без женщин, группа аборигенов распевала песни, а Тильбукуна совершал ритуалы. Он сплюнул на плоский камень жеваный табак (*Nicotiana* sp.) и растер его раковиной. Затем Тильбукуна начал сосать раковину и плевать в небо. Прошло некоторое время, и он, отойдя от мужчин, стал молча водить раковиной по траве. Возвратившись на площадку, где происходил обряд, он положил немного травы на камень, растер ее и вновь принялся сосать раковину и плевать в небо. В заключение обряда раковину повесили за нитку на низкое дерево, чтобы она могла свободно раскачиваться.

Разные стадии обряда вызывают нечто большее, чем простое любопытство. Ведь они демонстрируют приемы, с помощью которых, как верят аборигены, они могут управлять силами природы. Жеваный табак растекается подобно дождевой воде, посасывание раковины извлекает кураниту дождя, а плевки направляют ее в небо. Аборигены считают, что прикосновение раковины к малге порождает облака, так как по цвету они похожи на молочно-белый сок этой травы. А раскачивающаяся на дереве раковина вызывает в эти места дождь...

На следующий день караван — пять человек и пять верблюдов — отправился к горам Манна. Мы с Лори невольно задумывались над тем, что ждет нас впереди. Почти три дня пробирались сквозь бескрайние заросли малги и спинифекса. Некоторое разнообразие ландшафту придавали лишь груды валунов, связанные с легендами об огромных Ящерицах, Эму и неразлучной триаде предков — Кенгуру, Еуро (Горном Кенгуру) и Ночной Сове.

Утром начался наш поединок с горячим иссушающим ветром. Утро только начиналось, а я уже мечтал о полудне, когда можно будет получить свою порцию воды. Три пинты в день да еще при сухой пище — слишком мало, чтобы не испытывать жажды. Но так как во рту у меня не пересыхало, как это случалось раньше, когда не хватало воды, я пришел к выводу, что мой организм получил ее достаточно, хотя пить все же хотелось. Я пришел к убеждению, что в случае необходимости можно вполне обойтись и трехпинтовым пайком воды. Если бы мы путешествовали летом, нам, конечно, пришлось бы увеличить рацион или прибегнуть к распространенному среди аборигенов способу — днем отдыхать, а идти по ночам.

Во второй половине дня мы добрались до местности, поросшей пустынным курайонга, низкими малии и спинифексом — приятный вид после зарослей малги, в которых усталому спутнику кажется, что он со всех сторон окружен сплошной темно-зеленой стеной деревьев.

Пустынный курайонг (*Brachychiton gregorii*) с гладким светло-зеленым стволом и симметричной кроной — прекраснейшее дерево этих мест. Курайонги сравнительно редки, они растут в удаленных от водоемов местах. Поэтому лишь немногим ботаникам посчастливилось их видеть. Повсюду, где встречаются эти деревья, они окружены своими неизменными спутниками — низкими малии. Трудно сказать, является ли одно из этих деревьев паразитом по отношению к другому, или они образуют один из тех странных симбиозов, которые нередко создает природа. Каждое из этих деревьев добавляет то, чего не хватает другому. Курайонги — великолепный источник питания для аборигенов. Они употребляют в пищу молодые побеги деревьев, кору и сладкую мягкую древесину, а из корней готовят муку. В случае необходимости аборигены добывают из курайонга воду: вырывая небольшое деревцо, они сжигают его листву и соби-

рают в свои деревянные блюда выступающую на его стволе влагу.

Незадолго перед тем как мы вступили в местность, поросшую курайонгами, наш караван миновал многочисленные группы пустынных травяных деревьев (*Xanthorrhoea thorntonii*), встречающихся еще реже, чем курайонг. Однако в отличие от последнего травяное дерево не так гармонирует с окружающим пейзажем, даже наоборот— оно выглядит настолько необычно, что невольно возникает желание узнать: не забрело ли это дерево с гор и не заблудилось ли здесь.

К вечеру мне стало казаться, что волшебство вызывателей дождя оказало свое действие: небо потемнело от облаков. Я с удовольствием следил за ними, восхищаясь их причудливыми очертаниями. Облака то сходились, то расходились. Я долго не выпускал из рук фотоаппарата...

Горы Манна вырисовывались на горизонте голубовато-лиловой массой. Особенно было красиво, когда солнечный луч прорывался сквозь облачную завесу и прорезал глубокие ущелья. Края облаков становились тогда золотистыми. Казалось, что природа пытается возместить этим чудесным вечером ненастный день. На западе алая полоса заката медленно заволакивалась мраком наступившей ночи...

Так или иначе, но к концу третьего дня мы еще не добрались до Пилтади: Тжундага и другие аборигены, желая преподнести мне сюрприз, решили направиться к водоему Унгата. Как утверждал Моания, уроженец этих мест, Унгата никогда не пересыхал. Заметив, что мои спутники-аборигены изменили маршрут, я был весьма раздосадован: время могло сыграть с нами плохую шутку. Но я ничего не сказал им: Моания должен был хорошо знать свой родной край. К тому же аборигены хотели пить не меньше нас с Лори...

Неподалеку от Унгаты Моания показал нам на несколько длинных прямоугольных камней, разбросанных на земле. Каждый из них по преданию представляет собой часть окаменевшего курана Вамбины — легендарного человека, создавшего эту часть страны. Моания был очень расстроен плачевным состоянием священного места. Он рассказал, что когда камни стояли вертикально, аборигены чувствовали себя прекрасно. Они не ощущали усталости в ногах, совершая большие переходы. Руки у

них были такие сильные, что дротик никогда не падал, не долетев до цели. Все были счастливы, и жизнь кипела ключом... А теперь, когда камни валяются на земле, аборигенами овладела апатия. Они бродят вокруг миссий и скотоводческих станций в поисках пищи, и мужчины не охотятся, потому что их ноги стали слабыми. Женщины работают не так усердно. Раньше до прихода белых людей аборигены всегда следили за священными камнями...

— А теперь за ними не смотрят,— грустно сказал Моания.— Белый человек со своей мукой погубил нас...

Добраться к водоему Унгата было трудно. Меня удивляло, как верблюды ухитрялись отыскивать место для копыт среди беспорядочных нагромождений камней. Наконец мы выбрались на ровное место, где животных можно было развьючить. Не медля ни секунды, все кинулись взглянуть на водоем и обнаружили... что он совершенно высох.

Моания был страшно удивлен — раньше он никогда не видел этот водоем высохшим. Однако он не сдался и стал уверять нас, что впадина в верхней части долины наверняка не окажется пустой. Мы послали его и Джабиабу с ведрами принести оттуда в лагерь немного воды. Мы уже приготовили ужин, когда они вернулись с пустыми ведрами в руках, совершенно обескураженные. Аборигены со стыдом сообщили, что «капи виа» (воды нет)...

Хотя Унгата преподнесла нам сюрприз, и, кроме того, мы потеряли дневной запас воды, поездка к водоему себя оправдала. Именно здесь мы смогли понять неразрывную связь между легендами и местами, о которых в них рассказывается. Около водоема даже отдельные деревья и камни так или иначе связаны с подвигами великих предков аборигенов. Моания так гордился Унгатой, что стал горячо упрашивать нас остаться здесь хотя бы на день. Ему непременно хотелось рассказать нам о своей родине. Но мысль, что Пилтади тоже может оказаться без воды и тогда нам предстоит сумасшедший пробег через безводную пустыню до Опаринны, заставила меня решительно воспротивиться такому соблазну. Ведь мы могли потерять верблюдов...

Перед тем, как лечь спать, я заполнял свой дневник. Вдруг сверкнула молния, и на бумагу упало несколько капель дождя. Я быстро разбудил Тжундагу и Лори, и мы покрыли брезентом седла верблюдов и вещи, которые

боялись воды. Я надеялся, что эта молния — прелюдия к хорошей грозе. Ведь даже небольшой дождь в Унгате означал наше спасение — поток воды из скалистого ущелья длиной четверть мили и шириной пятьдесят ярдов был бы более чем достаточен, чтобы наполнить впадину в верховьях долины. Тогда мы смогли бы напоить верблюдов и запасти воды в бидоны. Однако, к нашему большому сожалению, гроза с большим шумом прошла стороной, обронив над нами лишь несколько капель. Надеюсь на невозможное — что в конце концов и здесь гроза разразится хорошим душем, я забрался в спальный мешок и уснул, совершенно обессиленный от усталости...

ГЛАВА 18

ПИЛТАДИ

Судьба была к нам благосклонна: в Пилтади оказалось двести-триста галлонов гнилой вонючей воды — вполне достаточно, чтобы напоить верблюдов. К тому же Моания обнаружил источник, о котором не знали недавно повстречавшиеся нам девушки-аборигенки. Этой водой мы пополнили наши запасы. Проблема воды была решена...

Пилтади расположен в конце длинного узкого ущелья с крутыми каменистыми склонами, поросшими спинифексом и пустынными деревьями. Ровное дно ущелья местами завалено грудями камней. Обычно в это время года Пилтади представляет собой цепь больших впадин, наполненных водой. Однако на этот раз вода сохранилась лишь в одной из них — самой верхней. Эта любопытная впадина имела десять футов в длину и три в ширину. Она отличалась такими крутыми и гладкими склонами, что тот, кто упал бы в нее, пожалуй, не сумел бы выкарабкаться без посторонней помощи. Верблюды, разумеется, не могли пить из такого водоема, поэтому воду пришлось носить вниз в ведрах и выливать в брезент, которым мы устлали небольшое чащеобразное углубление в почве. Я подсчитал, что пять наших верблюдов выпили сто двадцать галлонов воды, т. е. на каждого из них пришлось по 24 галлона — двести сорок фунтов воды! Но выглядели они так же, как и раньше. Мне стало казаться, что я ошибся в подсчетах. Но мои сомнения исчезли, когда перечитывая «Красный центр» Финлейсона, я узнал,

что один из его верблюдов после трех с половиной дней пребывания в безводной пустыне выпил сорок три галлона воды...

Еще перед отъездом из Эрнабеллы к горе Эйрс Лори и я стали членами племени аборигенов. Лори стал сыном Моании, а я — братом Нумиди. Однажды Лори высказал Моании наше восхищение страной его племени, а в особенности ущельем Пилтади. Абориген, довольный похвалой, возбужденно ответил:

— Если твоя будет здесь долго жить, Лори, моя дает Пилтади тебе. Это место будет твоя собственная. Нумиди (его жена) и моя будем жить у Унгаты.

Лори был удивлен и польщен предложением Моании. Получить землю в племени аборигенов, особенно в таком живописном месте, как Пилтади, — честь, которая выпадает немногим. Я позавидовал Лори: край Нумиди, а следовательно, теперь и мой край, был расположен в пустыне далеко к югу от гор Манна. Сомнительно, чтобы я, подобно Лори, мог, оглянувшись вокруг, с гордостью сказать: «Это моя собственная, моя родная земля...».

Лори принадлежал теперь к племени Пилтади. Гигантский змей Вонамби, обитающий по преданию в водоеме, был для него отныне не более опасен, чем для Моании. Что касается меня, дело обстояло иначе. Я был чужестранец, а мифические змеи всегда нападают на них. Поэтому, беспокоясь за мою жизнь, аборигены не позволяли мне близко подходить к водоему, пока Моания не расскажет Вонамби обо мне. Как-то вместе с Лори, Тжундагой, Джабиабой и Моанией я стоял на краю водоема Пилтади и глядел вниз на черную мутную воду, в то время как Моания следующим образом представлял меня огромному разноцветному Змею:

— Вот этот — момфорда. Его курта (старший брат) длинной Нумиди. Его наша, твоя больше не кусай его...

Жизнь приводила меня в удивительные места и заставляла переживать удивительные впечатления, но знакомство с Вонамби безусловно было самым удивительным моим воспоминанием... Итак, теперь я не намного отстал от Лори. Он владел Пилтади, а я познакомился с Вонамби...¹

¹ Мое знакомство с Вонамби не исключительный случай. Спенсер и Гиллен, чьи исследования о жизни аборигенов составляют важный вклад в изучение австралийской этнологии, вместе со своими

На вторую ночь нашего пребывания в Пилтади началась сильная гроза. От раскатов грома гудело все ущелье. Дождь был не таким сильным, как гроза, но вполне достаточным, чтобы заполнить впадины, лежавшие впереди нас. Гора свалилась с моих плеч...

Старый заклинатель дождя Тильбукуна не замедлил прийти, чтобы полюбоваться впечатлением, которое произвели на нас его успехи. Абориген сиял от радости, хотя, как он объяснил, дождь должен был начаться двумя ночами раньше. Еще во время нашего пребывания в Унгате Тильбукуна рассказал, что когда дождь начал запаздывать, он вместе с другими аборигенами совершил еще несколько обрядов, и вот, пожалуйста, дождь идет...

Несмотря на то что Тильбукуне удалось вызвать дождь (мне приходилось наблюдать и другие примеры действительности волшебства аборигенов), я далеко не уверен, что аборигены с помощью своих таинственных обрядов в состоянии управлять сложными силами природы. Но тем не менее налицо несколько неопровержимых фактов. У Тильбукуны не было никакой возможности выбрать время, лишь за день он узнал, что над нами нависает опасность остаться без воды. Дождь пошел в начале сентября, а сезон дождей — период между ноябрем и мартом. Дождь должен был пойти в течение предсказанных пяти дней — и дождь действительно пошел!..

ГЛАВА 19

ЛЕГЕНДЫ ГОР МАННА

Первое, что мы слышали, просыпаясь по утрам, были звуки ломаемых сучьев, потрескивание огня и приглушенный говор наших коричневых спутников, разжигавших погасший ночью костер. В течение всего путешествия они делали эту работу совершенно добровольно из чувства врожденной вежливости и желания помочь. Были ли мы в пустыне или на холмистой равнине, погожий был день или дождливый, эти приветливые звуки неизменно будили нас по утрам. Обычно в костре было достаточно углей,

спутниками — аборигенами — побывали в жилище великой змеи Воллункуа на земле племени Уаррамунга и тоже были ей представлены,

чтобы раздуть огонь. Но если в нем оставался лишь пепел, один из аборигенов приносил головню из своего собственного костра: аборигены поддерживают огонь круглые сутки, так как он является их единственной защитой от холода.

Хижины, в которых живут аборигены в сухую погоду, крайне просты. Они представляют собой навес из ветвей в форме полумесяца высотой примерно в фут, защищающий от ветра небольшое углубление в песке, где аборигены спят. По обеим сторонам каждого спящего горят костры, размерами немногим больше обеденной тарелки. Этнографы всегда попадают в тупик, решая вопрос, почему обнаженные аборигены не замерзают по ночам во время сна, когда температура падает на много ниже нуля. Хотя, возможно, организм аборигена достаточно закален, чтобы выдерживать существование в таких условиях, не следует забывать, что в тихие вечера, после которых обычно выдаются самые холодные ночи, жар от крохотных костров покрывает стоянку подобно теплому одеялу. Однако в такие ночи, какой была наша последняя ночь в Пилтади, когда резкий вихрь метался по узкому ущелью, аборигены, должно быть, жестоко страдают от холода, потому что жар костров быстро разносится порывами ветра...

В течение всего следующего дня стояла холодная пасмурная погода. Разбушевавшийся ветер и стремительные ливни, обрушившиеся на долину, пронизывали нас до мозга костей. Даже Моания, обычно пребывавший в хорошем настроении, раздраженно заметил заклинателю дождя Тильбукуне, что причина наших бед — обряд вызывания дождя, который он исполнил во второй раз: дождя, вызванного в Опаринне, хватило бы с лихвой...

Тильбукуна, чувствовавший свою вину, согласился, что проделал слишком много инма (обрядов), но пытался это оправдать желанием показать Тжаму (мне), что он действительно может вызывать дождь.

Лори, Тжундага и я шли за верблюдами, стараясь сохранить остаток тепла в наших, уже почти окоченевших телах. Аборигены несли небольшие горящие головни. Я не верил, что они могут согреть человека, пока по совету Джабабы сам не взял в руки головню. Я пришел в изумление — сколько тепла дает факел! Он согревал мне и руки, и лицо, и тело. Я также поразился — какое нужно ис-

кусство, чтобы головня не потухла. Этому искусству меня учил Джабаба. Оказалось, что факел надо держать по направлению к ветру и размахивать им над головой. Я старательно следовал этому указанию, но мой факел либо гас, либо обжигал мне пальцы. Я столько раз обращался за помощью к Джабабе, что в конце концов он потерял терпение:

— Возможно твоя — умная в делах белого, Тжаму, — сказал старик, — но твоя ничего не понимает в вару (огонь)...

Конечно Джабаба был прав. Следить и ухаживать за огнем для аборигенов так же естественно, как дышать. Даже самые маленькие дети — большие знатоки в этом деле.

Следующие два дня мы двигались вдоль южных границ гор Манна. Обычно белым людям эти места представляются заброшенными, недружелюбными — «землей, о которой забыл Создатель». Однако аборигены придерживаются другого мнения. Для них все здесь имеет особое значение. Деревья не просто деревья, а окаменевшие тела древних героев, русла ручьев не просто места, где протекает вода, а следы гигантских змей, когда-то извивавшихся здесь. Разбросанные повсюду холмы — не просто нагромождение камней, а остатки древних стоянок и груды брошенной пищи. Мы видели следы деятельности многих героев тех дней — Спящей Ящерицы, Горного Духа, Птички-Колокола и Кундалы со своими собаками.

Возможно, самыми интересными местами, в которых мы побывали, были Канби, где поссорились из-за своих птенцов Эму и Дикая Индейка; Ултурна, где Кугунга, мать детей-духов, пекла пироги с дикими томатами; Пуртунья, где один из камней некогда был телом инициированного, и прикосновение к которому грозит смертью, а также Унвара, где была убита женщина Милилли...

Выяснить подробности всех этих легенд оказалось не легким делом. Тжундага, выполнявший роль переводчика, задавал мои вопросы аборигенам на местном наречии, а отвечал мне по-английски. Но рассказывать хотелось всем аборигенам, и они часто начинали говорить все вместе, причем каждый сообщал свою версию одной и той же легенды. Это сбивало бедного переводчика, и он не знал, кого слушать. Тжундага повторял свой вопрос и уже готовился сообщить мне ответ, как вдруг один из рассказ-

чиков вспоминал песню к легенде, и все аборигены начинали петь на самых высоких нотах. Нам приходилось ждать, пока песня не кончится, и снова терпеливо распутывать главную нить легенды.

Легенда об Эму (*Dromaius novaehollandiae*) Джакаре и Дикой Индейке (*Eupodotis australis*) Кипаре, широко распространенная в эпосе аборигенов, объясняет, почему у современной эму так много птенцов, а у дикой индейки мало. Хотя легенда имеет массу всяких вариантов, суть сводится к тому, что когда-то обе птицы, имевшие большие семьи, жили рядом. Однако завистливая Эму стремилась во всем досадить своей соседке и возвыситься над ней. Однажды, возвращаясь с охоты в сопровождении всего лишь двух птенцов, она сказала повстречавшейся ей Дикой Индейке, что преднамеренно умертвила всех остальных, так как они доставляли слишком много хлопот. После недолгих уговоров Дикая Индейка согласилась последовать этому примеру. Но как только она выполнила свое намерение, Эму тотчас же созвала свой выводок и стала зло насмехаться над убитой горем матерью. В легендах мечь Дикой Индейки обычно лишает Эму способности летать и обрекает эту птицу бродить по земле.

Еще одно интересное место представляет собой Ултурна, расположенная в долине к западу от Канби. Здесь Кутунга, Женщина-Тжукурита собрала много диких томатов и стала печь пироги. Она разложила их на солнце, чтобы пироги хорошо подрумянились. Некоторые из них сильно потрескавшиеся от жары можно и сейчас увидеть на склонах холма. Это камни весьма характерной формы.

Совсем недалеко от того места, где Кутунга пекла пироги, возвышается любопытный камень, напоминающий кусок застывшей лавы. Этот камень когда-то был телом Тапиньи — молодого иницируемого, который, пытаясь укрыться от взоров женщин, бегал по краю крутого обрыва, упал и разбился. Аборигены верят, что этот камень насыщен куранитой дизентерии и прикосновение к нему влечет смерть. Смертельно опасно для человека даже отломать веточку дерева или выкопать яму в пределах четверти мили от камня. Аборигены покрывают камень листьями и ветвями. Они считают, что если в жару этот камень растрескается, все люди мира заболеют дизентерией...

В Унваре — глубокой впадине в западной части гор Манна, где некогда жила женщина Милили, разбросаны живописные красные валуны, растут сосны. Вокруг — море серебристой травы. Когда при свете утреннего солнца смотришь на эту картину, в ней чувствуется утонченная красота древней китайской гравюры. Я не удивился, узнав, что это место связано с легендой о Милили: ни в чем другом чувство прекрасного или драматического не проявляется у аборигенов так сильно, как в выборе легендарных мест.

Женщина Милили была убита гигантскими Людьюми Пундалунга из Катаджуты (гора Ольги). Милили неосмотрительно расположилась на отдых слишком близко от пещеры, в которой Люди Пундалунга прятали свои реликвии — кульпиджи...

Мы с Лори видели эти кульпиджи Унвары. Правда, нам не разрешили подойти к пещере, в которой хранились реликвии. Пришлось сесть на камни и подождать, пока аборигены принесут их и разложат перед нами. Рассказывая историю того или иного кульпиджи, аборигены прижимались к нему лицом и телом: как они объясняли, кульпиджи, содержавшие кураниту здоровья, придавали им бодрость и силу.

Кульпиджи представляют собой тонкие и узкие деревянные пластинки длиной приблизительно в шесть футов. Они покрыты любопытной резьбой в виде концентрических квадратов. Должно быть, некоторые из кульпиджи имеют весьма солидный возраст: их резьба почти стерлась от многочисленных натираний жирной красной охрой.

Кульпиджи племени Питджендаджара похожи на хорошо известные тжурунга или чуринга племени Аранда, живущего в горах Макдоннелла в Центральной Австралии. Тжурунга племени Аранда тоже, по-видимому, некогда принадлежали легендарным предкам. Легенды о тжурунга относятся к «временам создания». До прихода белых тысячи таких тжурунга хранились в пещерах и в других тайниках по всей стране племени Аранда. На каждой тжурунга были вырезаны знаки, объяснявшие историю создания места, где она хранилась.

Неподалеку от места, где Лори и я рассматривали кульпиджи, находилась могила одного из членов ранее побывавшей здесь геологоразведочной партии. Он был убит своим товарищем. Вид этой могилы вызвал среди

аборигенов много разговоров о первых днях вторжения белого человека на их земли. Они вспоминали истории, которые рассказывали им их отцы.

Когда первые европейцы со своими верблюдами явились в страну пустынь, аборигены проявляли к ним любопытство, но не враждебность. Однако белые люди начали стрелять в них, а они, объятые ужасом, никак не могли уяснить себе причину такой жестокости: аборигены вообще не понимают бессмысленного убийства. Они не знали, что белые стреляли потому, что боялись коренных австралийцев. После долгих обсуждений эти наивные люди пришли к выводу, что верблюды — это огромные собаки и чтобы накормить их мясом, белые убивают людей. Закон мести — око за око — пришел в действие, и они попытались отомстить насильникам. Однако у коренных австралийцев с их примитивным оружием не было никаких шансов победить белых; вооруженных ружьями, и много этих смелых людей погибло в неравной борьбе...

Аборигены рассказали нам много трагических историй. Некоторые из них относятся к самому последнему времени. Вот одна из них: белый охотник, бродивший по резервации аборигенов, поссорился с ними из-за женщины их племени и оставил на своей стоянке отравленные муку, патоку и сахар. В результате погибли невинные люди — четверо взрослых и двое мальчиков...

ГЛАВА 20

ЛЕГЕНДА О ЯЩЕРИЦЕ НИНТАКЕ

Через два дня после того как мы покинули Пилтади, перед нами снова встала проблема воды. Иногда нам удавалось пополнять бидоны дождевой водой из углублений в почве, но найти достаточно большой водоем, чтобы напоить верблюдов, мы не смогли. Несколько раз мы отклонялись в сторону от основного маршрута, чтобы добраться до водоемов, в которых, как уверяли аборигены, всегда была вода. И каждый раз эти водоемы оказывались совершенно высохшими. В конце концов было решено искать воду в источнике Мулара в горах Томкинсона.

Покинув подножие гор Манна, мы вступили в страну пустынь. Меня поразила пышная растительность этих мест. Очевидно, несколько месяцев назад здесь пронеслась случайная гроза. Повсюду буйно цвели акации, хибискус и пурпурная паракеелия. Песчаные склоны одной из долин были усыпаны сотнями диких персиковых деревьев. Их ветви склонялись под тяжестью ярко-красных плодов. Эти персики поистине были настоящим божьим даром: однообразный рацион из пресных лепешек, к тому же не всегда хорошо пропеченных, окончательно расстроил мое пищеварение. Я мог бы продержаться еще некоторое время, питаюсь консервированными томатами, а затем — концентратами каши, но кончились и они. Меня уже начал мучить голод, и я чувствовал себя совсем неважно. Персики придали мне бодрости.

Три часа мы двигались по местности, одетой свежей зеленью, — отрадный вид после бесконечных зарослей малги. Эти заросли с их скудной темно-зеленой листвой очень непривлекательны. Однако в отдельности некоторые деревья выглядят красиво, в особенности когда они выделяются на фоне покрытого облаками неба или освещаются лучами заходящего солнца.

Первый взгляд на Мулару привел нас в ужас: нам показалось, что и этот источник высох. Но после того как мы выкопали в песке яму глубиной около фута, вода начала медленно набираться, настолько медленно, что потребовалось целых два дня, чтобы напоить верблюдов и наполнить бидоны. Мы тронулись в путь с приятным чувством — в этой обширной стране имелось по крайней мере два места, на которые можно было положиться, — Мулара и Пилтади.

Возвращаясь другой дорогой, мы добрались до озера Вилсон у отрогов гор Манна. Увидев это высохшее озеро я понял, как повезло Гилесу и Госсе, когда они исследовали эти места. В то время водоемы горы Ольги, Опаринна и многие другие не пересыхали, а озеро Вилсон было полно воды.

Гилес в «Дважды пересеченной Австралии» писал: «Прибыв к озеру, мы обнаружили, что его вода несколько солоновата. Озеро лежит у самого подножия гор. Северный берег его скалистый, обрывистый, южный — пологий и песчаный. По поверхности воды скользят мно-

гочисленные утки и всякая другая водоплавающая птица. Несколько горных ручьев вливаются в озеро с севера; на восточном берегу в него впадает небольшая речка. Общая длина береговой линии составляет восемь-девять миль. Озеро имеет продолговатую форму; оно наиболее вытянуто с востока на запад. Когда озеро до краев заполняется водой, оно достигает в окружности двадцати миль. Я назвал это прекрасное озеро именем ' Вилсона...»

Стоя на голом холме и наблюдая за жаркими вихрями, подымавшимися со дна высохшего озера, я не мог поверить, что когда первые белые люди достигли гор Манна, эта огромная впадина была полна водой, в которой плескались сотни уток и других водоплавающих птиц.

От озера Вилсон мы двинулись к Аране — месту, которое фигурирует в длинной и сложной легенде о Ящерице Нинтаке, или Человеке-Перенти.

Вот содержание этой легенды: в древние времена женщины племени, обитавшего в горах Манна, не имели хороших жерновов для размола семян, травы, и лепешки получались у них очень невкусные. Мужчины повсюду искали плоские и гладкие камни для хороших жерновов, но нигде не могли их найти. Однажды Нинтака — Человек-Перенти — услышал во время охоты, как далеко на востоке какие-то люди размалывают семена. Нинтака сообразил, что доносившиеся до него звуки могут производить лишь очень гладкие и ровные жернова. Он решил отправиться в страну этих людей, похитить жернова и отдать их своему племени.

Много дней Нинтака шел в том направлении, откуда слышались звуки жерновов. С каждым днем звуки становились все громче. Наконец, Нинтака пришел к Людям Нинджури (Черные Ящерицы), жившим неподалеку от того места, где сейчас находится городок Уднадатта. Нинтака, не заходя в лагерь, зажег костер, чтобы его увидели Нинджури. Такой обычай существует до сих пор. Когда Люди Нинджури вышли, чтобы встретить Нинтаку, он, конечно, ничего не сказал об истинной цели прихода, а начал длинный рассказ о своих странствиях, о своей стране.

Нинтаке было запрещено заходить в лагерь, но Люди Нинджури делились с ним пищей. Каждый вечер одна из

женщин приносила ему обед из мяса кенгуру и такие вкусные лепешки, каких он еще никогда не пробовал. «Вот это да,— думал Нинтака.— Уж как обрадуются мои соплеменники, когда их женщины приготовят такие лепешки...»

После нескольких дней нетерпеливого ожидания Нинтака, наконец, был допущен туда, где жили Нинджури. Человек-Перенти увидел жернов, за которым прошел столько миль. Это был плоский кусок песчаника. На нем постоянно мололи семена, поэтому поверхность стала совершенно гладкой. О таком жернове могли только мечтать в его племени. Нинтака едва мог дождаться, пока наступит подходящий момент, чтобы украсть его.

Однажды вечером Нинтака порезал себе ногу. Рана была не глубокая, но показалась кровь, и хитрец притворился, что очень серьезно болен. Когда на следующее утро Люди Нинджури решили взять Нинтаку с собой на охоту, он показал им рану и сказал, что не сможет пойти с ними. Не догадываясь о коварных замыслах гостя, Люди Нинджури выразили свое сожаление по поводу такого несчастья и ушли.

Как только Нинтака остался один, он поспешно проглотил жернов и стал бегать около стоянки, думая что множество его следов собьет с толку Людей Нинджури, когда они бросятся за ним в погоню. Затем он превратился в маленькую ящерицу и, прыгая по камням, пустился наутек. Чтобы совсем запутать своих преследователей, Нинтака с помощью своего рингили (жемчужной раковины) вызвал сильный дождь: нужно было смыть все оставленные следы.

После этого Нинтака снова принял обычный вид и отправился в путь к горам Манна, горя желанием быстрее вручить своему народу добытое сокровище. Ему нужно было пройти не менее пятисот миль.

Обнаружив пропажу драгоценного жернова, Люди Нинджури пришли в ярость и решили во что бы ни стало поймать и убить вора. Но когда они попытались пойти по следам Нинтаки, то стали в тупик: следы похитителя шли во всех направлениях. Прошло много времени, прежде чем один из Нинджури заметил, наконец, следы вора там, где земля еще не успела просохнуть после дождя. Приободрившись, преследователи с новыми силами начали погоню.

Тем временем Нинтака, пройдя через горы Эверарда и Масгрейва, достиг северных отрогов гор Манна. Тут он вскарабкался на небольшой холм и, убедившись, что Людей Нинджури поблизости нет, выплюнул жернов. В Уанкаринге мы любовались живописной группой камней, увековечивших эту историю. Верхний камень — это Нинтака. Он настороженно поднял голову, высматривая своих преследователей. Другой камень немного пониже — похищенный жернов.

Когда Нинтака добрался до родных мест, соплеменники на все лады принялись расхваливать его смелость и находчивость.

Прошло некоторое время. Убедившись, что ему удалось ловко скрыть свои следы от Людей Нинджури, Нинтака отправился на охоту. Жернов он оставил около водоема Араны. Возвращаясь к стоянке, он внезапно увидел своих врагов, которые в ярости топтали драгоценный жернов. Нинтака бросился к ним, но они встретили его целым дождем дротиков. Так погиб смелый Человек-Перенти.

Закончив рассказ о Нинтаке и Людях Нинджури, аборигены повели нас к источнику Арана, пробивавшемуся из расщелины у основания высокой скалы. Мне было непонятно, как сумеют они напиться из такого источника: вода протекала по дну расщелины на глубине примерно восемнадцати дюймов, а сама расщелина была такой узкой, что протиснуться в нее могла разве лишь небольшая собака. К тому же у аборигенов не было никакой посуды. И снова я подивился их изобретательности. Моания нарвал охапку сухой травы, смял ее и опустил в источник. Когда трава набухла от воды, он вытащил ее и досуха высосал.

Хотя в этот жаркий день Моания не пил несколько часов, он сумел теперь утолить жажду за каких-нибудь две минуты. Тжундага и двое других аборигенов последовали его примеру. Они напились с помощью того же пучка травы. Потом в расщелину проползли три собаки и тоже напились. Наконец Тжундага протянул мне грязную жестянку из-под табака, уверяя, что вода в источнике совершенно чистая.

Чистая, бог мой! Четыре человека мочили траву в этой луже, и в довершение из нее пили три собаки. И вот теперь настала моя очередь, причем вместо чашки я дер-

жал в руках грязную жестянку. Я был готов отказаться от соблазна, но во рту у меня совершенно пересохло, а бидоны с водой были в двух милях отсюда. В конце концов махнув на все рукой, я напился, вернее, лишь слегка смочил рот. Лори был более отважен. Возможно, он не понимал, что ему грозит: немало белых годами страдали от неведомой болезни, после того как напились воды из таких вот источников. К счастью, никто из нас не заболел...

Вечером прошел сильный дождь. Заклинания Тильбукуны действовали безотказно! Ливень наполнил водой все расщелины в скалах, и мы решили, что больше нам уже не придется искать драгоценную влагу.

Около трех часов утра небо прояснилось, и звезды на омытом дождем небе засверкали особенно ярко. Красота небосвода всегда восхищала меня. Однако мои познания в астрономии были довольно ограниченными. Я мог быстро разыскать созвездия Ориона, Скорпиона и, конечно, Южный Крест, но созвездия Арго, Дельфина, Геркулеса мне уже было трудно найти. Когда аборигены начали рассказывать мне свои легенды о ночном небе, я почувствовал необходимость пополнить свои знания. У меня в блокноте записано много легенд аборигенов о возникновении Млечного Пути, Южного Креста, Арго, Венера с Юпитером.

Одна из них, похожая на многие наши легенды, рассказывает о большой любви. Жили в далекие времена юноша и девушка. Они очень любили друг друга. Когда юноша достиг совершеннолетия, его внезапно оторвали от дома и от девушки: он должен был пройти обряды посвящения, продолжающиеся год и больше. Разлука сильно подействовала на девушку. Она смутно представляла себе те болезненные испытания, которые ждали ее возлюбленного, и боялась за него. Когда началось посвящение и всем женщинам приказали удалиться, девушка, нарушив самый суровый закон аборигенов, под покровом темноты пробралась к священному месту. Поздно вечером один из стариков увел юношу в сторону от стоянки. Там они устроились на ночь. Но парень не мог спать — очень болели свежие раны. При виде страданий своего возлюбленного девушке захотелось увести его от стариков и уйти с ним куда-нибудь далеко-далеко, где бы они могли жить спокойно и счастливо. Подобравшись по-

ближе к костру, она, чтобы привлечь внимание юноши, стала подражать крикам зверей. Когда юноша заметил ее, девушка велела ему следовать за собой. Но не успели они очутиться вместе, как проснулся страж и начал разжигать потухший костер. Зная, что обоих ожидает смерть, если их поймают, девушка обвила руками юношу и полетела с ним на небо. Обнаружив исчезновение юноши, страж позвал своего младшего брата и они принялись искать следы беглеца. Взглянув на небо, оба сообразили, что произошло.

Беглецы быстро мчались вдоль Млечного Пути. Братья тоже пытались забраться на небо, но каждый раз их ноги соскальзывали и в этом месте возникали звезды. В конце концов они все-таки забрались на небо. Делая огромные шаги, стражи бросились вдогонку за влюбленными, оставляя следы — парные звезды. Когда они приблизились к беглецам, младший метнул бумеранг, а старший — дротик. Бумеранг пролетел мимо, а дротик попал в голову юноши, сбив с нее пукати (головную повязку)...

Все действующие лица этой легенды давно уже превратились в звезды, сияющие теперь в хвосте созвездия Скорпиона, — два стража, юноша и верная девушка...

ГЛАВА 21

ДЕТИ-ДУХИ

Все время с того самого дня, как мы оставили Эрнабеллу, Джабаба уговаривал нас побывать у впадины Ниунья, где он родился. Зная, что легендарная женщина Кутунга, мать детей-духов, также происходит из этих мест, мы в конце концов согласились. Когда наша группа добралась до Ниуньи, оказалось, что не только сама впадина, но и вся окружающая местность связана с легендой о Кутунге и ее любовнике Мильбили — Человеке-Ящерице.

По преданию Мильбили долго преследовал Кутунгу, прежде чем ему удалось овладеть ею у впадины Ниуньи. Кутунга родила от Мильбили четверых детей — двух здоровых и двух уродцев. Эти дети и сейчас возвышаются

там в виде огромных валунов. Два из них, напоминающие гигантские яйца, олицетворяют здоровых детей-духов — маленьких серебряноволосых иулания. Два других камня, не такие круглые, представляют собой окаменевшие тела детей-уродцев.

Если какое-нибудь племя хочет, чтобы у него стало больше детей, оно выделяет нескольких мужчин, которые с песнями и заклинаниями направляются к круглым камням и кладут между ними зеленые ветки. Духи детей, пробужденные заклинаниями, покидают свою обитель и отыскивают тех женщин, которых хотят сделать матерями. Найдя нужную женщину, иулания ждет, пока она останется в одиночестве, чтобы проникнуть в ее тело и превратиться в человеческое существо. Дети-духи настолько малы, что их могут видеть лишь медицинские люди, которые иногда помогают им отыскивать будущих матерей.

Вера людей племени Питджендаджара в сверхъестественное происхождение детей подтверждает выводы, к которым пришли другие исследователи и я сам, о том, что коренные австралийцы не представляют себе физического отцовства, т. е. не видят связи между брачными отношениями мужчины и женщины и рождением ребенка. Я встречал аборигенов, проживших с белыми всю жизнь и тем не менее придерживавшихся своих первоначальных взглядов в этом вопросе. У каждого племени своя легенда о детях-духах.

Мулили, старая женщина из племени, которое живет в горах Флиндерса, рассказала мне, что дети-духи их племени — мури произошли от двух великих матерей — маудланами, обитавшими «за небом» и спускавшимся на землю в образе маленьких бабочек.

Когда старая Мулили изложила мне теорию аборигенов о происхождении детей, я сказал ей:

— Ну, хорошо, так считают черные люди. Но ведь вы же знаете, что говорит об этом белый человек?

— Да, — согласилась Мулили. — Я знаю, что говорит белый человек, но я не думаю, что он прав. Если бы он был прав, тогда замужние женщины должны были бы рожать детей все время, потому что они все время живут со своими мужьями.

— Но дети у них рождаются не все время, — продолжала она. — У некоторых женщин много детей, у некото-

рых мало, а некоторые вообще их не имеют. Белый человек не может объяснить, почему так бывает, а черный — может. Если у одной из наших женщин много детей, мы знаем, что она любимица мури. Если у другой мало детей — значит мури любят ее меньше. Ну, а если у женщины вообще нет детей, тогда уже каждому ясно — дети-духи не влюбились ей и не хотят воспользоваться ее телом, чтобы превратиться в человеческие существа...

— Нет,— заключила старуха,— я не думаю, что белый человек прав. Он не может объяснить эти вещи, а мы можем.

Утверждения старой Мулили и рассказы людей племени Питджендаджара о детях-духах дали мне основание заключить, что аборигены не представляют себе природы зачатия и рождения.

Хотя у аборигенов не существует почти никаких обрядов, связанных с рождением ребенка, такое событие всегда приковывает к себе всеобщее внимание. Особенно бывают возбуждены женщины. Как-то утром, когда мы были в Эрнабелле, к нам прибежала запыхавшаяся Набиана.

— Скажи жене,— обратилась она ко мне,— иди (ребенок) пришел ночью! И его девочка!..

Это была первая девочка, рожденная здесь за последнее время, и все женщины суетились вокруг нее. Джонни не заставила себя ждать, она быстро собрала немного сладостей для матери и в сопровождении Нибианы и других женщин отправилась познакомиться с ребенком.

Жена нашла роженицу, лежавшую под защитой небольшого навеса из ветвей. Между ней и маленьким костром находилась девочка, появившаяся лишь десять часов назад. Кожа у девочки была совсем светлой и напоминала кожу загорелого европейца. Однако она быстро темнела, и примерно через неделю тело ребенка по цвету уже не отличалось от тела матери.

Женщины с нежностью гладили малышку, расхваливая ее достоинства,— длинные волосы, складную фигурку, маленькие ручки. Они кудахтали над ней точно так же, как и белые женщины.

Позднее мы узнали, что во время родов женщина оставалась в полном одиночестве. Когда схватки усилились, она с помощью молодой девушки устроила навес из ветвей в некотором расстоянии от стоянки и разожгла

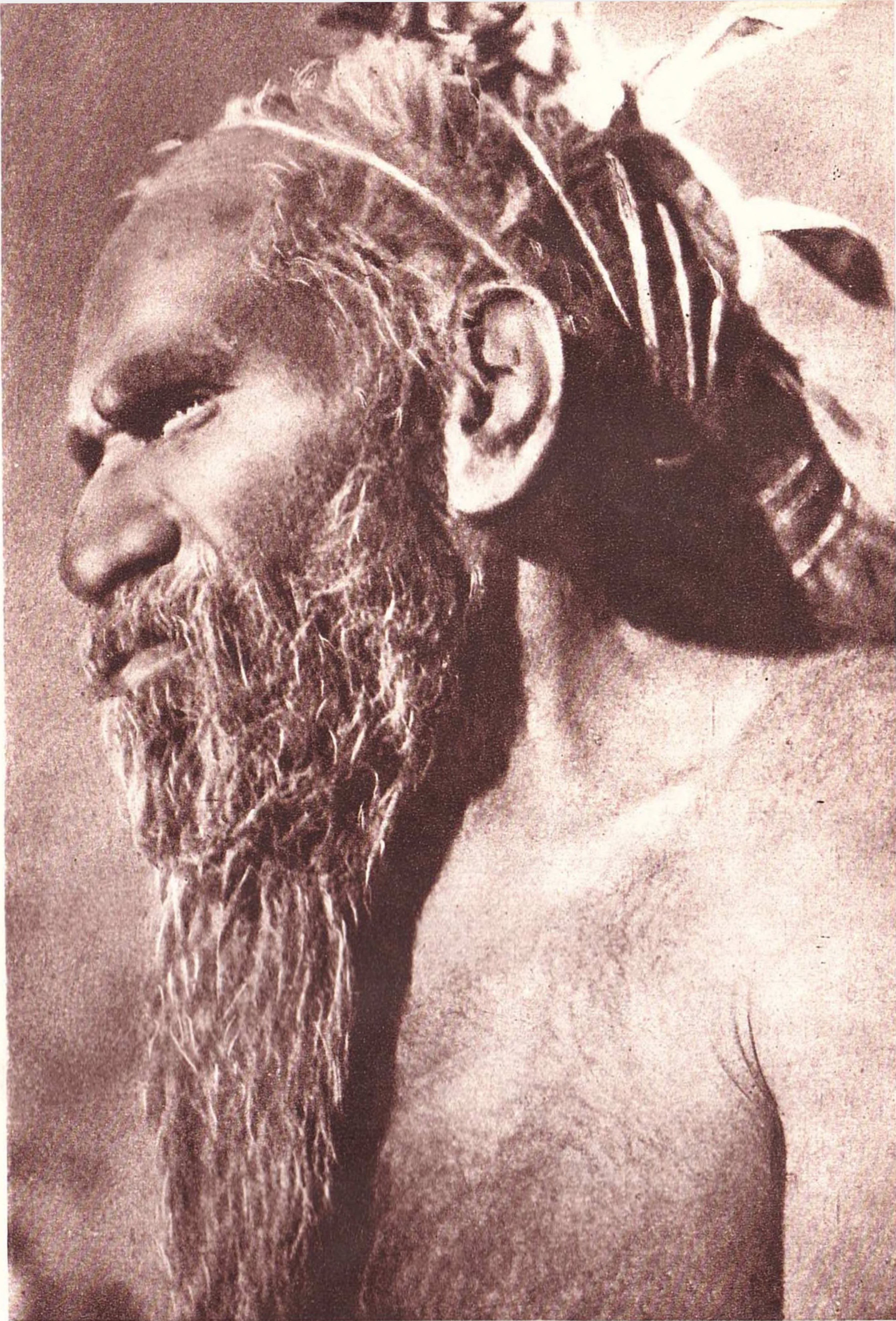
огонь. Затем девушка оставила роженицу, чтобы та разрешилась от бремени без посторонней помощи. Нам сказали, что так рожают все женщины, уже имеющие детей. На этот раз мать ребенка не покидала своего ложа в течение трех дней. В обычных же случаях женщина не может так долго лежать после родов. Если, например, племя переезжает на новое место, роженице приходится вставать независимо от того, как она себя чувствует, и идти вместе со всеми.

Осмотрев места, связанные с легендой о детях-духах, и подсчитав подходившие к концу запасы пищи, мы повернули в обратный путь. Уже несколько дней у нас не было мяса. Дичи попадалось мало, да и та, что попадалась, находилась вне пределов досягаемости пули. Мои спутники были слишком высокого мнения об огнестрельном оружии. Они, по-видимому, считали, что если где-то на горизонте появляется кенгуру, то достаточно лишь направить ружье в нужном направлении, спустить курок и можно считать, что животное уже у наших ног. Очень часто, когда мы сидели без мяса, я вздрагивал от возбужденных криков моих друзей: «Кука! кука! (мясо!) Тжаму!» и видел кенгуру, скрывавшегося при нашем приближении. Каждый раз аборигены пытались убедить меня начать преследование животного, и каждый раз я отказывался. Я знал, какой из меня охотник! Кроме того, мои последние парусиновые туфли уже готовы были развалиться.

Однажды холодным утром я сильно продрог, восседая на верблюде. Вдруг глаза аборигенов заметили примерно в четверти мили от нас четырех эму. На этот раз обстановка благоприятствовала охоте. Эму не проявляли никаких признаков беспокойства. Они находились с подветренной стороны от нас, а местность давала возможность достаточно близко к ним подобраться.

Я осторожно соскочил с верблюда и пополз к птицам, укрываясь за деревьями и кустами. Так я добрался до одинокого дуба, за которым простиралась уже открытая равнина, заросшая спинифексом.

От птиц меня отделяло расстояние примерно в 300 ярдов. Пока эму вели себя совершенно спокойно, но я знал, что, заметив меня, они сразу же умчатся, а вместе с ними исчезнет и наша надежда на вкусный мясной обед. Я тщательно прицелился, нажал курок и положился на бога.

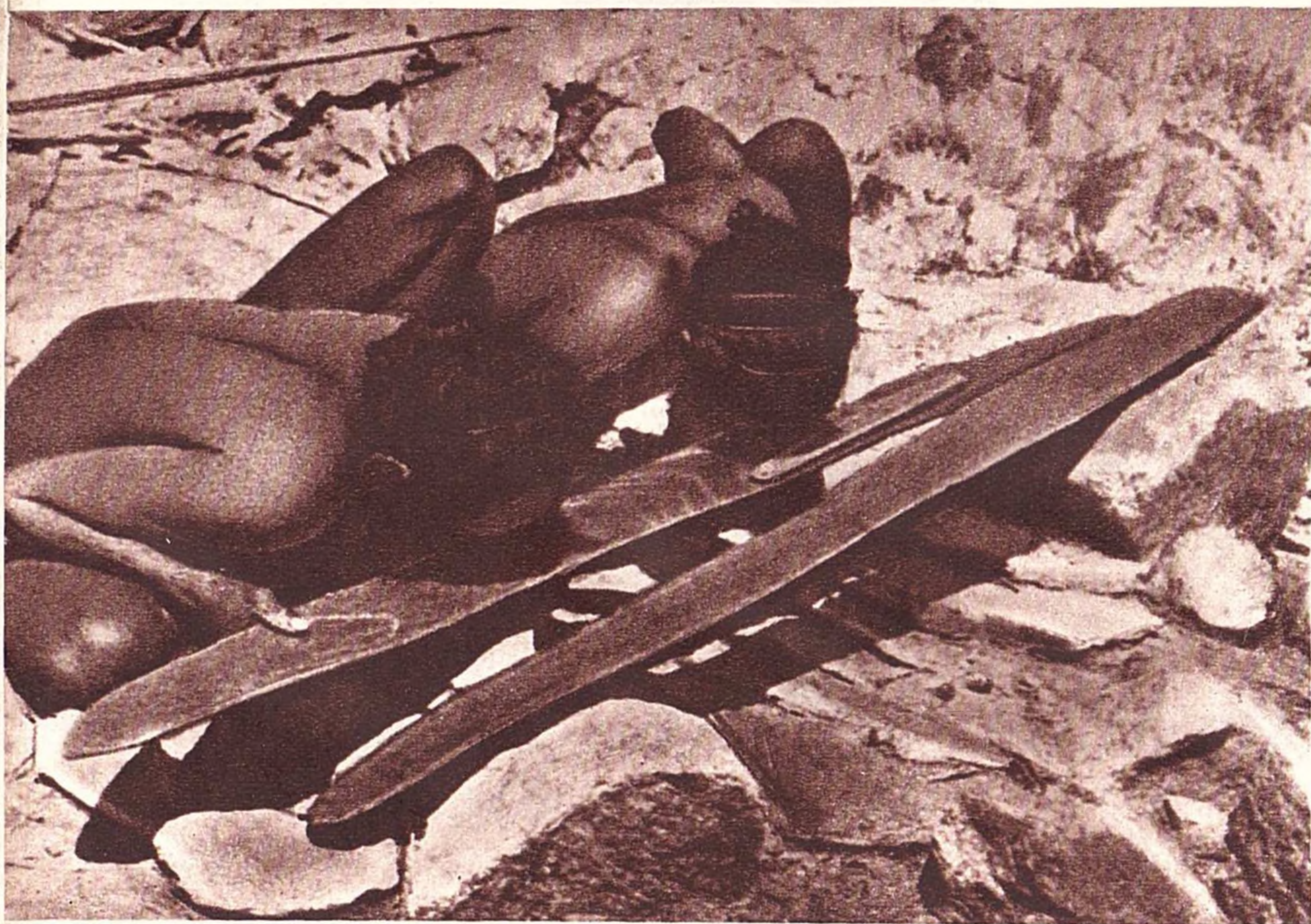

Старый, мудрый Тжалерина

Группа „травяных деревьев“

Аборигены считают, что кульпиджи, наполненные куранитой здоровья, делают человека бодрым и сильным, если он прикоснется к ним ,

Одна из птиц упала; другая, не зная откуда нагрянула опасность, кинулась в мою сторону. Самый крупный эму остановился в сотне ярдов от того места, где я притаился. Быстро дослав в магазин патрон, я вновь выстрелил и... промахнулся! В спешке я забыл переставить прицел. Сзади послышались возгласы разочарования. Мои спутники не заметили, как упал первый эму. Однако разочарование быстро сменилось восторгом, когда я знаками показал, что первый выстрел был успешен; все аборигены во главе со старым Джабабой окружили меня и стали плясать, громкими криками приветствуя мою удачу. При этом они слегка касались моих ног дротиками. И правда, я чувствовал себя героем...

Я был доволен не меньше их, но как настоящий охотник старался казаться совершенно равнодушным, как будто подстрелить эму для меня сушая безделица. На самом же деле мой меткий выстрел был чистой случайностью — дул сильный встречный ветер, а я ухитрился попасть в шею птицы да еще на расстоянии трехсот ярдов! Просто эму очень не повезло. Когда Тжундага начал расточать мне комплименты, я сказал, что всегда стреляю в шею птиц. Вначале он мне поверил, но затем, широко улыбаясь, спросил, сколько всего эму я убил за свою жизнь. Пришлось признаться, что это моя первая удача...

В полдень Моания и Джабаба занялись приготовлением эму. Мы с Лори сфотографировали поваров — уж очень старательно они работали, да и приготовление эму мы наблюдали впервые.

Распределение мяса проходило по строгим правилам, с которыми я уже был знаком, так как не раз присутствовал при делении туши кенгуру. Я, как охотник, с которым не было его жены, получил лишь кусок кожи, твердой и упругой, как резина, ребра, горло, почки и сердце. Ноги и нижняя часть туловища — самые лучшие места — достались моим сотрапезникам. Ситуация начала принимать угрожающий оборот, и я был вынужден обратиться к Джабабе:

— Предположим моя минма (жена) была бы здесь? Сколько бы мяса ей досталось?

— Его получила бы одну джунду (ногу), — ответил старик.

— Прекрасно,— сказал я,— давай притворимся, что она сейчас с нами...

Джабаба понял намек и протянул мне ногу эму.

На обратном пути мы потратили немало времени на поиски воды. Опасность погибнуть от жажды нам не угрожала, но никому не хотелось возвращаться в Пилтади. Запасы пищи были на исходе, а возвращение в Пилтади отняло бы у нас целых два дня. Тжундага и Моания уговорили нас направиться к водоему Куна, где, как они клялись, «очень большая вода», которая никогда не высыхает. Хотя я уже не очень верил в эти «большие» воды, мы с Лори последовали за ними.

На этот раз они оказались, пожалуй, правы: в Куна содержалось около сорока галлонов черной застоявшейся воды — достаточно, чтобы дать каждому верблюду по несколько ведер и пополнить наши запасы. Когда верблюды почуяли воду, они принялись кричать. Между тем без воды они оставались немногим больше трех дней и поэтому не могли испытывать такой отчаянной жажды. Я сказал Тжундаге, чтобы животных не развѣчивали: мы будем сами подносить им воду. Но упрямый Тжундага все-таки стащил выюки с верблюдов. Одно за другим животные поднимались на ноги и направлялись к водоему с драгоценной водой. Мы пытались повернуть их в сторону, но тщетно. Они на нас и внимания не обращали. Я кидал им в морду песок, бил ветками по голове и, наконец, совсем отчаявшись, решился на последнюю попытку. Когда один из верблюдов наклонился и начал пить, я ударил его прямо по носу пробковым шлемом. Удар несколько не подействовал на верблюда, однако шлем мой был безнадежно испорчен.

Равнодушные ко всему верблюды преспокойно продолжали пить. Словно насмехаясь над нами, они вылизывали дно водоема, пока там не осталось ни капли воды. Никогда еще высокомерный вид верблюда не вызывал во мне такой ненависти, как в этот вечер. А в общем, все хорошо, что хорошо кончается. К вечеру следующего дня мы нашли много воды, и все тревожения остались позади.

Хотя больше всего нас мучила вечная проблема воды, приходилось сталкиваться и с массой других неприятностей.

Особенно досаждали нам колючки. Природа в этих местах превзошла сама себя в создании тернистых кустарников и деревьев. Миллионами игл щетинился бакбуш, соперничая с «бараньей головой»¹, шипы которой были такими острыми, что один из них проколол мне палец. Сущее несчастье для людей и животных представлял спинифекс. На равнинах и на склонах холмов от колючек не было спасения. Мы находили их всюду — в седлах верблюдов, в спальнях мешках, в своей одежде.

Много раз в течение дня аборигены садились на землю и, заостря веточку, выковыривали ею из ступней ног причинявшие боль колючки. От колючек страдали даже собаки. Они постоянно кусали свои лапы, пытаясь вытащить впившиеся в них иглы...

Хотя мы привыкли философски смотреть на подобные вещи, каждая новая неприятность, особенно если она происходила, когда все валялись с ног от усталости, вызывала поток таких слов, которые, боюсь, не часто можно услышать в культурном обществе...

В течение последнего месяца я шествовал сквозь заросли и по каменистым склонам гор в ботинках на тонкой резиновой подошве — сначала в своих собственных, а потом в одолженных у Лори. Так как его ботинки были на два размера меньше, в них пришлось прорезать дырки для больших пальцев. Идти в такой обуви было очень неудобно: она не защищала от бесчисленных колючек и острых камней. И все же я был доволен, что мне удалось достать хоть такие ботинки: без ботинок я совсем не мог идти.

Когда моим ботинкам настал конец и мне пришлось надеть ботинки Лори, я почувствовал нестерпимую боль. Однако к концу путешествия в горах Манна ноги уже не болели так сильно. Необходимость беречь ноги от острых камней заставила меня последовать примеру аборигенов — выбирать место, прежде чем сделать шаг. Постепенно я постиг искусство ходьбы по острым камням, которым каждый из них прекрасно владеет с детства...

¹ Виды австралийских кустарников.

сать им смертный приговор. У обнаженных аборигенов тело после дождя высыхает в течение трех минут. Если же они будут носить одежду, например старое пальто, то не смогут обсушиться и за три дня. Что же будет тогда с этими людьми — ведь они не обладают иммунитетом против легочных заболеваний?

Мне кажется, что некоторые люди, когда речь заходит о наготе этих обитателей австралийских пустынь, проявляют долю ханжества. Я очень часто любовался прекрасными обнаженными телами мужчин, которые все время были перед нашими глазами. Их крепкие мускулы и поступь, отличающаяся королевским величием, всегда радовали глаз. Особенно сильное впечатление своим достоинством, — достоинством, порожденным структурой их общества, — производили пожилые аборигены.

В обществе коренных австралийцев нет никаких социальных различий между мужчинами одного возраста. Нет патрициев, нет членов палаты общин, нет богатых и бедняков, нет вождей и нет массы. Здесь также нет и военачальников, подавляющих и грабящих народ, потому что здесь нет организованной войны и нет армий, которые нужно возглавлять. Бразды правления сосредоточены в руках мудрых стариков, которым присущи и дальновидность, и чувство меры, т. е. то, чем обладают лишь лучшие представители западной цивилизации.

Наши исследователи показали, что не только социальные достоинства общества аборигенов, но и их интеллект далеко не заурядны. Существовало и все еще существует ошибочное представление, что интеллектуальная способность общества может быть определена количеством орудий, которыми это общество обладает, т. е. другими словами — его материальной культурой. А между тем австралийские аборигены обладают исключительно ограниченной материальной культурой — ни постоянных жилищ, ни металлических орудий, ни глиняной посуды, ни луков и стрел, ни сельского хозяйства. У них есть лишь простейшее охотничье снаряжение.

Исходя из этого, многие авторы описывают коренного австралийца, прибегая к самым унижительным определениям: «человек, ничем почти не отличающийся от животного», «тип, стоящий на самой низкой ступени развития», «едва ли можно назвать человеком» и т. д. Такие утверждения создали низкое мнение об этих людях...

То обстоятельство, что наши спутники со своими пятью простейшими орудиями — дротиком и дротикуметателем у мужчин, блюдом, жерновом и копатальной палочкой у женщин — в состоянии жить в безводной пустыне, где белый человек погибает, если не берет с собой пищу и воду, безусловно свидетельствует о вполне нормальном мышлении аборигенов. Эти обитатели австралийских пустынь, чья жизнь проходит в нескончаемых передвижениях с места на место, знают то, чего не знаем мы: как жить в суровых условиях, довольствуясь минимальным снаряжением. Когда семья трогается в путь, мужчина захватывает с собой свои охотничьи принадлежности, а женщина, водрузив на голову блюдо, берет в руки копатальную палочку, и сколько бы дней, недель или месяцев не продолжалось путешествие, у семьи будет все, что ей необходимо.

Вне всякого сомнения племя Питджендаджара отличается самой примитивной материальной культурой, существующей ныне на земле. Его каменные и деревянные орудия уводят нас к древнейшим временам.

Мы наблюдали, как Джабаба и его товарищи занимались изготовлением деревянного дротикуметателя. Единственным их инструментом были камни, которые они подобрали на склонах холмов. Одним камнем с острым краем весом около семи фунтов аборигены срубили небольшое дерево малга и раскололи его ствол. Эта операция заняла у них более часа. Маленькими камнями они выдолбили из ствола сердцевину. В довершение Джабаба отделал дротикуметатель с помощью каменного долота.

Изготовлением дротикуметателя аборигены занимались в общей сложности около четырех часов. Дротикуметатель у аборигенов находит несколько применений. С его помощью охотник может метнуть дротик на большее расстояние. Он используется как режущее приспособление — на одном его конце закрепляется острый осколок кварца. Поскольку дротикуметатель полый внутри, его применяют для хранения пищи. Он служит также для добывания огня: его тонкой кромкой быстро водят вдоль трещины в чурбане, пока жар от трения не воспламеняет образующуюся древесную пыль.

Дротик готовится из нескольких прямых ветвей дерева «текома вайн», связанных сухожилиями кенгуру.

На одном конце дротика острие из твердого дерева, на другом — небольшое углубление, куда вставляется штифт дротикометателя.

Выделка из полых пней эвкалиптов деревянных блюд занимает от трех до четырех дней. Эта работа также производится острыми камнями. Блюдо, как и дротикометатель, имеет много применений: оно служит колыбелью для ребенка, в нем хранят пищу и воду. Во время длительных переходов женщины переносят в блюдах жернова и разные мелкие вещи.

Копательная палочка — это заостренный прямой сук, неоднократно обжигавшийся на огне и ставший твердым, как железо, а жернова — два камня: плоский и выпуклый.

Сбор пищи — однообразное и часто очень тяжелое занятие. Он проводится женщинами сообща и служит неиссякаемой темой разговоров. Лори, посвятивший себя изучению искусства женщин-аборигенок, обнаружил, что подавляющее большинство их рисунков воспроизводят те или иные происшествия, случившиеся во время сбора пищи.

В рисовании женщины находили столько же удовольствия, сколько получала его Нибиана, когда она выступала в роли переводчика Лори. Нибиана привыкла к моему молодому спутнику и радовалась любой возможности оказать ему помощь.

Однажды вечером в Опаринне я вышел из своей палатки подышать свежим воздухом и, взглянув на палатку Лори, увидел, что она готова разорваться от множества набившихся в нее людей. Я пошел узнать, в чем дело, и при свете двух свечей — керосиновые лампы, как почти и все другое наше снаряжение, кончили свое существование, разглядел там Нибиану и Лори, которые в окружении почти всех женщин стоянки внимательно рассматривали рисунки. Женщины наперебой растолковывали Нибиане, что означает замысел того или иного рисунка. Бедная Нибиана честно пыталась хоть что-нибудь понять из этого галдежа, но каждый раз теряла терпение и раздраженно кричала:

— Вонга виа! (Замолчите!) Моя и Лори ничего не слышат, слишком много вас говорят все вместе!..

Здесь же вертелись многочисленные собаки, путаясь под ногами женщин — собака аборигена чувствует себя

самым счастливым существом, находясь рядом с человеком. На меня всегда производила большое впечатление дружба между аборигеном и его собакой. Собака такая же неременная принадлежность семьи, как и дети. Она часто сидит у общего маленького костра, а по ночам спит рядом с мужчиной или женщиной. Я часто видел, как Джабаба засыпал в обнимку с собакой. И даже той маленькой девочке, что недавно родилась в Эрнабелле, пришлось разделить место у семейного очага с собакой, принадлежавшей ее матери...

Аборигены редко бьют своих псов. Но когда уважаемый ими белый человек просит унять этих проныр, которые постоянно таскают у него продукты, они прогоняют собак от палаток. Однако незлобивые и привыкшие к хорошему обращению, животные каждый раз быстро возвращаются назад.

Заканчивая поздно ночью записи в дневнике, я нередко чувствовал, как кто-то подползает ко мне, и, взглянув вниз, видел какую-нибудь жалкую собачонку, по ошибке принявшую меня за своих хозяев. Дав собаке пинка, я напутствовал ее обычным европейским «Пошла вон!» Подобное обращение, несомненно, заставило бы собаку, принадлежащую белому человеку, съежиться и дать стрекача. Но эта собака просто не понимала, что означает такое отношение к ней. И когда я отпихивал ее, она, с недоумением посмотрев на меня, снова пыталась приблизиться...

Хотя между собакой и коренным австралийцем существует горячая привязанность, собака почти всегда умирает от голода. Аборигены в лучшем случае в состоянии раздобыть пищу лишь для себя. Поэтому они предоставляют своим друзьям самим заботиться о себе, в чем мы не раз убеждались. Собаки совершали внезапные налеты на наши запасы продуктов. В Эрнабелле они вытащили из склада маленький мешок муки, разорвали его и устроили пиршество. Я отправился на стоянку и учинил скандал по этому поводу. Но каждая женщина заверяла, что виновата не ее, а чья-то другая собака, хотя улики были налицо: виновники сидели у костров и у каждой мокрый нос был испачкан мукой.

Однажды вечером в Опаринне я наблюдал взрыв всеобщего возмущения. Случайный путник принес весть, что какой-то миссионер истребил множество собак соседнего

племени, разбросав отравленную приманку. Обсудив это происшествие, все аборигены с гневом заговорили о бродячих собаколовах, которые убивают их собак ради правительственных премий. Моания рассказал мне, как один из его родственников, голодая во время длинного перехода в пустыне, решил убить и съесть одну из своих собак. Но, убив ее, он так огорчился, что кусок не пошел ему в горло. Абориген рыдал над трупом собаки всю ночь, словно она была человеком...

Женщины постоянно возятся со щенками и часто таскают их с собой к новым стоянкам, положив в свои деревянные блюда. Самая обычная картина: молодая девушка несет маленького щенка на спине, точно так же, как женщины носят своих детишек...

Малыш, пока не подрастет и не начнет ходить самостоятельно, — весьма тяжелая ноша для матери. Поэтому мы с Лори, чтобы помочь уставшим женщинам, часто сажали детей на верблюдов рядом с собой. В последний день путешествия между Опаринной и Эрливуньявуньей одна беременная женщина передала мне полугодовалого сына. Хотя малышу было со мной далеко не так хорошо, как с матерью, он целый час смирно просидел на спине верблюда, крепко вцепившись в седло пухлыми ручонками. Ребенок начал капризничать лишь после захода солнца. Его мать, все время державшаяся рядом с верблюдом, сорвала с себя лохмотья и протянула мне, чтобы я укутал ее сына. Я завернул его в эти тряпки и держал на руках еще часа два, пока наш караван не остановился. И за все это время не было уже никаких хныканий. А ведь малышу, должно быть, было очень холодно в лохмотьях...

В Эрливуньявунье мы провели очень неуютную ночь. Со всех сторон дул пронизывающий ветер. Несколько раз в течение ночи мы с Лори перетаскивали спальные мешки с места на место, принаравливаясь к направлению ветра. Только мы забирались в них, ветер менялся, и нам в лицо летели песок и зола. Лагерное имущество было разбросано, навесы повалились. Проснувшись поутру, мы обнаружили, что наши ноздри и уши забиты пылью. Мы были рады поскорей забраться на верблюдов и начать последний переход по пути к Эрнабелле...

МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ ДОМОЙ

Верблюды медленно, с трудом везли нас назад к цивилизации, а моя голова была переполнена мыслями о простых приветливых людях, которых мы оставляли позади, — о веселом насмешливом Джабиабе, острой на язык Нумиди, внимательной Нибиане и надежных честных Моании, Тжундаге и Тжалерине...

На всю жизнь останется у меня в памяти то короткое время, когда мы имели возможность наблюдать проявления одной из самых примитивных культур человечества — культуры с такими простыми орудиями, что даже добывание с их помощью пропитания в пустыне уже представляет собой явление замечательное; культуры с такими совершенными законами, что между людьми царит мир и они живут в полной гармонии со своим окружением. Не проявляются у них жестокость и грубость, как пытаются уверить нас многие. Жизнь их носит общественный характер.

Философские воззрения аборигенов тесно связывают их с окружающей природой. В отличие от нас аборигены — не «творцы мироздания», а часть его. Великие их прародители, жившие в «дремлющие времена» и создавшие животных, птиц и растения, были также и создателями людей. Та же самая куранита, которая дает жизнь всему на свете, дает ее и аборигенам. Они не в большей и не в меньшей степени, чем все живое, являются составной частью мира.

Культура этих людей, выражающаяся в легендах и песнях, неразрывно связана с подвигами их великих легендарных предков.

Необыкновенно сильны узы, связывающие всех коренных австралийцев с прошлым, а также с окружающей природой. Более того, аборигены имеют определенную власть над ней. Это они своими обрядами увеличивают земные блага, заставляют размножаться животных, цвести и плодоносить деревья. Поскольку аборигены сами создают растения и животных, они берут у природы лишь самое необходимое. Поэтому в местах, удаленных от поселений белых, вы не найдете следов разрушительной деятель-

ности человека — вырубленных на склонах гор лесов, равнин, превращенных в пустыню, не столкнетесь с примерами бессмысленного уничтожения животных... А ведь аборигены живут здесь с незапамятных времен!

Коренные австралийцы и природа — одно целое, и это единство определяет у них право на владение землей. Они не могут себе представить, чтобы, например, Люди-Кенгуру владели землями Людей-Эму. Только Люди-Кенгуру знают легенды тех мест, где они живут, легенды, в которых рассказывается о том, как создали эту землю их легендарные предки. Поэтому эти места могут принадлежать только им.

Отношения аборигенов друг к другу так же хорошо отрегулированы, как и их отношение к земле. Они создали общество, в основе которого лежит принцип взаимного предоставления и получения материальных благ — каждый получает от общества и каждый дает обществу — принцип, пронизывающий все стороны жизни, общественные взаимоотношения, обряды, сбор и распределение пищи. Наиболее ясно проявляется этот принцип в последнем случае. К выработке справедливой системы распределения пищи несомненно привел недостаток еды. Подобная же система может действовать безотказно лишь в дисциплинированном обществе, там, где все уважают законы, где господствует дух справедливости.

Общественный уклад жизни этих людей, базирующийся на принципе кооперативности, по-видимому, не таит элементов конкуренции. Мы ни разу не наблюдали того, чтобы один из них старался возвыситься над другим, чтобы одна группа людей считала себя более привилегированной по сравнению с другой. Даже у детей нет ни одной игры, выражающей дух соперничества.

С первого взгляда кажется, что разделение племени на две общественные группы — таманилжан и нанундурака — может привести к конкуренции и последующим распрям между ними. Однако этому препятствует закон экзогамии, требующий, чтобы все женились или выходили замуж за членов другой группы. Поскольку каждый член одной группы связан родством с людьми из другой группы, общество представляет собой так крепко спаянный родственными отношениями и чувством долга коллектив, что любая возможность конфликта в нем исключается.

Так как ни между группами, ни между отдельными лицами нет никакой конкуренции, являющейся вечным источником разногласий, поскольку отсутствуют условия, при которых один пиршествует, а другой умирает от голода, нет частного владения землей и социального неравенства, постольку нет и необходимости в организованной войне, нет кровопролитий и бедствий.

Разумеется, случаются нарушения законов и отдельные ссоры — это неизбежно в любом обществе. Но в этом случае для удержания нарушителей в рамках правил поведения редко приходится прибегать к физическим наказаниям — обычно достаточно бывает всеобщего строгого порицания.

Ровный ход общественной жизни аборигенов обеспечивается стабильностью их законов и обычаев, стабильностью, покоящейся на опыте поколений. До прихода белых аборигенам не приходилось сталкиваться с дезорганизацией, являющейся следствием бесконечных изменений законов. Им не нужно было приспособливаться к новым нормам поведения.

Вокруг них ничего не изменялось, они следовали одним и тем же законам, и образ их жизни поэтому оставался неизменным. Это удивительное общество — общество жителей пустыни: простое, мирное, где помогают друг другу и понимают друг друга, где нет расчета, озлобления и конфликтов, столь характерных для более сложных общественных укладов.

Но за все это аборигенам приходится дорого платить. Хотя их общественная организация почти идеальна, жизнь аборигенов тяжела и полна лишений. К длинным утомительным путешествиям в пустыне в летний зной или зимние холода они относятся как к самому обычному делу. Часто им не хватает пищи и воды, они всегда находятся под угрозой голода. Для взрослых людей эти тяготы еще терпимы, но для детей, беременных женщин и стариков уже слишком тяжелы. Лишения — обычный удел этих людей, и они терпеливо и стойчески переносят их.

К концу второго дня мы добрались до Эрнабеллы. Миссис Уорд, радушная, как и всегда, пригласила Лори и меня принять ванну, а затем как следует накормила нас. Мы долго сидели за столом, разговаривая о путешествии...

Длинный и тяжелый путь остался позади. Я расположился на ночь под деревом. Надо мной бриллиантами блистали звезды. Чувствуя душевное успокоение, наслаждаясь ощущением чистоты, я погрузился в удивительный освежающий сон...

На заре меня разбудил крик петуха, потом я услышал ржанье лошади, а позже к этим звукам присоединились другие: блеяние овцы, скрип водяного насоса, людской говор...

Эти звуки были частью моего существа, частью жизни, к которой я привык. Они означали для меня то же, что ледники и зеленые долины для вернувшегося домой швейцарца, или шум лондонских улиц для кокни¹. Эти звуки говорили мне, что я вернулся домой...

¹ Лондонец из низов, обычно уроженец его восточной части.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Глава 1. Отъезд	5
Глава 2. От Уднадатты до Эрнабеллы	11
Глава 3. Первый лагерь	16
Глава 4. Обряд Горного Духа	24
Глава 5. Обрядовая жизнь	32
Глава 6. Медицинский человек	38
Глава 7. Мы готовимся к путешествию в пустынную Австралию	45
Глава 8. На пути в Линдавейл	53
Глава 9. Гора Коннор и Ледяные Люди	58
Глава 10. К горе Эйрс	64
Глава 11. Гора Эйрс и ее легенды	71
Глава 12. Мы поднимаемся на гору	72
Глава 13. Поездка к Катаджуте	79
Глава 14. Мы возвращаемся в Эрнабеллу	86
Глава 15. Обряд погребения	92
Глава 16. Путешествие в Опаринну	99
Глава 17. Обряд вызывания дождя	106
Глава 18. Пилтади	112
Глава 19. Легенды гор Манна	114
Глава 20. Легенда о ящерице Нинтаке	119
Глава 21. Дети-духи	125
Глава 22. Культура аборигенов	132
Глава 23. Мы возвращаемся домой	139

Чарлз Маунтфорд

КОРИЧНЕВЫЕ ЛЮДИ И КРАСНЫЕ ПЕСКИ

Редактор *Б. Ш. Забиров*
Художественный редактор *Т. И. Алексеева*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Корректор *З. Г. Гейзе*

Т-01712 Сдано в производство 4/1 1958 г. Подписано в печать 20/III-1958
Формат 84×108^{1/32}. Физических листов 5. Печатных листов 7,38 | 0,82 нед.
Издательских листов 8.47. Тираж 75000. Цена 2 р. 65 к.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15, Географгиз
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Московского городского
Совнархоза. Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ № 1316

